

КОМЕТА БѢЛЫ,
АЛЬМАНАХЪ

НА

1853 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1853.

КОМЕТА БѢЛЫ,

АЛЬМАНАХЪ

НА 1833 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 30 Октября 1852 года.

Ценсоръ *Павелъ Гаевскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

І. ПРОЗА.

Стр.

- Ө. В. Булгарина:* Походъ вольницы Палъевой. 291.
- Вл. Глинскаго:* Сказка о томъ, какъ опасно
дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому
Проспекту. 259.
- Н. И. Грега:* Эпизодъ изъ новаго Романа . . . 354.
- М. П. Погодина:* Галеева комета 1.
- О. И Сенковскаго:* Басня въ прозѣ 179.
- О. М. Солова:* Эпиграфъ вмѣсто заглавія . . . 44.
- С. П. Шевырева:* Болонская школа (отрывокъ
изъ путевыхъ записокъ по Италіи) 217.

ІІ. СТИХИ.

- Ө. Н. Глинки:* Грусть въ тишинѣ 24.
- Свиданіе и разлука 161.
- М. Д. Деларю:* Четыре вѣка (изъ Овидія) . . 155.
- Статуя Переты въ Царскосель-
скомъ саду 176.
- Ночь 205.
- Мой міръ 211.
- Человѣкъ въ лушѣ, сказка Ге-
беля 362.

<i>М. Дмитриева:</i> Судь народамъ, Псаломъ 2	29.
Пѣснь брачная, Псаломъ 44.	207.
<i>И. И. Козлова:</i> Вольное подраженіе Андрею Шевье	153.
<i>А. Кошарова:</i> Полночь 31 Декабря.	32.
Ормы	331.
<i>И. А. Крылова:</i> Подражаніе Псалму XVIII	371.
<i>Н. Кукольника:</i> Отрывокъ изъ драматической Фантази: Торквато Тассо	282.
<i>М. А. Маркова:</i> Надгробная Благословенному.	368.
Страдалецъ къ Богу.	369.
<i>Кн. Мещерскаго:</i> Пѣсня	366.
<i>В. Петерина:</i> Изъ Греческой Анеѳологіи	251.
<i>Г. Подолинскаго:</i> Отрывокъ изъ Сказки	26.
<i>Г. Раина:</i> Отрывокъ изъ VI пѣсни Неистоваго Орланда	35.
<i>Барона Е. Ф. Розена:</i> Звѣзды родины.	41.
<i>Я. И. Р—ц—ва:</i> Три картины	249.
<i>Г. Р.</i> Разговоръ потомковъ	289.
<i>В. Г. Теплякова:</i> Одиночество.	246.
Оправданіе	279.
Любовь и ненависть	224.
<i>Г. Хомякова:</i> Къ *	350.

<i>Кн. А. А. Шаховскаго:</i>	Пѣсня Атамана Баш-	
	лыка	360.
<i>С. П. Шевырева:</i>	Три молніи	215.
<i>В. Н. Щастнаго:</i>	Отрывокъ изъ драматич.	
	позмы: Ангелика	163.
	Хандра	358.
<i>Н. М. Языкова:</i>	Дѣвъ	154.
	Вино	178.
	Поэту	213.
	Къ * * *	327.

ГАЛЛЕЕВА КОМЕТА.

I.

Галлей, Профессоръ Аспрономіи въ Кембриджскомъ Университетѣ, посвятилъ всю свою жизнь на изученіе премудрыхъ законовъ мірозданія. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ опказался опъ всѣхъ удовольствій, въ коихъ обыкновенные люди ищутъ своего счастья, опъ обществъ, богатствъ, почестей, увеселеній. Одно было у него наслажденіе: уразумѣвать глубокія мысли своихъ великихъ предшественниковъ и опкрывать по ихъ слѣдамъ новыя виды въ любимой наукѣ, проникавъ дальше и дальше въ ея священныя таинства. Одинъ, въ тишинѣ своей ученой кельи, среди книгъ и инструментовъ, или въ Университетской аудиторіи, между внимательными учениками,

проводилъ онъ спокойные дни свои, удаляясь отъ всѣхъ происковъ, не принимая участія ни въ какихъ козняхъ, не получая никакихъ наградъ. Только необходимостъ содержащаго многочисленное семейство отвлекала его иногда отъ любимыхъ занятій. Однакожъ не смотря на такой образъ жизни, Галлей, какъ всякой человекъ опличный, имѣлъ у себя враговъ. Одинъ изъ его поварищей не могъ напримѣръ проспитъ ему его дарованія, его свѣтлаго ума, копорый ясно различалъ важное отъ неважнаго въ наукѣ; другой ненавидѣлъ его за то, что безъ всякой пощады, когда рѣчь была о чести науки и славѣ Университета, обличалъ его невѣжество и упрекалъ за позоръ, наносимый имъ всему почтенному сословію; третій завидовалъ его ученой славѣ, превышающей будпо бы его достоинства, совѣтъ не чрезвычайныя. Сии враги старались вредить ему всѣми силами, и успѣвали въ своемъ намѣреніи, ибо никто не бываетъ изобрѣшательнѣе посредственно-

спи въ эпозъ опношеніи: люди, коротко знавшіе Галлея, смѣялись надъ обвиненіями въ вольнодумствѣ, развращеніи, возмущительности; но другіе, особенно знапные, предъ которыми Галлей, чувствуя свое достоинство, и уважая свой высокой санъ, вель себя очень гордо, принимали къ свѣдѣнію частые, разнообразныя навѣшны, и Галлей за всѣ свои многолѣшніе шруды не только не получалъ ни какого ободренія, но оспавался въ шолпѣ, пренебреженный и даже припѣсняемый. Впрочемъ онъ по своему характеру переносилъ все эпо терпѣливо, опмщаль своимъ гонимелямъ презрѣніемъ, а чаще сожалѣніемъ, и сердечно былъ увѣренъ, что истина, рано или поздно, возьметъ верхъ. Эпа благодарная увѣренность укоренилась въ немъ еще болѣе, когда, среди глубокихъ своихъ размышленій, нечаянно, озаренный какимъ-ш небеснымъ лучемъ, провидѣль онъ возможность утвердить спирогими математическими доказапельствами предположеніе Ньютона

о движеніи кометъ, и шѣмъ рѣшилъ важнѣйшую задачу новой Астрономіи. Съ жаромъ принялся онъ за эпопею прудъ, коимъ надѣялся утвердить свою славу и посрамить своихъ враговъ. Нѣсколько лѣтъ, лучшихъ въ жизни, пожертвовалъ онъ на тяжелыя изслѣдованія: оспавлялъ семейство безъ вниманія, пренебрегалъ домашними дѣлами, подвергалъ себя опасности лишиться послѣднихъ средствъ къ пропитанію подъ спаросею, однимъ словомъ — исчисляя тысящелѣтіями и земными осями въ безпредѣльныхъ атмосферахъ, онъ не примѣчалъ, какъ шянулось наше скудное время, и не заботился ни мало о шѣхъ мѣлкихъ условіяхъ, кои налагаютъ оно на слабыхъ сыновъ нашей брэнной планеты. За то пруды его увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и онъ къ полному своему удовольствію опыскалъ наконецъ законы, по коимъ кометы совершаютъ свое печеніе въ небесныхъ пространствахъ. Онъ приложилъ попомъ свои исчисленія къ нѣ-

копорымъ извѣстнымъ комешамъ, и удосто-
вѣрился совершенно въ истинѣ своихъ выво-
довъ. Но всего сладоспнѣе для Галлея было то
что онъ, по счастливому спеченію обстоя-
тельствъ, могъ предъ лицомъ всего ученаго
и неучего міра доказать вѣрность своего оп-
крытія предсказаніемъ ознаменитой комепъ
1456 года, проклятой вмѣстѣ съ Турками
Папою Калиспомъ, которая по его расчету
должна была явиться въ слѣдующемъ 1758
году. Галлей былъ въ упоеніи счастья: одинъ,
изъ глубины своего презрѣннаго уединенія,
безъ всякаго постороннаго пособія, какъ бы
на зло своимъ врагамъ, онъ производилъ ве-
ликій переворотъ въ наукѣ, и вмѣсто суе-
вѣрнаго страха возбуждалъ благоговѣніе въ
сердцахъ человѣческихъ къ премудрому Міро-
правителю. Онъ видѣлъ уже себя на верху
славы, почестей, богатствъ: первые чины
въ государствѣ пріѣзжаютъ къ нему свидѣ-
тельствовать свое почтеніе; Король осы-
паетъ его своими милостями; онъ получаетъ

всѣ возможныя пособія для занятій науками, устремляешъ на Астрономію всѣ свои силы, безъ разсѣянія, нужды, помѣхъ, возводишъ ее на высочайшую степень совершенства, и увлекаешъ за собою цѣлыя поколѣнія.

Среди сихъ мечтаній Галлей совершенно перемѣнился: изъ мрачнаго и спокойнаго вдругъ онъ сдѣлался шумнымъ и веселымъ, безпрестанно шутилъ, смѣялся, шолковалъ свое опкрытіе всякому встрѣчному, женѣ, дѣтямъ, ученикамъ, даже врагамъ, копорые приведены были въ замѣшательство ясностію его доказательствъ. Напрасно нѣкопорые изъ нихъ предложили было ему свои возраженія; онъ увѣрялъ, что явленіе кометы не подлежитъ ни какому сомнѣнію и разослалъ повсюду свое пророчество, поразившее всѣ Европейскіе народы, копорые доселѣ почипали кометы внезапными явленіями, знаменіями небеснаго гнѣва, внѣ всякихъ удобопоспѣжимыхъ законовъ. Каково же было общее удивленіе, когда они услышали, что сіи

спрациныя чуда сшоль же покорно повинуюпся проспымъ еспешпвеннымъ законамъ, какъ и прочія явленія въ мiрѣ! Всѣ съ любобышпствомъ, сомвнѣемъ и спрахомъ ожидали назначеннаго срока. Соошечешпвенники гоповились надѣшп на Галлея вънець ученой славы. Онѣ считалѣ часы, дни и мѣсяцы. . . .

Наконецъ наступаетъ 1758 годъ, копорый кажешся ему въчноспю. Приближаетъ Юонь мѣсяць. Галлей не помнитъ самаго себя, ничего не видиптъ, ничего не слышитъ. Напрасно жена напоминаешъ ему о ежедневныхъ нуждахъ, — онѣ ничего не чувспвуетъ. Подождемъ кометы, опвѣчаетъ онѣ на всѣ вопросы, на всѣ пребованія, и, почти непринимая пищи, пипія, не сходиптъ со двора, не понимаетъ самъ, чпо дѣлаешъ, говоритъ; смоприптъ, смоприптъ не опвода глазъ, на дальнее небо, въ безпамяпспвѣ сдуваетъ мимолетящія облака, опмахиваетъ, раздвигаетъ руками пучи, опасаясь, чшобъ онѣ не зааспили кометы въ минуту

ея появленія. Остаётся ужъ одна недѣля. Но чѣмъ болѣе приближается назначенная секунда, тѣмъ неперпѣннѣе Галлея увеличивается. Внѣ себя опъ разныхъ чувствованій, онъ переселяется совсѣмъ на башню, гдѣ была устроена его обсерваторія, и убираетъ ее, какъ жрецъ убираетъ храмъ, готовясь къ священнодѣйствію. Вось и 18-ое число.

Ученики по его приказанію приглашаютъ на обсерваторію всѣхъ городскихъ начальниковъ, Профессоровъ, даже враговъ, копорые всѣ должны бытъ свидѣтелями его славы. Музыка, нанятая на послѣднія деньги, должна грянуть въ сосѣдней комнапѣ хвалебный гимнъ въ честь великаго опкрытія. Но вось уже смерклося. Собрались всѣ гости. Галлей торжествуетъ. Небо, покрытое до сихъ поръ тучами, прояснилось, какъ будто въ угожденіе своему достойному любимцу. Лице Галлея блещетъ радостію, глаза его сверкаютъ, сердце бьется, онъ весь дрожитъ. Пробыло 10 часовъ. Опъ раздаетъ

присутствующимъ телескопы, трубы, стекла, часы, и самъ садился царемъ на первое мѣсто. Всѣ умолкли, и благоговѣйная тишина распространилась по башнѣ. Всѣ устремляющъ взоръ на указанную точку, гдѣ комета должна взойти на горизонтъ, напрягаютъ свое зрѣніе, а Галлей—въ царствѣ небесномъ. . . Наконецъ наступаетъ вождельная минута... оспалось только пять секундъ, четыре . . . двѣ . . . одна

Боже мой! кометы нѣтъ. Галлей поблѣднѣлъ. Глухой шопотъ слышится въ комнатѣ. . . однакожъ никто не всталъ съ своего мѣста, дожидаются. Проходятъ еще нѣсколько минутъ. Комета не является. Кольна у Галлея подогнулись. Онъ не вѣривъ собственнымъ глазамъ и оборачиваетъ опяжевшую голову къ сосѣдямъ, какъ будто надѣясь услышать отъ нихъ радостную вѣсть, вопреки своему чувству, — и встрѣчается съ язвительными улыбками, пожатиями плечами, и видитъ, какъ шипяще

змѣи во пмѣ подняли на него свои жала. «Да что жъ, ты брапъ, скоро ли покажешь намъ свою комешу?» закричалъ спарой Лордъ — Меръ города. — Галлей не можешь выговорить ни одного слова. «Эхма! распревожилъ ты пась даромъ. Дуракъ и я, что шебъ повѣрилъ. Ну гдѣ намъ брапецъ съ шобою звѣзды хваташь! Пойдемше, господа, домой.» И всѣ зрипели, какъ будшо ожидая условнаго знака, зашумѣли съ досадою и негодованіемъ. Враги возвысили голосъ, и въ разходившейся полтѣ слышались разныя оскорбительныя прозвища шарлапана, обманщика, хваспуна.

На обсерваторіи оспался одинъ Галлей, какъ будшо пораженный громовымъ ударомъ, въ кругу изумленныхъ учениковъ своихъ. Долго озирался онъ вокругъ; вся внутренность его пылала; судороги пробѣгали по плѣлу. Онъ началъ было что-то говорить, но изъ устъ его вырывались только несвязные звуки, и послѣ немногихъ щепельныхъ

усилій упалъ онъ въ обморокъ. Ученики взяли его на руки и опнесли домой.

Но что сдѣлалось съ нимъ на другой день, когда онъ пришелъ въ себя, и со всѣхъ сторонъ началъ получать извѣстія о слухахъ, разнесшихся по городу, — какъ одни враги его утверждали, что онъ хопѣлъ поколебать вѣру своимъ пророчесствомъ; какъ другіе увѣряли, что онъ пользовался до сихъ поръ незаслуженною, чужею славою, и не имѣетъ никакого понятія объ Аспрономіи; какъ претвѣи во всей его жизни находили доказательство самыхъ опвраишельныхъ пороковъ! Словомъ — посредственность поржествовала надъ великимъ человекомъ, и легкомысленная толпа, имѣя предъ глазами ясное по видимому доказательство, вѣрила самымъ нелѣпымъ выдумкамъ. Но что почувствовала Галлей тогда, какъ мнимые друзья его, которыми всегда было тяжело признавать его достоинство, которые, видя его безпрестанно предъ собою, ни какъ не могли понять,

чтобы онъ могъ совершить что либо важное, превосходное, безъ сравненія съ ихъ мѣлками, опытами, пришли къ нему, внутренно веселые и довольные, съ поздними совѣтами и изъявленіями своего прищворнаго участія и сожалѣнія. «Зачѣмъ ты поропился такъ?» говорили одни. «Зачѣмъ не далъ ты намъ просмотрѣть своихъ исчисленій?» упрекали другіе. « Не надобно было объявлять такъ смѣло и поржеспвенно о своемъ опкрытіи, » разсуждали прешьи; — и всякое ихъ слово вонзалось ядовитой спрѣлою въ сердце Галлея. Какой адъ пылалъ въ его внутренности! Какія мученія онъ чувспвовалъ во всякомъ соспавѣ своемъ! Нѣтъ! ихъ нельзя выразить никакими словами. Ихъ могутъ только понимать, объ нихъ могутъ только судить испинные ученые по пѣмъ гореспнымъ минушамъ, копорья каждому изъ нихъ вѣрно испышашъ случалось, когда самыя пылкія мечпы его не сбывались, когда онъ долженъ былъ распшаваться съ самыми любимыми

мыслями, когда нужда свинцовой рукой низвергала его въ прахъ съ высоты боже-спвенныхъ помысловъ.

Галлей заперся въ своей комнапъ и не спалъ прииимать ни кого. Мрачный, безмолв-ный, сидѣлъ онъ надъ своими песпрадиями, цѣ-бля сурпки складываль, вычищаль, повѣрлял свои исчисленія. Нѣпъ—исчисленія были вѣр-ны: ни въ одной мѣлкой дроби, ни въ одной секундѣ, ни гдѣ не находилось никакой ошиб-ки. Напрасно съ глубочайшимъ вниманіемъ осмаприваль онъ всякую букву, всякой знакъ, надѣясь какъ нибудь найпи себѣ объясненіе. Нѣпъ—все было правильно. Комеша должна была явиться, — но она не явилась, — и онъ неистовый, безъ памяти, обвиняя небо въ вѣроломствѣ, вскакиваль изъ за спола, выбѣ-галъ на улицу, успремлялся взорами въ го-ризонпъ: но горизонтъ былъ покрыпъ шу-чами, нигдѣ не видашь шамъ было опвѣша, и Галлей, психими шагами, ослабѣлый, опяпъ возвращался домой къ своимъ повѣркамъ.

Проклятыя цыфры съ непоколебимою швердоспїю повпоряли прежныя заключенїя, и несчастный перьяль перпїнїе, рвалъ на себѣ волосы, и въ мучительномъ раздорѣ съ собою падалъ безъ чувствъ къ подножїю своего телескопа.

Такъ прожилъ онъ полгода. Все спало ему пропивно, особенно Аспирномїя, копорой имя шяжело было слышашъ ему. На небо же онъ не могъ и смопрѣшь. Молча, съ нопупленными взорами ходилъ онъ по комнапгѣ, пока успалоспъ заспавляла его оспанавливапшься, и сонъ смыкалъ упомленные его вѣжды. Враги воспользовались его болѣзнїю и лишили его мѣспа. Заимодавцы описали его имѣнїе. Книги и инструменпшы его были проданы съ публичнаго шорга. Галлей ни чего уже не чувспвовалъ, и былъ въ какомъ-шо забыпши до самаго дня своей кончины, копорая къ счастїю послѣдовала вскорѣ.

Его похоронили на чужой счешъ, и за гробомъ его шли шолько нѣсколько вѣрныхъ

учениковъ и печальная вдова, копорая не сполько жалѣла о немъ, сколько ропшала на него за то, что онъ оставилъ на ея рукахъ многочисленное семейство безъ пропитанія. Журналисты сообщили публикѣ крапкую его біографію, въ копорой голосомъ верховныхъ судей похваля его за нѣкопорыя услуги Аспрономіи, осудили за неумѣренное самолюбіе, взвѣсили на кривыхъ вѣскахъ его дарованія, очень, по ихъ мнѣнію, обыкновенныя, и заключили заказную спашейку приличнымъ стихомъ изъ древняго Лапинскаго Автора.

II.

Несбывшееся предсказаніе живо пронуло Джемса, одного изъ любимыхъ учениковъ Галлея. Эпопъ молодой человекъ, пылкій и оспрый, нѣсколько лѣтъ слушалъ его лекцій, былъ посвященъ во всѣ его тайнства, и имѣлъ неограниченную довѣренность къ ея познаніямъ и генію. Само небо, по его

мнѣнію, могло ошибиться скорѣе, нежели его учитель. Долго спорилъ онъ, въ продолженіе болѣзни Галлея, съ его противниками; наконецъ, увидя, что очевидноспі опровергнушь нельзя, онъ опомнился и рѣшился искать другихъ средствъ, чтобы доказать справедливостъ словъ Галлеевыхъ.

Между тѣмъ великій Аспрономъ скончался. Въ пылу священной горести, бросая послѣднюю горсть земли на его могилу, Джемсъ поклялся посвятивъ всю свою жизнь Аспрономіи и возстановить его славу; онъ поклялся вызвать на горизонтъ запоздалую комету изъ дальнихъ пространствъ небесныхъ, и выпребовать у нея опчетъ, предъ лицомъ всего ученаго міра, почему она не явилась къ сроку, назначенному его учителемъ.

Въ шопъ же вечеръ Джемсъ опправился къ несчастной вдовѣ и выпросилъ у нея всѣ бумаги покойнаго, которыми съ горя она хотѣла было распаивать печку.— Съ какимъ горестнымъ чувствомъ онъ началъ

разсмапривашь драгоцѣнные оспанки великаго мужа. Какія глубокія мысли! Какіе обширные виды! Вся жизнь Галлея, чистая, благородная, высокая, предспавилась взо-рамъ благоговѣйнаго ученика. Онъ узналъ всѣ его благія желанія, всѣ его свяшыя надежды. Въ каждой спрокѣ видѣнь былъ геній, обнимавшій науку во всемъ ея проспранствѣ, проходившій всѣ ея усовершенствованія. — И невѣжды осмѣливались судить объ его сочиненіяхъ, они, копорыхъ умерщвляютъ буква, копорыхъ никогда не живошворилъ духъ, копорые не могутъ даже и подняться на шу высоту, съ копорой только что видѣнь Галлей! — И онъ умеръ уничиженный, поруганный, разперзанный...

Наконецъ Джемсъ дошелъ до разсужденія о комешахъ, бывшаго для Галлея испочникомъ сладчайшихъ удовольствій и жесточайшихъ горестей. Оно было ужъ переписано, и только въ заключеніи осшавалось бѣлое мѣсто, гдѣ должно было вписать из-

въспіе о явленіи послѣдней кометы, неявившейся. Джемсъ углубился въ это сочиненіе. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду, денно и ношно, онъ изучалъ его во всѣхъ часяхъ, до малѣйшихъ подробностей. Всѣ мысли его были здѣсь сосредоточены, вниманіе напряжено до высшей степени. Такимъ же образомъ онъ прошелъ сочиненія прочихъ великихъ учителей Астрономіи: Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, — но нигдѣ не видалъ желаннаго успѣха; онъ лишь только удовольствовался болѣе и болѣе въ испинѣ положеній Галлеевыхъ, и удивлялся его проицательности, остроумію, глубокомыслію. Въ душѣ его собиралась почти такая же гроза, какая погубила Галлея, и онъ готовъ уже былъ предаться отчаянію, какъ вдругъ однажды въ сумерки, когда сидѣлъ онъ унылый подъ окномъ, мелкнулъ у него въ головѣ вопросъ: нѣтъ ли какихъ причинъ, копорыя имѣли бы вліяніе на кометы, и могли замедлить ихъ движеніе? Далѣе и далѣе, съ

препещущимъ сердцемъ онъ началъ вдумываться во все поспоронія обспояпельства, и благопріятныя намеки начали собиращься предъ нимъ оповсюду, ошвъпшь развивался постепенно, и онъ закричалъ : Юпиперь и Сапурнь своимъ пягопъніемъ могли задержашь Галлееву комешу. Онъ соскочилъ съ своего спула, принялся за новыя исчисленія, и въ шу же ночь догадка его подвшердилась, пакъ, что онъ окапчивалъ ихъ, почши увѣренный въ успѣхъ своемъ. — Въ самомъ дѣлѣ, послѣ крапковременной работы, къ неопи-санной радости, онъ нашель, что пупшь комешы непременно долженъ былъ продлишься на 618 дней. Джемсъ шопчасъ написалъ письмо къ Клеро, Французскому Аспроному, съ копорымъ Галлей былъ еще въ перепискѣ, и вскорѣ получилъ опъ него опвѣпть, что онъ самъ сдѣлалъ поже предположеніе, и дошелъ до пѣхъ же заключеній. Воспоргъ Джемса былъ внѣ всякихъ предѣловъ. Онъ сочинилъ программу, въ копорой объявилъ

торжественно, что все исчисления великаго Галлея верны, и что его комета, задержанная поперонными обспояшельспвами, не входившими въ кругъ его изслѣдованій, должна явиться непременно 1759 года, Марта 12, въ 1 часъ и 33 минушы по полуночи. Все смѣялись хваспливому объявленію Джемса, который давно уже слылъ за сумасшедшаго въ городѣ. Однакожь въ назначенное время все собрались на обсервапорію, одни изъ любопытспва, другіе желая позабавиться надъ молодымъ человекомъ, претпыи, чтобъ бросить еще нѣсколько камней въ память Галлея. — Постыпишпели не заботились ни мало о явленіи; — шакъ мало они надѣялись увидѣшь оное: одни разсмапривали испруменпы, другіе смопрѣли въ шрубы по споронамъ, претпыи разговаривали между собою, смѣялись, шутили, перешепывались

«Впошь она! вопшь она!» громкимъ голосомъ вдругъ воскликнулъ Джемсъ. — «Да здравствуешъ имя Галлея! Смоприше, смоприше!»

И изумленное собраніе обращаетъ свои взоры на воспокъ. Тамъ, между зміемъ и лирою, тихо и величественно, поднималась надъ горизонтомъ лучезарная комета Галлея, и блестящими чертами напечатлѣвала на синемъ небѣ вѣчное свидѣтельство его словъ. Всѣ поспипели были внѣ себя отъ удивленія, и безмолвные любовались великолѣпнымъ зрѣлищемъ, какъ мало по малу цѣлая четверть горизонта покрылась огромнымъ хвостомъ и бѣлый свѣтъ распроспранился по всему небу

Но что было съ Джемсомъ? Въ восторгъ онъ плакалъ, прыгалъ, смѣялся, цѣловался. Музыка гремяла, и имя безсмертнаго Галлея переносилось изъ устъ въ уста. Слава его, какъ фениксъ, вылетѣла изъ пепла, оживленная, разцвѣтшая, и опозоренные враги не смѣли произнести ни одного слова. Торжествующіе ученики въ ту же минуту начали роскошный пиръ, и первыми поспами по предложенію Джемса были: Вѣчная

память и слава Галлею! Спыдъ и срамъ его прошивникамъ! Да здравспвуетъ дарованіе! Да будешъ прокляпа зависть и недоброжелательство!

Но первыя минушы воспорга прошли, и лице Джемса оствилось печалію. «Друзья,» сказалъ прискорбный, «зачѣмъ его нѣтъ съ нами!» И глаза всѣхъ учениковъ наполнились слезами, и они вспомнили, въ какихъ мученіяхъ скончался ихъ великій учитель, какъ дорого досталась ему эша поздня слава. Они бросились другъ другу въ объятія, и нѣсколько минушъ продолжалось ихъ умиленное молчаніе.— «Полно, полно, друзья,» воскликнулъ наконецъ Джемсъ, какъ будшо вдохновенный. «Смоприше— нашъ учитель съ высоты своего неба вѣщаетъ намъ завѣщанное слово: наука выше всего! Все за нее! Вы слышите. . . . Пусть зависть, посредственность, невѣжество. . . . Но Богъ съ ними! Прощенье всѣмъ, друзья! Берите

же бокалы! Да здравствуетъ наука! Да процвѣтае нашъ Университетъ!

Погодинъ.

Издапель получилъ сію спашью при слѣдующей запискѣ: «Прочитавъ въ спашьѣ Г. Перевощикова (Мѡтѡва. 1832. Но. 11), «что
«комета не явилась въ 1758 году по пред-
«сказанію Галлея, я живо представилъ себѣ
«мучительное положеніе Астронома, и напи-
«салъ эту *фантазію*. По справкѣ оказалось,
«что въ ней много неправды, и попому мое
«оправданіе только въ пословицѣ: *Se non e*
«*che*, etc. если читатели удостоятъ меня
«оною.» М. П.

ГРУСТЬ ВЪ ТИШИНѢ.

Объято все ночью тишиною,
Лука въ алмазахъ, темень льсъ,
И городъ пожелтъль подь палевоу луною,
И звѣзднымъ бисеромъ унизанъ сводъ небесъ;
Но влажныя мои горять еще рѣсницы,
И не утишилась тоска моя во мнѣ;
Отсталъ отъ пѣсней я, отсталъ я отъ цѣвницы:
Мнѣ скучно одному въ безлюдной сторопѣ.

Я живу, не живу,
И склонивши главу,
Я брожу и безъ думъ и безъ цѣли;
И въ странѣ сей пустой
Раздружившись съ мечтой,
Я подобенъ *надломанной* ели:
И весна прилетитъ,
И лука разцвѣтитъ,
И колѣка на мигъ воскресаетъ,

Зелѣетъ главою,
Но изломъ роковой
Пробужденную жизнь испаряетъ;
И завидя конецъ
Половинный мертвецъ
По немногу совсѣмъ замираетъ!

Ө. Глинка.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СКАЗКИ.

I.

Свѣтель теремъ Царь-дѣвицы
Блещеть златомъ и серебромъ,
Дѣвы бѣлыя-колпицы
Стерегуть ея кругомъ.
День и ночь онѣ дозоромъ
Ходятъ легкія, какъ сонъ;
Ихъ красою, ихъ уборомъ
Путникъ нѣхотя пльнень.
Всѣхъ ихъ краше Царь-дѣвица:
Станомъ лилія точь въ точь,
Очи ясны, какъ депшица,
Кудри черныя, какъ ночь.

II.

Каждый разъ, какъ мѣсяць полный
Стапетъ въ синевѣ небесъ,

Какъ Русалокъ пѣжать волны,
И въ туманахъ тонеть лѣсъ,
Царь-красавица выходитъ
Изъ тесовыхъ изъ воротъ,
За собой она выводитъ
Дѣвъ игривый хороводъ;
Станъ одѣянь легкой дымкой,
Всѣ поютъ — и съ ними въ ладъ
Чьи-то гусли невидимкой
Въ чудномъ теремѣ звучать.

III.

Дивнымъ пѣньемъ очарованъ,
Путникъ станеть, изумленъ,
Какъ незримой цѣпью скованъ,
Недвижно внемлетъ онъ.
Внемлетъ долго — и тревожить
Грудь невольно тотъ напѣвъ,
Онъ послушаться не можетъ,
Не насмотрится на дѣвъ!
Въ нѣгѣ, въ страстномъ утомленьи,
Клонить немощно главу —
И не знаетъ: то видѣнье
Съ нимъ во снѣ, иль на яву.

IV.

И какъ звѣзды потухаютъ,
Мѣсяць тонетъ въ лонѣ водѣ,
Звонъ и пѣсни умолкаютъ
И уходитъ хороводъ.
Долго, долго путникъ юный
Ждетъ съ надеждой и тоской,
Не послышатся ли струны
За рѣшетчатой стѣной —
Ждетъ — и взоръ его свѣтлѣетъ,
Если съ башенъ окружныхъ
Вѣтеръ утренній навѣетъ
Окликъ дѣвъ сторожевыхъ

А. Подолинскій.

СУДЪ НАРОДАМЪ.

ПСАЛОМЪ 2.

Почто въ движеніи народы?
Что замышляютъ племена?
Что ихъ волнуетъ, будто воды,
Когда ихъ хлябь возмущена?...
То встаютъ Цари земные,
То ихъ вельможи встаютъ!
То противъ Бога козни злыя!
Противъ Христа Его идутъ!

«Разторгнемъ узы! свергнемъ бремя!»
Но Онъ, живущій въ небесахъ,
Смѣется имъ, даетъ имъ время,
Не умячатся ли въ сердцахъ!

Онъ ждалъ ихъ съ благостью, какъ съ даромъ ;
Но не смягчился человекъ !
Тогда возсталъ Онъ въ гнѣвѣ яромъ ,
Все двинулъ, все смѣсилъ — и рекъ :

« Я вамъ помазалъ на Сіонѣ
Царя — единаго въ Царяхъ :
Онъ васъ водилъ въ Моемъ законѣ ,
Онъ кротокъ сердцемъ былъ и благъ !
Противъ него ли вы возстали?
Кто мнѣ отвѣтствуетъ изъ васъ? . . . »
Но всѣ приникли , всѣ молчали
И самъ Помазанникъ далъ гласъ :

« Не умолчу опредѣленья
Отца и Бога обо мнѣ :
« Ты сынъ Мой, ты Мое рожденье,
Даю народы въ власть Тебѣ !
Любовью правъ ; но бесполезнымъ
Когда имъ будетъ кроткій судъ ,
Рази ты ихъ жезломъ желѣзнымъ ,
Разбей , какъ глиняный сосудъ ! »

Цари! народы! всѣ внимлите!
Предайтесь Богу своему!
Съ священнымъ трепетомъ служите,
Со страхомъ радуйтесь Ему!
Но чтите сына! — Горе, горе,
Къмъ будетъ кроткій раздражень!
Тогда гнѣвъ Божій грянетъ вскорѣ!
И невидимо грянетъ онъ!

М. Дмитриевъ.

ПОЛНОЧЬ 31 ДЕКАБРЯ.

Я жду съ боязнью и съ смятеньемъ,
Что мнѣ грядущій новый годъ
Въ неотразимый даръ несетъ,
Какое сердцу наслажденье,
Какое горе онъ пошлетъ?
Я окруженъ ночью тьмою;
Хотѣлъ бы я теперь сорвать
Съ завѣтной хартіи печать,
И что предписано судьбою
Все то заранѣ прочитатъ.
Презрѣвъ и умъ и мудрость нашу,
Рышусь водой наполню чашу,
Раздую яркій огонекъ,
На немъ, одинъ, въ сей часъ безмолвный,

Въ сей часъ, таинственности полный
Расплавлю олова кусокъ.

Разгорайся, разгорайся,
Въ жаркій пламень огонекъ!

Разжигайся, расплавляйся,
Твердый олова кусокъ!

Пусть въ расплавленномъ металлѣ

Наслажденья и печали,

За грядущій цѣлый годъ,

Погрузятся, заключатся,

И чудесно отразятся,

Какъ песчинки въ лонѣ водѣ!

Огнемъ проникнуть совершенно,

Металлъ расплавленный блестить

Еще минута — и шипитъ

Опъ, въ воду вылитый мгновенно.

Съ вопнемъ радостнымъ въ груди,

Я слитокъ чудный вынимаю

Смотрю . . . и чтожь? Какъ въ немъ найти

Желанный смыслъ — не постигаю.

Стою, какъ вкопанный, предъ нимъ:

Нестройнымъ роемъ, въ беспорядкѣ,

Мелькаютъ темныя догадки

И разлетаются, какъ дымъ.

Тоска грызеть мнѣ сердце.... Боже!
Ужель и этотъ новый годъ
Въ безсильи , въ праздности пройдетъ ,
И каждый годъ все то же, то же!

А. Комаповъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ VI пѣсни Неистоваго Орланда.

16.

.
Но кажется, ужъ время намъ
 Къ Рожеру возвратиться,
Который быстро по зыбямъ
 Эфира тонкимъ мчится.

17.

Рожерь былъ смѣль, онъ не блѣднѣль,
 Что бъ съ нимъ ни приключилось ;
Теперь же вѣрно оробѣль, —
 Какъ листъ въ немъ сердце билось.
Бѣдняжка! Онъ летѣль, летѣль,
 Поднявшись высоко,

И всю Европу пролетѣль ,
И заметѣль далѣко ,
Давно оставивъ за собой
И потерявъ изъ вида
Столпы , взнесенные рукой
Безстрашнаго Алкида.

18.

И Царь пернатыхъ — и Орель ,
Юпитеровъ служитель ,
Его огнегорящихъ стрѣль
Недремлющій носитель ,
И въ цѣломъ свѣтѣ никакой
Жилецъ небесъ пернатый
Не рветъ въ тверди голубой ,
Какъ рвѣялъ конь крылатый.
Мнѣ кажется, что не быстрый
И самые Перуны ,
Оставивъ горній Эмфирей ,
Слетаютъ въ мѣръ подлунный.

19.

Летучій конь, пробившій путь
Въ пространство поднебесномъ ,

Усталъ и вздумалъ отдохнуть
 На островъ прелестномъ ;
Онъ опускался, плавно кругъ
 За кругомъ развивая :
Такъ Аретуза, то чрезъ лугъ ,
 То полемъ пробѣгая ,
Вилась , шла подъ землей , таясь
 Отъ грустнаго Алфея ,
И не ушла, — и съ нимъ слилась
 Въ волнахъ морскихъ, блѣднѣя.

20.

И что за край! Рожеръ леталъ
 Довольно въ Эмпиреѣ ,
Но ничего онъ не видалъ
 Прелестнѣе , милѣе ,
И не увидѣлъ бы , хоть весь
 Онъ мѣръ измѣрь въ полетѣ ,
Такихъ чудесъ , какія здѣсь
 Онъ видѣлъ въ полномъ свѣтѣ .
Тамъ съ шелковой травой лужокъ ,
 Тамъ холмикъ округленный ,
Тамъ перлы сыплющій потокъ ,
 Кустами осѣненный ;

21.

Тамъ перельсокъ , тамъ лѣсокъ ,
Гдѣ пальмы, шелковицы
И померанцы , ставъ въ кружокъ ,
Спускаютъ плетеницы
Обворожительныхъ цвѣтовъ ,
Перевитыхъ съ плодами ;
Межъ тѣхъ деревъ отъ зноя кровь , —
Они смѣлись вѣтвями ;
И соловьи, летая тамъ ,
Подъ тѣнью перебѣжной
Поютъ и говорятъ сердцамъ
Невыразимо нѣжно.

22.

Межъ купами лилей и розъ ,
Лѣвѣмыхъ прохладой
Отрадныхъ вѣтерковъ и росъ ,
Перебѣгаетъ стадо
И горностаевъ и куницъ
И зайцевъ быстроногихъ ;
Тамъ взорами не счесть станицъ
Оленей златорогихъ ;

Тамъ серны легкія , рѣзвись ,
 По холмамъ скокомъ мчатся ,
И мнутъ муравчатый атласъ ,
 И ловчихъ не боятся .

23.

Крылатый конь почти ступилъ
 На землю, съ выси дальной ,
Рожеръ привсталъ и соскочилъ
 Съ сѣдла на лугъ эмальной ;
Но , осторожный , поводовъ
 Изъ рукъ не выпускаетъ ;
Рожеръ по поднебесью вновь
 Носиться не жалеетъ .
Припоминая и кляня
 Воздушный путь неспосный ,
Онъ къ мирту привязалъ коня
 Межъ лаврами и сосной .

24.

И тамъ , подъ склономъ пальмъ густыхъ
 И кедровъ благовонныхъ ,
Гдѣ шепчуть струйки водъ живыхъ ,
 Віась въ брегахъ зелѣныхъ ,

Слагаетъ щитъ , кладетъ шлемъ ,
И , чувствуя истому ,
Онъ обращается челомъ
То къ морю голубому,
То къ высямъ горъ , и вѣтерки
Тихохонько , отрадно
Лелѣющіе дровъ листки ,
Впиваетъ грудью жадной.

25.

То наклонясь у струй живыхъ ,
Устами ловить влагу ,
То погружаетъ руки въ нихъ :
Онъ радъ имъ , радъ какъ благу ,
Котораго давно не зналъ ,
Разставшия съ землёю.
И мудрено ли ? Онъ усталъ ,
Онъ сдавленъ былъ бронёю ,
И сколько тысячъ миль подъ пей
До счастливаго края ,
Онъ пролетѣлъ чрезъ Эмпирей
Нигдѣ не отдыхая !

Пауза.

ЗВЪЗДЫ РОДИНЫ.

Помню, въ первую разлуку
Съ милой родиной моей,
Сердце въ пламенную скуку
Погружалось по ней
Все не мило, странно, ново,
Не по сердцу было мнѣ,
Все печально и сурово
Было въ чуждой сторонѣ :

Быть иной, иныя дѣвы,
Неродныя небеса,
Незнакомые напѣвы,
Нивы, доли и лѣса —
Все бездушно и безстрастно,
Безответно и мертво,

И природа непричастна
Жизни духа моего!

Въ людяхъ друга не искалъ я,
Ни въ природѣ чуждыхъ мѣстъ;
Въ ночь безлунную гулялъ я
Подъ наметомъ яркихъ звѣздъ:
Въ блескѣ памятныхъ веселій,
Окомъ дѣтственныхъ друзей
На меня съ небесъ глядѣли
Звѣзды родины моей!

Тамъ *медвѣдица-телега*,
И Венера, Оріонъ,
Жезъ Іакова и Вега
Оживляли дѣтства сонъ
Няни рѣчи про *телегу*
Я съ восторгомъ вспоминалъ,
И возлюбленную *Вегу* (W)
Милой вензелемъ считалъ.

Долго память говорила
О далекой сторонѣ ,
И небесныя свѣтила
Отражались во мнѣ ;
Долго радостию яспой
Сердцу свѣтились они —
Будто родины прекрасной
Отдаленные огни !

Баронъ Розенъ.

ЭПИГРАФЪ ВМѢСТО ЗАГЛАВІЯ.

«Знать ему такъ на роду было написано.»

РУССКАЯ ПОГОВОРКА.

Въ губернскомъ городѣ * * * и его окрестностяхъ спояли Гусарскій полкъ и рота Конной Артиллеріи. Офицеры полка и роты были по большей части люди образованные, свѣдскіе; нѣкоторые изъ нихъ могли похвалиться отличными воспитаніемъ. Вообще Гусары и Артиллеристы были дружны между собою, и никогда не было у нихъ повода къ сабельнымъ или пистолетнымъ сдѣлкамъ, коихъ причиною не рѣдко бываетъ военное соперничество. Встрѣчаясь ежедневно на город-

скихъ обѣдахъ и вечеринкахъ , или въ загородныхъ домахъ помѣщиковъ , офицеры сіи веселились вмѣстѣ , не думая ни мало, будто бы одни другимъ могли заслонить дорогу къ удовольствіямъ или видамъ личнымъ.

Съ наступленіемъ глубокой осени , въ городѣ все зашевелилось новою жизнью. Канцелярскіе служивые разныхъ присутственныхъ мѣстъ , два пріи молодые купца , да нѣсколько доморощенныхъ актеровъ и актрисъ одного Графа , оппущенныхъ по смерти его на волю въ силу духовнаго завѣщанія , — сославились между собою *театръ вольнопрактикующихся любителей* , какъ объявлено было въ рукописной афишкѣ , разосланной по городу. Эпошѣ театръ хотя не считался знаменитымъ , зашѣмъ , что былъ одинъ , однако лучшее городское общество съѣзжалось въ него , чтобы убить вечеръ , а офицеры Гусарскіе и Аршиллерійскіе , чтобы

посмѣяшья надъ слезными драмами и опшь полношпы удовольствія позъвашь за фарсами.

Гораздо болѣе манилъ ихъ къ себѣ *редутъ*, или благородное собраніе, гдѣ дважды въ недѣлю собиралось самое знапное и богатое дворянство, и нѣсколько членовъ почешпаго купечества. Здѣсь шпенныя машушки являлись съ молоденькими дочками или съ рослыми недорослями сынками; старички обоого пола садились за карпы, либо полковали между собою о шѣхъ важныхъ предметахъ, кошорые искони соспавляютъ завязку всѣхъ провинціальныхъ разговоровъ. Между шѣмъ дочки, въ промежуткахъ шанцовъ, жеманились, либо кокешничали съ офицерами; сынки спарались выказывать свое молодецтво, покручивали будущіе свои усы и оппускали пошлыя шушки, сшипая ихъ очень оспроумными.

Впрочемъ, въ собраніяхъ сихъ соблюдалась возможная благоприспойность. Глав-

ными учредителями и корифеями оныхъ были Вице-Губернаторъ и Губернскій Предводитель дворянства, оба еще во цвѣтѣ лѣтъ, люди доспашочные и хорошаго тона. Комнаты были прибраны съ нѣкоторою роскошью, освѣщены восковыми свѣчами; музыканты, составлявшіе оркестръ сего собранія, слыли превосходными по цѣлой губерніи, и вѣроятно были бы найдены довольно сносными въ столицѣ. Заѣзжій поваръ и конфекчикъ, Швейцарецъ, котораго обласные забавники прозвали *калашкой* (опъ испорченнаго его произношеніемъ слова: *comasco*), давалъ въ этомъ собраніи ужины за весьма умѣренную цѣну. Диво ли, что всѣ сін удовольствія и выгоды манили посѣщителей въ *редуты*, и что число членовъ увеличивалось ежедневно? Молодежь веселилась въ нихъ, пожилые люди находили здѣсь средства убить время приличнымъ образомъ, а многія мапушки пи-

пались надеждой сбыть выгодно съ рукъ своихъ дочекъ. Офицерамъ было здѣсь истинное раздолье.

Въ Гусарскій полкъ опредѣлился тогда молодой офицеръ знашной фамиліи, и какъ слышно было, чрезвычайно богатый. Родители его померли за нѣсколько передъ шѣмъ лѣтъ, и огромное имѣніе Графа находилось подъ опекой столь же богатаго дѣдушки, копорого онъ былъ единственнѣмъ наслѣдникомъ, и копорый, какъ говорилъся, души въ немъ не слышалъ. Молодой Графъ Кринскій былъ высокъ ростомъ, строенъ, и пригожъ лицомъ; онъ удивлялъ всѣхъ разнообразными своими познаніями, и привлекалъ любезностью своего нрава, юношескимъ жаромъ и воспорженностью, съ какими принималъ онъ первыя впечатлѣнія.

Для офицеровъ было истинною загадкой, почему молодой Графъ, съ его знашностью, богатствомъ и личными досто-

инспвами, не служилъ въ Гвардіи? Самые снисходительные приписывали это какой нибудь шалости молодыхъ лѣтъ, выгнавшей его изъ столицы въ дальнюю провинцію; однако сія догадка не подшверждалась ни слухами, ни мнѣніемъ полковаго Командира о новомъ ихъ поварищѣ. Наконецъ нѣкоторые, въ минушу пріятельской опкровенности, опличающей хороший корпусъ офицеровъ, рѣшились объ этомъ спросить самого Графа. Онъ опвѣчалъ просто, что жизнь сполничная не нравилась ему излишнею своею разсѣяніоспійю, и что онъ считалъ службу не средствомъ къ скорому повышенію, а поприщемъ, опкрывающимъ случаи къ истиннымъ заслугамъ предъ Царемъ и Опечеспвомъ. Офицеры, хотя не вопль убѣжденные, принуждены были однако же показывать наружно, будпо бы въряпъсей, какъ они называли, опговоркъ.

Святки весело праздновались лучшимъ обществомъ города * * * Кромѣ частныхъ вечеринокъ, собранія въ *редутъ* были чаще и многолюднѣе. Въ одно изъ сихъ собраній, два офицера, Гусарь и Арпиллеристъ, не принимая участія въ танцахъ, спояли въ споронѣ и разсѣянно смопрѣли на танцующихъ. Двое провинціальныхъ помѣщиковъ, одинъ пожилой, а другой человекъ среднихъ лѣтъ, спояли подлѣ сихъ офицеровъ и также смопрѣли; но пошъ, который казался спарѣе, съ проницашельнымъ вниманіемъ слѣдилъ взорами за нѣкоторыми изъ танцующихъ паръ, тогда какъ сосѣдъ его, помоложе, съ просподушнымъ любопытствомъ разсматривалъ то наряды щеголеватыхъ дамъ, то искусную выдѣлку *па*, то запѣйливя фигуры танца. Казалось, все удивляло этого пошнителя, и на лицѣ его написаны были какое-то упоеніе, какой-то избытокъ удовольствія. По всему замѣш-

но было, что эшопъ господинъ прѣхалъ изъ какой нибудь дальней деревни, гдѣ онъ поопспалъ опъ большаго обществъ, а можешъ бышь, и никогда не зналъ его.

« Молодой вашъ Графъ рѣшипельно въ сѣтяхъ эпой прееѣшшой вдовушки, Нельской, » сказалъ Арпиллерійскій Офицеръ Гусарскому. « Посмоприше, какъ обольспипельные, лукавые взгляды волшебницы ищупъ пуши къ его сердцу! Эпа игра глазъ всегда была для меня занимашельна, а шеперь еще болѣе, по искреннему учаспю, кошорое принимаю въ Графъ. »

« Вѣрю, » опвѣчалъ Гусаръ. « Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Кринскій уловленъ ею не на шушку? »

« Почему же нѣшь? »

« Une coquette! »

« И при эшомъ, милая, прелеспная женщина. Какая полнопа формъ, какая ослѣпипельная нѣжностъ шѣла, какой огонь

эпихъ быспрыхъ , черныхъ глазъ !... Чшо ни говорите , а кокепство очень къ лицу молодой и прекрасной вдовѣ . О дѣвицахъ не спорю : въ нихъ должно плѣнять чистосердечіе первыхъ ощущеній , чувство прямое и безыскусственное . »

« Вспомните , что Нельская спарѣ нашего Графа . Ему двадцать одинъ годъ , а ей по крайней мѣрѣ двадцать пять .

Младшій изъ провинціаловъ , о копорыхъ мы упоминали , вмѣшался тогда въ разговоръ . — « Позвольте съ покорностію доложить , бабюшка , » сказалъ онъ , обращаясь къ Гусарскому офицеру , « что это дѣло , по естѣ , такъ сказаць , лѣша Фелиціаны Михайловны Нельской , намъ окураиѣе извѣсны . Меня Богъ сподобилъ быць ея крестнымъ брапомъ и сосѣдомъ съ нею по деревнямъ . Покойный ея родитель , Михайло Семеновичъ — дай ему Богъ царство небесное ! — былъ человекъ проспой и хлѣбосоль ; машушка

ея, Мавра Спепановна, по же изжила свой вѣкъ по проспу безъ запѣй. Сперва у нихъ дѣти не держались. Какъ бы сказашь, не солгашь: не по пятерыхъ, не по шестерыхъ они положили въ могилу. такъ чшо ни одинъ и до году не доживалъ имъ на ушѣшенъе. Вопъ когда родилась у нихъ Фелиціяпа Михайловна, и присовѣповалъ имъ видно добрый чело-вѣкъ — оспавишъ на волю Божию и священникову выборъ имени для новорожденной, да взяшъ въ кумовья того, кого Богъ пошлешъ на встрѣчу, Михайло Семеновичъ и вышелъ ранымъ рано со двора, полько, какъ на грѣхъ, въ деревнѣ не попадалось ему ни души; онъ за околицу, видишъ: ѣдешъ верхомъ чело-вѣкъ, съ ружьемъ за плечами; онъ къ нему — и повстрѣчалъ покойника моего бапюшку, Тихона Панпелеевича, копорый въ пошъ день съ позаранку выѣхалъ на охошу. «Ну, любезный сосѣдъ!» молвилъ онъ ба-

пюшкѣ: «хочешь, не хочешь, а долженъ бышь у меня кумомъ.» — Бапюшка былъ себѣ на умѣ: зналъ, что съ богатымъ сосѣдомъ лучше дружбой и службой, чѣмъ опивливаньемъ да опнѣживаньемъ; ну, по же и честь, бышь въ духовномъ сродствѣ съ человекомъ, копорого вся губернія уважала за доспапокъ. Онъ и опвѣчалъ Михайлѣ Семеновичу: «Радъ душевно, сосѣдушка! опъ добраго дѣла грѣхъ опказываешь. Только кто же милая кума?» А вошь она!» опвѣчалъ Михайло Семеновичъ, указывая на спарушенку нищую, копорая на шу пору брела съ кисою по дорогѣ и подходила къ нимъ. Опцу моему хопъ и показалось задорно спашъ передъ купелью съ эшою хриспородницей, полько нечего было дѣлать: не даль слова, крѣпись, а даль, держись, говоришь пословица. Привели спарушонку въ домъ къ Михайлѣ Семеновичу, послали за попомъ — и окрестили Фелиціашу Михай-

ловну. Я къ тому это вамъ высказалъ , милоспивые мои государи , чпобъ вы изволили знашь , почему мнѣ лѣпа Фелиціяшы Михайловны извѣспны больше , чѣмъ иному кому-либо. Ей шеперь двадцать чешыре года и пять мѣсяцевъ со днями. »

Во всю эту рѣчь словоохотнаго провинціала , Гусарскій офицеръ смопрѣлъ на него съ насмѣшливымъ вниманіемъ ; Арпиллериспъ же , казалось , слушалъ съ какимъ-шо неподдѣльнымъ участіямъ. Чпо касается до спараго провинціала , шо онъ какъ будшо бы ничего не слышалъ , и глядѣлъ шолько по прежнему на панцюющихъ.

« Вы шакъ корощко знакомы съ Фелиціяшою Михайловной , » сказалъ Гусарскій Офицеръ , оборощаясь съ лукавою улыбкой къ разкащику , когда шопъ умолкъ , — « чпо вамъ конечно извѣспны всѣ ея обшпощельсшва. »

« Ну , нельзя сказаць , чгобы коротко , бапюшка (имени и опчештва не имѣю чешти знаць) : Фелиціяпа Михайловна , вопць видите , дама свѣпская , ударилаца въ знаць ; пакъ ей не до насъ , мѣлкихъ сошекъ . Вопць , недалеко сказаць , хопя бы и шеперь : она мимо пройдець , а не замѣпишь , чго здѣсь ея крешповый брашь . »

« По крайней мѣрь , правда ли то , чго говоряшь объ ея богашешвъ ? »

« Чго правда , то правда . Въ здѣшнихъ ея деревняхъ , у меня по сосѣдешву . душъ пысячи полпоры ; да въ низовыхъ чупь ли не вдвое . А имѣніе-то , бапюшка , ус-проено было , словно луковка очищенная . Покойный ея родишель , Михайло Семеновичъ , вѣчная ему память ! былъ славный хозяинъ ; да и супругъ ея . царешво ему небешное ! Генераль Нельской , то же не любилъ даромъ проронишь копѣчки . Онъ не только чго ея родовое наслѣдешво сбе-

регъ во всей сохранности, да и свое прудовое къ нему приложилъ. Женился онъ, вопъ видите, бапюшка, какъ говорися, по любви: Фелиціяшъ Михайловнъ было лѣтъ шестнадцатъ, а ему за пятьдесятъ; ужъ онъ былъ и сѣдъ, какъ лунь. Она было и слышашъ не хошѣла, да родители уговорили; а пуще всего бывшая при ней тогда мадамъ Француженка (видно, задарена была Генераломъ, продажная душа!) ша денно и ночью швердила Фелиціяшъ Михайловнъ: шы де будешъ Генеральшей, шебѣ опо всѣхъ будешъ почешъ, спанешъ ѣздишь ко двору, когда Генераль повезешъ шебя въ Пешѣбургъ; а шамъ, въ столицѣ, раздолѣе молодой дамѣ съ именемъ. — « Фелиціяша Михайловна и послушалась, вышла за Генерала, кошорый любилъ ее шакъ, что синю пороху, бывало, не даспѣ упаспѣ на нее. Чешыре года они прожили въ любви и согласіи; на пяшой, Богъ послалъ по ду-

шу Генерала, и вопшь уже слишкомъ при года, какъ Фелиціяша Михайлонна оспалась вдовою бездѣшною, и по завѣщанію Генерала, полною наслѣдницей благопріобретеннаго его имѣнія. А у него, батюшка, кромѣ пысячи слишкомъ душъ, было и чиспаганомъ въ ломбардѣ пысячъ спа при, да чупшь ли и не съ походомъ; шакъ вдовѣ-шо его было чѣмъ похоронить и помянуть покойника! Съ шѣхъ поръ Фелиціяша Михайловна жила либо въ Петербургѣ, либо за границей; а сюда приѣхала назадъ шому мѣсяца при, какъ видно, чшобъ успроить свои дѣла, да запастись деньгами на новыя прогулки по свѣшу.

«Я слышалъ будшо бы она на долго приѣхала въ здѣшнюю деревню,» замѣпилъ Гусарь.

«Да чего жъ ей еще, батюшка, прости Господи! у насъ, видите, шеперь не по прежнему, веселье хошь куда: и полки,

и псапръ , и вечеринки , и балы , и редушы ; гуляй себѣ , да веселись ! Вѣдь я думаю , и въ Парижѣ не лучше того . Вошъ какъ и здѣсь , примѣромъ сказашъ : ахъ шы , Боже мой ! Войдешъ , шакъ и сердце запрыгаетъ , и все горе забудешъ . И насмотришься шо , и наслушаешъся всего хорошаго , и наговоришься съ шакими людьми , что черезъ полгода вспомнишь , шакъ духъ радуешся ! »

Говорливый провинціалъ погрузился въ какое-то сладостное умиленіе . Между шѣмъ оба офицера возобновили прерванный свой разговоръ .

« Такъ вы думаете , » сказалъ Гусаръ , обратясь къ Аршиллериспу , « что нашъ Кринскій не на шупку обжегъ бабочкины крылышки своей свободы на огонь эшихъ черныхъ глазъ ? ... Я , признаюсь , думаю совсѣмъ иначе , и кажешся , не безъ причины . Могъ ли Кринскій , человекъ со вкусомъ шонкимъ и образованнымъ , на-

глядѣвшійся на споличныхъ красавицъ , бросишь безразсудно сердце свое къ ногамъ Нельской , когда здѣсь еспь »

« Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ , » эша высокая , спройная , полувоздушная Любовь Вишаева ? Вопшь грація , какою намъ предспавляли ее древніе художники — грація спаномъ и лицомъ ! Семнадцать лѣшь , правильныя черты лица , ангельская улыбка , большіе голубые глаза , мягкіе свѣшлокашпановые волосы , умъ въ каждомъ взглядѣ и въ каждомъ движеніи Слава Богу , что я не поэшь ! Сколько бы сладкихъ глупоспей написаль я , en gros et en détail , на прелести эпои идеальной красавицы . »

« О конечно , Любовь Вишаева прекрасна , кпо объ эпомъ споришь ! Но что значишь умильный взоръ ея голубыхъ глазъ , холодныхъ , какъ наше сѣверное небо , передъ эпоимъ жаркимъ , южнымъ взглядомъ черныхъ глазъ Нельской ? У всякаго

свой вкусъ : эпа поговорка сдѣлалась почти аксіомой. По мнѣ , красота Любви Вишаевой такъ блѣдна передъ красотою Нельской , какъ Оссіановская шѣнь передъ гуріей Магомешова рая.»

« Эпо сравненіе живо, но не полно. Позвольте мнѣ докончить его. Въ героиняхъ Оссіановыхъ мы находимъ чувство глубокое и возвышенное ; въ гуріяхъ мусульманскихъ — одну чувствительность.»

« Такъ вы думаете , что перевѣсъ будетъ. . . .

« Я знаю образъ мыслей и поэтическую мечтательность Кринскаго ; и увѣренъ , что сердце его говоритъ за Любовь Вишаеву.

« Смотрите , не ошибитесь ! . . . Не хотите ли побиться объ закладъ ? »

« Охотно ! Только не свыше червонца. Мнѣ совѣстно было бы выиграть у васъ почти на вѣрняка. У насъ въ полку предсказываютъ уже близкую помолвку , да и

въ домъ Вишаевыхъ , кажешся , уже объ эпшомъ поговаривающъ . По крайней мъръ я шакъ слышалъ спороною . »

« Еще повшорю вамъ : не ошибишесь ! Я шакже знаю навърное , чшо Нельская надъешся скоро промъняшъ свое Превосходишельсшво на Сіяшельсшво , и средспвомъ къ эпшому выбираешъ вашего Графа . »

« Такъ о червонцъ ? »

« Да , хорошо : о червонцъ . »

Оба офицера подали другъ другу руку въ знакъ согласія . Аршилмерисшъ сказалъ попомъ , лукаво улыбаясь :

« Поздравляю же васъ съ молодою Графиней , Фелиціяшою Михайловной ! »

« Вы можеше поздравишъ насъ съ Графинею , гораздо помоложе : съ Графинею Любовью Николаевной . »

« Ни съ шою , ни съ другою ! » сказалъ старъшй провинціалъ , дополъ молчавшій , какъ будшо бы вслухъ произнеся замъчаніе , сдъланное собспвенно для себя . Оба

офицера взглянули на него ; по онъ не опводилъ взоровъ опъ шанцующихъ паръ.

Однако же слова спарика подспрекнули любопытство двухъ офицеровъ , и Гусарскій попчасть обратился къ нему съ вопросомъ :

« Вы, кажешся, сомнѣваетесь въ томъ, что молодой мой сослуживецъ, Графъ Кринскій, женился. . . . »

« О ! что онъ женился , » опвѣчалъ спарикъ , « въ томъ нѣтъ ни какой причины сомнѣваться ; только ни на одной изъ ихъ красавицъ , копорыхъ вы , господа называли. »

« Почему же ? »

« Вы , можете быть , подумали , господа , что я хочу играть передъ вами роль пророка , звѣздочета , уличнаго шарлапана и пому подобнаго ? Ни мало. Я пользуюсь только уроками прежнихъ своихъ лѣтъ и наблюденьями теперешнихъ : вопъ все мое кодовство. Вы сами сей часъ

высказали образъ мыслей молодого Графа; я по же знаю его опчаспи; знаю шакже и обѣихъ невѣспъ, копорыхъ вы ему назначаеше. Обѣ онѣ не по немъ. Помнише мое слово: если онѣ попадешя въ сѣспи къ эшой пригожей вдовушкѣ, по скоро наскучишъ ея жеманшвомъ, причудами и шѣмъ рабшвомъ, въ какомъ она хочешъ держашъ своихъ обожашелей. Кокешка не по сущешво, копорому онѣ принесешъ чистый даръ своего сердца. — Молодая Вишаева прелешсна, умна, мила, но безъ души. Въ ней нѣшъ и шѣни той чувшвишельности, копорой ищешъ Графъ въ будущей своей подругѣ. Неблагоразумные родишели внушили ей, что въ мужъ она должна видѣшъ средство къ возвышенію: онѣ, по ея понятію, новый нарядъ, копорымъ она должна блиспащъ и ослѣплящъ. Холодный ея разговоръ, основанный на расчешахъ свѣшской Ариомешики, навѣрное опобѣешъ опъ нея пламенное,

полное чувства сердце Кринскаго. Здѣсь есть только одна дѣвица, достойная Графа, достойная пѣхъ святыхъ узъ, копорыя привяжутъ его крѣико и прочно къ снушницѣ его жизни. Но эта дѣвица не пригожа лицомъ: вы бы разсмѣялись, если бы я назвалъ ее; и чшобъ избавить ее и себя опъ насмѣшекъ, я лучше ушаю ея имя.»

Проговоривъ сїи слова и не дождавшись ни опвѣта, ни возраженїа, спарикъ опшелъ въ спорону, опсая двухъ офицеровъ шеряпсья въ догадкахъ: кто бы шакова была невѣста, копорую онъ выбиралъ для Графа?

«*Vieux coquentin!*» сказалъ погода немало Гусарь, разсмѣявшись: «онъ подшупилъ надъ нами, заспая по пустому ломашъ голову.» Оба Офицера взглянули другъ на друга, усмѣхнулись, и разошлись въ разныя спороны.

Гусарскїй Офицеръ случайно очутился подлѣ Нельской, сѣлъ на незаняшой

спуль, и завель съ нею одинъ изъ пѣхъ свѣпскихъ разговоровъ, копорымъ паши курсы словесности донынѣ. еще не приискали приличнаго названія. Французы, умбующіе весьма удачно соединяютьъ выразительность съ легкостію во всемъ помъ, что касается до предметовъ моды, вкуса, приличій и ш. п., назвали сей родъ свѣпской болшовни *de jolis riens*; но какъ мы переведемъ эпо на нашъ спенный, чинный языкъ, упрямо опказывающійся придаватьъ смыслъ звукамъ почти безсмысленнымъ? *Мильтя бездѣлки, затѣйливья прибаутки, льстивья мелочи* — все эпо было перебрано нашими усердными подражаателями Французамъ, и все эпо не почно выражаешь по поняшіе, копорое Французы совокупаютьъ съ своими *jolis riens*. Кпо-шо перевель выраженіе: *dire de jolis riens*, такимъ образомъ: *говорить любезности*; хопя эпо выраженіегръщипъ опчаспи прошивъ Русскаго языка, по

по крайней мѣрѣ оно удачнѣе другихъ передаетъ намъ понятіе Французскаго. Замѣтимъ мимоходомъ, что ревностные наши *пуристы*, излишне заботясь о чистотѣ природнаго своего языка, часто лишаютъ его живости и яркости. Для свѣтскихъ понятій, и такъ сказать, для вседневнаго обихода въ разговорахъ, долженъ существовать языкъ болѣе свободный и гибкій. Иное дѣло, когда мы говоримъ или пишемъ о предметахъ возвышенныхъ, либо ученыхъ; но слогъ Исторіи рѣдко приличенъ Роману, и вовсе не приличенъ Комедіи.

Сія перестрѣлка любезностей и оспроумныхъ опривѣговъ скоро уступила мѣсто обыкновенному коньку свѣтскихъ разговоровъ — злословію. Язвительныя выходки Нельской находили себѣ вѣрный отголосокъ въ мысляхъ замѣчаніяхъ ея собесѣдника; казалось, что все окружавшее ихъ превратилось въ какой-то карикатурный

міръ, копорымъ они играли, какъ собраніемъ песпрыхъ и уродливыхъ куколъ. Немногія лица пощажены были сими оспрыми языками; и эшимъ немногимъ, если не досталось на долю смѣшное, то по крайней мѣрѣ достоинства ихъ были оцѣнены со всею спрогоспію привязчивыхъ браковщиковъ.

« *Α γρος!* » сказалъ между прочимъ офицеръ: « я здѣсь встрѣшилъ вашего крепцоваго брата. »

« Ахъ, гдѣ онъ? опыщитѣ мнѣ его! » вскричала Нельская. « Предорогое созданіе! онъ такъ просподушно глупъ, что право, съ нимъ не соскучишься... на десять минуць, полько не дольше. »

« Поэты увѣрили насъ, что глупость жокашая Амура; но я до сего дня не зналъ, что она также съ родни красотѣ... »

« *Merci du compliment; c'est de par trop aimable!*... Я охотно уступила бы это

родство первому встрѣчному. *Seriez-vous pas curieux d'en acceper l'hommage ?* »

« Вы слишкомъ милоспивы. Если же это родство необходимая принадлежность красоты, то я не имѣю на него никакого права. »

Скромность похвальная, даже въ мужчинѣ. Не каждый изъ васъ шакъ великодушно откажется опъ всякихъ шребований на пригожеспво. »

« На прѣмѣрь, шакой опказъ не 'къ лицу былъ бы нашему Кринскому. Вопъ ему-що вы можете, *en toute conscience*, ушпунить вашего кресповаго брашца. »

« Да, правда, Графъ прекрасной мужчина. *C'est un Antinoüs, mais encore plus jeune et plus délié.* Сколько ему лѣтъ опъ роду? »

« Двадцашъ вшпорой. »

« Я думала, что онъ еще моложе. » Лице его и прѣемы опзываются шѣмъ возрастомъ, когда молоденькой мужчина еще смѣло можешъ наряжашься дѣвшкой. »

«Только сомнѣваюсь, чпобы Кринскій согласился обрѣчь гусарскіе свои усы для шакого переодѣванья.»

«Сомнѣвались вы можете; *mais il ne faut jurer de rien.*»

«На примѣръ, если бы какая нибудь Омфалія, съ вашими прелестями и съ вашимъ даромъ убѣжденія, заставила его състь за самопрялку. . . .»

«То бы вы, можете быть, наговорили ему столько же комплиментовъ, сколько я опъ васъ сего дня слышала. . . . Не такъ ли?»

«Посмотрите,» сказалъ офицеръ, какъ бы не вслушавшись въ послѣднія слова Нельской: «посмотрите на эшу пару, Кринскаго и молодую Вишаеву.»

«Да, по росшу они точно пара,» отвѣчала Нельская съ нѣкопорою досадою, можете быть догадавшись, чпо офицеръ эшимъ замѣчаніемъ хотѣлъ ей опплашичь за шутку надъ его комплименшами.

«Развѣ не по чему больше они не сходны между собою?» спросилъ офицеръ лукаво.

«*Si les extrêmes se touchent, je suis d'accord qu'ils ont beaucoup d'affinité,*» опивчала дама: «одинъ пылокъ, какъ порохъ, а другая холодна, какъ ледъ. Это сущая безжизненная кукла на нружинахъ.»

«Однако же вы согласитесь, что она прекрасна?» сказалъ офицеръ съ прежнимъ лукавымъ намѣреніемъ.

«О конечно! бѣла и румяна, причесана и одѣта по послѣдней модѣ... именно, какъ шѣ восковыя куклы, копорыя присылаюшся къ намъ изъ Парижа, чпобъ служилъ образчиками новыхъ модъ.»

«Но у ней въ глазахъ свѣспился умъ.»

«Умъ ея попойной фонарь, копорый, можеть бышь, и освѣщенъ, но полезень только пому, кшо его носилъ. Вы должны бышь надѣлены очень оспрымъ зрѣніемъ, когда подмѣпили свѣспъ его въ эспихъ нѣмыхъ, холодныхъ глазахъ.»

«Вы слишкомъ спрoги къ здѣшней Граціи.»

«Попому, что я довольно насмотрѣлась на мраморныхъ Грацій Кановы, а всѣ каменные красавицы производящъ во мнѣ одинакое впечатлѣніе: посмотришь и пожалѣешь, зачѣмъ онѣ не живы.»

Гусарскій офицеръ съ удовольствіемъ видѣлъ, что Нельская увлекалась уже не охотою злословишь, а зависью. Онъ хопѣлъ выманишь наружу всѣ ея скрышныя чувствованія, и для того началъ хвалишь Любовь Вишаеву; но увлекся самъ, поспешенно воспламенялся, и наконецъ говорилъ уже о ней со всѣмъ жаромъ спраши.

Нельская громко засмѣялась.

«Не знаю,» сказала она, «кто изъ насъ искуснѣе вывѣдывать чужія тайны сердца. Изъ вашихъ словъ о Любушкѣ Вишаевой, я узнала, что вы къ ней очень, очень не равнодушны; а изъ того, что я объ ней говорила, вы вѣрно не могли дознаться, что я съ Любушкой дружнѣе,

нежели съ кѣмъ бы то ни было изъ здѣшнихъ дамъ.»

« Офицеръ смутился. Его изумила хитрая увертка Нельской, копорая тогда смотрѣла ему прямо въ глаза съ улыбкою шоржеспва. Онъ пошупилъ глаза и призадумался.

Въ эшо время мазурка кончилась. Любовь Вишаева, поклонясь кавалеру своему, Графу Кринскому, искала незаняшаго спула, гдѣ бы отдохнушь. Нельская вскочила съ мѣспа, побѣжала ей на вспрѣчу, и обѣ онѣ, рука за руку, подошли къ спому мѣспу, гдѣ сидѣлъ Гусарскій офицеръ. Нельская посадила Любовь на свой спулъ и спала передъ нею, пошому что больше свободнаго спула не было. Изъ въжливости, Гусарскій офицеръ уступилъ ей свое мѣспо, вспалъ и опошелъ въ спорону. Опшуда онъ посмашривалъ на нихъ, и съ новымъ удивленіемъ и досадою видѣлъ, что Нельская и Вишаева всшупи-

ли между собою въ самый дружескій, опкровенный разговоръ, во время котораго Нельская иногда взглядывала на прежняго своего собесѣдника, какъ бы показывая, что рѣчь шла о немъ; а Любовь посмѣивалась, и казалось, шулками опвѣчала на шулки своей пріятельницы.

Во весь ошпашокъ бала Гусарскій офицеръ былъ молчаливъ и задумчивъ. Онъ досадовалъ на себя за то, что такъ просподушно далъ поймать себя; досадовалъ на Нельскую за ея предашельскую уловку, и въ душѣ своей поклялся опплапить ей за хипросшь хипросшью, при первомъ удобномъ случаѣ.

Спусти нѣсколько недѣль, въ городѣ громко заговорили о близкой женидбѣ Графа Кринскаго. Услужливые вѣсповщики успѣли уже опсправить просьбу его по начальству и письма къ его дѣдушкѣ, о по-

зволениі ему женишься ; а нѣкоторые, по-
проворнѣе , привезли ему и благопріятныя
опвѣщанія ; уже опредѣлили , сколько дѣдуш-
ка давалъ ему на свадьбу денегъ. Въ од-
номъ шолько голоса ихъ разбились , шакъ,
что никакое большинство не могло согла-
ситься ихъ : одни говорили , что невѣста
его Любовь Николаевна Вишаева ; другіе ,
что будущая его супруга Фелиціята Ми-
хайловна Нельская. Не шолько было про-
шиворѣчій и споровъ по дѣлу о носакъ ,
взволновавшему во время оно Спрасбургъ ,
по сказанію Славкенбергіуса , или компи-
латора его Сперна , и никогда споры сіи
не доходили шамъ до шакого ожеспоченія ,
какъ въ городъ * * * между обѣими паршія-
ми , разбивавшимися въ мнѣніяхъ на шепъ
женидьбы Графа Кринскаго. Особливо ме-
ждоусобная война чепцевъ грозила городу
вѣчнымъ нарушеніемъ шишины и міра.
Корифеями каждой спороны были пожи-
лыя женщины , и для раздраженнаго ихъ

самолюбія скоро главный предметъ распри сдѣлался поспороннимъ : частныя и личныя пересуды , взаимныя обиды неукротимыхъ языковъ увлекли прошивниковъ въ непросяняемый хаосъ сплешней , ссоръ и семейной вражды .

Что же подало поводъ къ симъ разногласіямъ ? спросите вы , милоспивые государи и милоспивыя государыни ! Бездѣлица : по , что Кринскій очень часто ѣзжалъ въ деревню къ Витаевымъ , и еще чаще посѣщалъ Нельскую , кошорая , по какимъ то причинамъ или видамъ , съ нѣкопорого времени совсѣмъ переселилась въ городъ . Можешъ бышь , служипели и приближенные обоихъ домовъ разсѣвали сіи слухи ; можешъ бышь , родипели Любви и сама Нельская опкрывали пріапеламъ своимъ испинныя или мнимыя намѣренія Кринскаго за шайну ; а какъ шайна шакого рода въ провинціальному городъ скоро дѣлается собспвенностію всего общества ,

и исполковываеяся въ шу или другую спорону по видамъ и связямъ каждаго лица, — шо мудрено ли, чшо двугласная шайна о женидбѣ молодаго Графа пущена была во всеобщую огласку?

Однако же, съ нѣкопороаго времени одна спорона видимо шоржеспвовала, именно та, копорой голоса были въ пользу Нельской. Ловкая вдовушка умѣла завлечь Криискаго шакъ, чшо онъ началъ ѣздить къ ней день при днѣ, и шолько часы, пребуемые приличіемъ, ихъ разлучали. Всѣ знали Нельскую, какъ милую женщину и ловкую, очаровапельную кокешку; но вмѣспѣ съ симъ, соглашались, чшо она никогда не подала повода къ предосудительнымъ шолкамъ о своемъ поведеніи. Чему же бышъ изъ ея корошкаго обращенія съ Графомъ? О, конечно, ни чему инному, кромѣ свадьбы.

Графъ Криинскій жилъ между шѣмъ на предѣлахъ волшебнаго міра мечшаній плѣ-

нипельныхъ , обольспипельныхъ , разнообразныхъ . Нельская осуцествляла для него всѣ идеалы , созданные когда либо его юнымъ , пылкимъ воображеніемъ . Въ ней одной находилъ онъ всѣ многоразличныя приманки пысячи прелестнѣйшихъ жещинъ , все то , что сулитъ полношу наслажденій , все то , что раздуваетъ пламя спраспей . Поперемѣнно то привѣплива и заманчива , то холодна и спрога , то дѣшски довѣрчива и ласкова , то скрыптна и равнодушна , то увлекашельно игрива и весела , то задумчива и мечпашельна ; то льспива , то язвипельна , то простодушна и добра , то остроумна и насмѣшлива , она въ самомъ дѣлѣ посшигла всю шайну пѣхъ очарованій , копорыя влекутъ насъ иногда къ одной , иногда къ другой молодой жещинѣ , и копорыя заспавляютъ насъ любвию ихъ измѣнчивое , богатое оппѣнками , но равно восхипипельное обшество .

Домъ , который занимала Нельская , стоялъ въ концѣ города ; это былъ одинъ изъ шѣхъ огромныхъ , богато украшенныхъ домовъ , каковыя наше роскошное дворянство строитъ иногда въ губернскихъ городахъ съ великими издержками , и послѣ продаетъ , либо отдаетъ въ наймы почти за безцѣнокъ . При домѣ былъ обширный садъ , прекрасно расположенный въ Англійскомъ вкусѣ , съ пышными цвѣшниками , шемными аллеями , рошицами , оранжереями , прудами и островами . Съ наступленіемъ весны , Нельская сдѣлалась точно Армидой или феей Морганой сего волшебнаго жилища . То тихо и раздумчиво прохаживалась она по шѣнистымъ аллеямъ , то рѣзво бѣгала по мостикамъ и лужайкамъ , то между роскошными клумбами прекрасныхъ цвѣповъ являлась сама прекраснѣйшимъ цвѣткомъ , то съ привлекашелою лѣнью воспоной Одалиски нѣжилась на мягкихъ диванахъ бесѣ-

докъ. Прелесть ея придавала новѣй блескъ окружающимъ предметамъ ; тонкій вкусъ ея накидывалъ на нихъ чародѣйски ослѣпительную сѣпь , изъ подъ которой они бросали яркія , жгущія искры.

« Иногда Кринскаго ужасала сія коропкость съ женщиной , опасною для молодого сердца. Онъ спрашивалъ себя , къ чему поведетъ эшо ? Узы брачныя съ прелестною кокеткой казались ему въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣломъ безумія , и не за себя , а за нее боялся онъ пресыщенія ; погубишь же молодую , хопя и легкомысленную красавицу , запяпнашь ея доброе имя преступною связью . . . одна мысль объ эпомъ казалась чистой душѣ его злодѣйствомъ непростибельнымъ . Но его спрашила минута самозабвенія , хопя онъ и могъ замѣшишь , какъ искусно Нельская ускользала отъ него при малѣйшей примѣшѣ , что молодая , кипучая кровь одолевала въ немъ разсудокъ . Однажды , когда

Нельская оставила его одного въ гостиной и ушла писать отвѣтъ на полученную ею записочку, Кринскій сѣлъ на диванъ и предался волновавшимъ его мыслямъ о будущей развязкѣ своего романа. Послѣ жаркихъ споровъ сердца его съ разсудкомъ, послѣдній выигралъ сію внутреннюю тяжбу челоуѣка съ самимъ собою: Кринскій увидѣлъ, что удаленіе отъ Нельской для него необходимо, и обдумывалъ только средства къ тому, чтобы оно не показалось постыднымъ побѣгомъ, и еще болѣе, чтобы оно не навело какого либо пятна на добрую славу молодой вдовы. Опикновенное съ нею объясненіе казалось ему лучшимъ изъ сихъ средствъ; онъ рѣшился искать къ этому случая. Мысли его успокоились, и онъ радовался, какъ ребенокъ, побѣдѣ своего разсудка. Въ эту минуту вбѣжала Нельская.

« Вы задумались, Кринскій? » сказала она, взглянувъ на него и замѣшивъ какую-то

раздумчивую медленность движенія , съ которымъ онъ къ ней оборопился. « Скажите , какую ученую задачу рѣшаете вы теперь въ умъ своемъ ? » примолвила она шупливо.

Кринскій хопѣлъ опвѣчать ; но она , не давъ ему выговорить ни слова , продолжала : « Пойдемте въ садъ ; тамъ можемъ мы , подъ опкрышымъ небомъ и на чистомъ воздухѣ , начать свой философскій разговоръ , по примѣру учениковъ не помню какого Греческаго мудреца. Вечеръ прекрасный ; соловьи поютъ у меня въ рощицахъ. » И подавъ ему руку , она безопасно и весело пошла съ нимъ въ опворенную спеклянную дверь на террасу сада , напѣвая слова Венеціанской *баркароллы* :

Vieni , vieni , Teresina ,

A sentir quel bel cucu ! Чистый , звонкій , пріянный голосъ молодой вдовы , не разъ потрясавшій душу Кринскаго и пробуждавшій въ ней сладостныя ощущенія ,

теперь воображался ему пѣніемъ Сирены, спаравшейся усыпить въ немъ разсудокъ и покорить его своей власпи. Ему казалось, что онъ долженъ былъ вооружиться всею швердоспїю души прошивъ оболдспипельныхъ приманокъ новой Сирены, и нынче же, чшобъ не было поздно, исполнишь приняное имъ намѣреніе. Онъ молчаливо и холодно шелъ обѣ руку съ своей спупницей, какъ будто бы не вслушиваясь въ волшебные звуки ея голоса. Побѣда, одержанная имъ надъ собою, была совершена.

Она скоро это замѣшила. « Vous êtes gréossuré, » сказала она: « васъ мучить какая-то важная мысль. Я хочу знать ее, хочу знать непременно! » примолвила она съ прежнею веселоспїю: « и по женской неперпѣливоспи — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Побѣжимше же взапуски къ пой скамѣ, въ концѣ цвѣпниковъ, подѣ кашпановыми деревьями . . , » и съ эшимъ

словомъ , она вырвала руку свою изъ руки Кринскаго, и какъ птичка порхнула впередъ. Кринскій , по невольному движенію , бросился было вслѣдъ за нею ; но вдругъ остановился , какъ будто одумавшись. Нельская , пробѣжавъ до половины дороги, и увидѣвъ , что за нею не гнались , сама остановилась среди цвѣтниковъ. Лице ея , опъ сильнаго движенія , загорѣлось самымъ яркимъ румянцемъ; малиновыя уста полуотворились , глаза , какъ бы покрытые легкимъ паромъ , свѣпились сквозь него съ новою прелестію ; темныя волосы разбѣпались по плечамъ въ пѣнительномъ безпорядкѣ , а полная , лебединая грудь высоко подымалась , переводя дыханіе. Все въ ней привлекало , превожило и нѣжило чувства мужчины. Но молчаливый Ипомень нашей Апаланпы подошелъ къ ней , не поропясь , и улыбнулся ей , какъ улыбающагося пригожему , игривому ребенку послѣ какой нибудь милой рѣзвосты. Слова

подавъ ей руку, онъ разсѣянно повелъ ее по цвѣтникамъ; и она опуская голову, съ легкою тѣнью унынiя на челъ, напомнила ему сквозь утаенный въ груди вздохъ, что они опдалались опъ цѣли ихъ пѣшеходства, скамы подъ кашпановыми деревьями. Чрезъ нѣсколько минушь, они сидѣли на ней.

« Вы что-то важное хотѣли мнѣ сказать? » спросила Нельская, послѣ нѣкопорого молчанiя, съ прищворною веселостью, копорой измѣняло безпокойство, отражавшееся въ глазахъ ея и въ стибъ бровей, невольно хмурившихся.

« Что мнѣ вамъ сказать? ... я долженъ просить у васъ прощенiя. »

« Въ чемъ? »

« Въ моемъ безразсудствѣ: въ томъ, что я, не признавъ своего сердца, вздумалъ подвергнуть его опасному испытанiю. »

« А! вопъ что! » подхватила Нельская насмѣшливымъ тономъ: « это опзывается

отчасти драмою, et moi, il faut que je l'avoue, j'aime la haute comédie... продолжайте.»

«Я знаю,» сказалъ Кринскій, нѣсколько раздосадованный тѣя пономъ и выраженіями, «не разъ слыхалъ я опъ васъ самихъ, что вы всего выше цѣните свою свободу, что супружество считаеете вы шажкимъ не-носнымъ огнемъ...»

«Кто вамъ сказалъ, что я съ нѣкопорого времени не перемѣнила своихъ мыслей?»

«Перемѣна такая скорая можеетъ быть такъ же скоро повела бы за собой и другую перемѣну. Раскаяніе было бы поздно.»

«Послушайте, Графъ!» вскричала она съ лицомъ, вспыхнувшимъ опъ досады: «я вамъ очень благодарна за признаніе въ такомъ недоспашкѣ, копорого я до сей поры въ васъ не подозрѣвала, ш. е. въ безразсудствѣ. Дальнѣйшія объясненія были бѣ излишни: я сама себѣ располко-

вала все то, что вы могли бы мне высказать. Вижу, что вы, как сами сознались, выбрали меня средством к решению какой-то философической задачи над вашим сердцем, и что попытка ваша была неудачна. Съ меня довольно и этого; въ оспальномъ, т. е. въ вашихъ извиненіяхъ и пр. и пр. я не вижу ни пользы, ни необходимости: приберегите ихъ для другаго случая. Если бъ вы не нѣ были такъ молоды, то, можетъ быть, я разсердилась бы не на шутку; но въ ваши лѣта еще многое прощается... Рѣзвости дѣшей, какъ бы они ни были дерзки, должны смѣшивъ, а не огорчать взрослыхъ людей....»

Голосъ ея, во время сей рѣчи, поспешно возвышался, и подъ конецъ сдѣлался отрывистымъ; прорѣзывавшіеся въ немъ опчаспи дикіе звуки неприятно отдавались въ ухахъ Кринскаго, который не узнавалъ въ нихъ пріятнаго, еще не

задолго передъ шѣмъ лелѣвшаго слухъ его, голоса Нельской. Лице и осанка ея опзывались напаяжкою театральнѣй Федыры или Клишемнеспры. Все измѣняло въ ней припворному равнодушію и спокойной язвительности рѣчей. Кринскій выслушалъ ее до конца, смотря на нее болѣе съ любопытствомъ, нежели съ какимъ либо сердечнымъ движеніемъ.

« Вы не сполна опгадали, « опвѣчалъ онъ съ хладнокровною колкостью: « попышка моя не вовсе была неудачна. Благодаря ей, теперь я вижу, на какомъ зыбкомъ основаніи держалось бы обоюдное наше семейное счастье, когда бы вѣчные, неразрывные узы связали насъ на всю жизнь. »

« Да кто вамъ говоритъ о семейномъ счастьи, о вѣчныхъ узахъ? » вскричала Нельская голосомъ почти испуганнымъ. « Вы бы спросили прежде: рѣшилась ли бы я бросить на одни вѣсы *свое* спокойствіе, выгоды моей свободы — съ жалкою приман-

кой смазливаго мужскаго личика? . . . Не говорю уже о свѣшскихъ опличіяхъ: покойный мой мужъ былъ Генералъ, и смѣшно было бы промѣнять нынѣшнее мое званіе, мѣсто мое въ свѣшѣ, на какое нибудь ничтожное достоинство. . . »

« А! такъ я васъ шеперь лучше разгадаю, нежели вы меня! » перервалъ рѣчь ея Кринскій съ жаромъ негодованія. « Вы хотѣли найсти во мнѣ влюбленнаго Ринальда, цѣлующаго волшебные свои оковы и не думающаго изъ нихъ выпутаться, покорнаго Селадона, безошвѣднаго послушника своею нравной вашей воли . . . до шѣхъ поръ, пока, наскуча безсмысленнымъ моимъ лицомъ, напѣшась моимъ уничиженіемъ и насмѣшками вашихъ пріятельницъ надъ недогадливостью проспака — обожателя, — вы вздумали бы сами дать мнѣ опспавку . . . Вотъ для чего спарались вы приманить меня къ себѣ и удержавъ въ своей власпи всею силою вашихъ заразъ! »

Нельская ничего не отвѣчала, но сверкнула на него глазами, словно хопѣла сжечь ими молодаго Графа, какъ молніей. Онъ стоялъ передъ нею и съ прежнимъ любопытствомъ смотрѣлъ ей въ глаза.

« Чего вы еще ждете, сударь? » сказала она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. « Хопите ли совсѣмъ дорѣзать меня вашею холодною злостью, или вымучить изъ меня какое нибудь признаніе вашими ядовитыми выходками?... Коварный человекъ!.. » Голосъ ея перервался, и слезы, ѣдкія слезы неопмщенной обиды ручьями полились изъ глазъ ея.

Кринскій вѣжливо, но холодно и безмолвно поклонился ей, и пошелъ изъ сада.

« Да что же нѣтъ никакой вѣспи о помолвкѣ? и скоро ли свадьба? Или же хопящъ сыграшъ ее шихомолкомъ, между дюжиной посшороннихъ глазъ, по сполнич-

F. Ries.

ному, чшобъ избавишься опть лишнихъ расходовъ? . . . Видно догадки наши справедливы: и молодець, и красавица, богаты польско личикомъ и спаномъ, а не деньгами. Имънѣе-шо хопъ и ешь у обоихъ, да на немъ, можешъ бышь больше долговъ; чъмъ волосъ на головъ. . . . Такъ полковали, наскуча долгимъ ожиданіемъ, предсказатели свадьбы Кринскаго съ Нельскою, въ шо самое время, когда мнимые женихъ и невѣста распались совсѣмъ не шакъ, какъ нѣжные голубки.

Скоро всѣ замѣшили взаимное охлажденіе Графа и молодой вдовы, но никшо не узналъ испинной его причины. Для славы своей красы, Нельская не хопъла обнаружьшъ непріятную сію шайну; и когда заводили съ нею рѣчь о Кринскомъ, шо она отвѣчала коропшко, чшо онъ «взбалмошный ребенокъ.» Кринскій съ своей спороны молчалъ о шомъ, чшо между ними произошло, и говорилъ о Нельской съ преж-

нимъ уваженіемъ, опровергая всѣ воспавшія на счепъ ея подозрѣнія, и какъ размовка ихъ случилась въ саду, между чепырехъ глазъ, шо городскіе вѣсповщики и сплешчицы не могли ничего довѣдашься даже опъ слугъ, кошорые сами не знали и не понимали, что было между Графомъ и ихъ барыней. Вѣсповщики и сплешчицы пошолковали, размѣнялись своими догадками, и оспановились на проспомъ, успокоипельномъ для нихъ самихъ и ни для чьей чести неоскорбипельномъ заключеніи, «что между женихомъ и невѣспой черная кошка пробѣжала.»

Городскіе полипики, люди догадливые и прозорливые, начали ушверждашь, что Графъ Кринскій занялъ у Французскаго Правипельства сущеспвовавшую лѣшь десяшь пому назадъ *систему огереднаго перевѣса* (le système de la bascule), когда узнали, что онъ спалъ часшо ѣздишь въ домъ Вишаевыхъ, и что по сей системѣ, онъ хопѣлъ

удерживать въ равновѣсїи объ партїи: *Нельскістовъ* и *Витаістовъ*, не давая ни копорой изъ нихъ рѣшительнаго преимущества. Въ самомъ дѣлѣ, молодой Графъ, въ угоду ли симъ полищикамъ, на зло ли обѣимъ партїямъ, или одной оставленной Дидонъ, вдовѣ Нельской, сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ Вишаевыхъ, копорые жили въ прекрасной своей подгородной деревнѣ, не далѣе чешверть версты отъ города. Родители Любви Вишаевой были люди чванные и пивавшіе истинное благоговѣніе къ знатности и богатству. Старикъ Вишаевъ, хитрый, смѣпливый, занимался долго опкупами по разнымъ губерніямъ и часто бывалъ въ столицахъ; по сему у него были повсюду добрые прїатели и *милостивцы*, какъ онъ называлъ людей чиновныхъ и занимавшихъ важныя мѣста по гражданской службѣ. Наслышавшись о богатствѣ Кринскаго, онъ хотѣлъ обстоятельнѣе удостовѣриться въ спра-

ведливости сихъ слуховъ ; для сего написала онъ множеству писемъ къ своимъ пріятелямъ и *милостивцамъ*, какъ споличнымъ, такъ и жипельствовавшимъ въ шѣхъ губерніяхъ, гдѣ показаны были помѣстья молодого Графа. Не трудно опгадать ипогь содержанія сихъ писемъ: почно ли за Графомъ Кринскимъ сполько-шо душъ? сколько съ нихъ дохода, и не находипся ли имѣніе въ залогъ или подъ запрещеніемъ? Опвѣсы, полученные спарымъ хлопопуномъ, были совершенно удолепворипельны. Въ слѣдспвіе шого, опецъ и машь дали Любви родипельское свое наспавленіе, перемѣнишь прежнее ея равнодушное обращеніе съ Кринскимъ и спарашья всѣми мѣрами привязать къ себѣ молодого Графа, не допуская однако жъ его до преждевременной, опасной коропкоспи, чшобы до срока не наскучишь ему, подобно Нельской. Ученица была послушна и понятлива, и превзошла ожиданія спарыхъ, опытныхъ

своихъ учителей. Если порою невольный, слишкомъ ласковый, даже нѣжный взоръ ея обольщалъ Кринскаго какимъ-то смутнымъ, неразгаданнымъ блаженствомъ, то снороватая спешность поступковъ и осмелительность въ рѣчахъ погашали въ немъ послѣднюю искру надежды — воспламенивъ въ недосступномъ сердцѣ дѣвушки огонь чистой, безкорыстной любви. Сія игра произошла однако же молодому Графу и завлекла его къ новымъ опытамъ надъ сердцемъ нечувствительной красавицы; такимъ образомъ та и другая сторона были между собою въ непрерывной наблюдательной войнѣ. Между тѣмъ воображеніе Кринскаго, въ часы одинокихъ его бесѣдъ съ самимъ собою, сильно говорило въ пользу Любви Випаевой, и, подспрекаемое прелестнымъ, придавало новую прелесть побѣдѣ надъ сердцемъ, окруженнымъ такою непроницаемою, стальной оградой. Сердце Графа, за одно съ воображеніемъ,

раскрывалось для сладостнѣйшихъ ощущеній при мысли о сей побѣдѣ, и, обманывая само себя, мало по малу привыкало видѣть все счастье жизни, всю цель желаній въ обладаніи Любовью; уже оно билось живѣе, уже кровь спремипельнѣе и жарче прошекала по жиламъ Кринскаго при одномъ имени горделивой Сильфиды: такъ называлъ онъ молодую Вишаеву въ пылу своихъ поэтическихъ мечпаній.

Дѣвушка поняла и выполняла свою роль, какъ нельзя лучше; но родители ея, какъ сказать, перемудрили и шѣмъ оправдали Рускую поговорку, что «на всякаго мудреца много простоты.» Отецъ безпрестанно похвалялъ молодому Графу о выгодахъ богатства, а мать — о неисчислимыхъ преимуществахъ знатности и почестей. Графъ Кринскій, въ которомъ ранній даръ соображенія замѣнялъ многолѣпную опытность, смѣялся внутренно надъ сими не безкорыстными намеками, и думалъ, что

если онъ покоритъ себѣ сердце и волю Любови, то ему не трудно будетъ внушить ей чувствованія, болѣе возвышенныя, образъ мыслей, болѣе сходный съ его собственнымъ. Однако, слишкомъ частыя напоминанія и шутки спариковъ Вишаевыхъ объ одномъ и томъ же, наконецъ ему крайне надоели. Онъ видѣлъ ясно, чего въ немъ искали: богача, Графа, человека, передъ копорымъ разспилается проспанное поле чиновъ, опличій, уваженія въ свѣтѣ и пр. и пр.; но что онъ него не требовали и не ждали ни истинныхъ достоинствъ, ни богатствъ душевныхъ, ни прямыхъ заслугъ Царю и Отечеству. Легко можно было замѣтить, что въ понятіи закоснѣлыхъ честолюбцевъ и сребролюбцевъ это были качества придаточныя, а не главные, — средства, а не цѣль.

Сіе разоблаченіе души Любовиныхъ родителевъ печалило Криискаго. Онъ замѣчалъ, что родительскія внушенія много дѣйство-

вали на образъ мыслей самой дочери; и прежде, нежели сердце его мятежно возспало противъ разсудка, онъ хопѣлъ извѣдать, сохранило ли сердце Любви первобытную чистоту впечатлѣній.

Нѣтъ! былъ весь ипогъ его повѣрокъ. Сколько ни спаралась Любовь скрывать истинныя свои чувствованія, но отъ ежедневныхъ, наглазныхъ изслѣдованій дѣлательнаго наблюдашеля не ускользала ни малѣйшая оплошность, ни самая легкая черта характера скрышной дѣвушки. Не измѣнясь въ наружномъ съ нею обхожденіи, Кринскій день ото дня чувствовалъ, что сердце его холодѣло. Еще онъ часто заглядывался на красоту ея лица, на воздушную стройность и нѣжность шѣла; но смотрѣлъ уже на нее шѣми глазами, какими мы смотримъ на прекрасную мраморную статую: любовался восхищительными формами, и вмѣстѣ жалѣлъ, для чего чувство и живительная теплота спра-

стей благородныхъ не проникли въ сіе холодное совокупленіе приманокъ видимыхъ?

Одно обстоятельство еще сильнѣе содѣйствовало къ разочарованію молодаго Графа. Любовь Вишаева была надѣлена умомъ, пакъ сказаць, слишкомъ положительнымъ для женщины. Изящное въ мірѣ искусствъ не согрѣвало души ея, не производило въ ней того шихаго волненія, которое возносиць челоѡка въ спрану фантазіи, окружаещъ его лепучими роями наслажденій высшихъ. Въ Поэзіи чувствовала она только соль эпиграммы; въ Музыкѣ цѣнила одну трудность выполненія; въ Живописи бросались ей въ глаза только яркость красокъ и чершы рѣзкія, почти карикашурныя. Кринскій, поэць въ душѣ, хошы и не рѣшался вѣрять бумагѣ своихъ спайнспвенныхъ вдохновеній, но шрепепомъ сердца привѣспсвовалъ изящное, и наслаждался имъ со всею полнопою души юной, доступной ощущеніямъ чистымъ и висо-

кимъ. Свѣшлый умъ и тонкій вкусъ его, образованный хорошимъ воспитаніемъ, содѣлывали его вѣрнымъ цѣницелемъ прекраснаго и набожнымъ поклонникомъ Музъ. Съ такими чувствованіями и понятіями, могъ ли онъ сродниться душою съ существомъ, чуждымъ высшихъ впечатлѣній эстетическихъ? съ существомъ, которое отъ раннихъ лѣтъ носило въ себѣ признаки самаго холоднаго, самаго исключительнаго эгоизма?

Не хотѣвъ однако расстаться съ нею такъ же скоро, какъ съ Нельскою, и, можетъ быть не вовсе потерявъ прежнія свои надежды, Кринскій, казалось, предоспавилъ времени вмѣсто его обработать и приготовить развязку. Случай скоро помогъ ему въ этомъ.

Послѣ обѣда въ лѣтнее время, семейство Вишаевыхъ обыкновенно ходило съ гостями своими прогуливаться по окрестностямъ, которыя были разнообразны и живописны.

Чаще всего предметомъ сихъ прогулокъ былъ высокій, лѣсисшый холмъ съ опкрыпою вершиной, съ копорой видны были городъ, большая дорога и нѣсколько окружныхъ деревень. На сей вершинѣ была построена бесѣдка въ Кипайскомъ вкусѣ, и часто, въ хорошую погоду, Вишаевы пили здѣсь чай. Иппи къ холму надлежало лѣсною пропункой, копорую пѣшеходы, для сокращенія пуши, проложили до самаго города. Въ одинъ вечеръ, когда хозяева и госпи ихъ возвращались съ холма домой, Любовь Вишаева, шедшая объ руку съ Графомъ Крипскимъ, нѣсколько поопспала опъ прочаго общеспва. Хипрая дѣвушка, ожидая опъ Крипскаго рѣшипельнаго объясненія, по наспавленію своихъ родипелей, уже нѣсколько разъ предоспавляла ему случаи къ эптому; но Графъ все еще молчалъ, и Любовь не знала, чему приписать сіе молчаніе: заспѣнчивоспи ли его, или другой какою причинѣ? Такъ случилось и въ эптомъ

разъ. Сначала молодые люди шли молча; наконецъ, Любовь, досадуя на недогадливость своего спутника, завела съ нимъ разговоръ о красотахъ природы; увѣряла, что предпочитаетъ ихъ всѣмъ ухищреніямъ искусствъ, и что сельское уединеніе для нея несравненно пріятнѣе шума городского. Она говорила безъ жара, но съ умомъ и даже съ чувствомъ, и умѣла увлечь воображеніе Кринскаго къ тихимъ наслажденіямъ жизни семейной, къ прелестямъ природы, къ удовольствіямъ челоуѣка, не развлекаемаго докучнымъ свѣтомъ, среди полей и лѣсовъ. Кринскій удивлялся сей внезапной переменѣ въ образѣ мыслей прекрасной дѣвушки; начиналъ вѣрить, что прежде она говорила только по внушенію честолюбивыхъ своихъ родителей, а теперь говоритъ отъ души, и радовался по тому, предполагая, что нашелъ прямой путь къ ея сердцу, еще чистому, еще испорченному плешворнымъ дыханіемъ свѣ-

па и спраспей личныхъ. Такъ! милая по-друга и сельское уединеніе, усладительныя прогулки самъ - другъ и мирныя удовольствія жизни, неразвлекаемая пущымъ блескомъ и песпрымъ роємъ свѣтскихъ мопыльковъ — вопъ чпò рисовалось погда мысленнымъ его взорамъ. Чувство начинало выражашься въ его отвѣтахъ прелестной его спутницъ, роковое признаніе гоново было сорвашься съ языка.... Въ эпо время подошла къ нимъ бѣдная женщина съ двумя маленькими дѣшми; одного держала она на рукахъ, другой шель рядомъ съ нею, держась ручёнкой за ея рублище. Эпо вешное рублище, босья ноги машери и малюпокъ, усшалосшь и испощеніе силъ — все показывало крайнюю скудосшь сей несчастной семьи. Женщина была среднихъ лѣшъ; но блѣдносшь и худоба ея, впалые глаза, изсохшія руки и ноги, являли въ ней болъе пѣнь, бродящую по свѣшу, нежели существо, еще согрѣваемое

теплою жизни. Она тихо подошла къ чепъ молодыхъ людей, и робкимъ, болезненнымъ голосомъ просила : на погорѣлое.

Лице Лисбови покрылось облакомъ неудовольствія, брови ея нахмурились; по всему видно было, что она досадовала на безвременный перерывъ занимательнаго для нея и много обѣщавшаго ей разговора.

« Чшо тебѣ надобно? » спросила Любовь самымъ неблагосклоннымъ голосомъ, бросивъ гнѣвный взглядъ на бѣдную женщину.

« Прошу на погорѣлое, машушка! » повторила ша застенчиво и жалобно.

« На погорѣлое! Молодая женщина! . . . Не стыдно ли тебѣ побираешься? Для чего ты не работаешь? »

« Чшо дѣлать, машушка! Видно, Богъ на насъ прогнѣвался, » отвѣчала бѣдная женщина, прослезившись. « Пожаръ случился у насъ прошлою осенью, среди ночи; чуть сами выскочили, въ чемъ спали, да кое-какъ ребяшишекъ повышаскали. Мужъ мой

вернулся оляшь въ избу, чшобы хопь чшо нибудь захвапшь изъ нашихъ пожипковъ. Я его просила, молила: не ходи! Нъпъ шаки, вырвался и бросился въ поломя. Гляжу, обгорѣлая-шо изба и рухнула... сердце у меня шакъ и оборвалось... голубчикъ мой, покойникъ, памъ и душу положиль!...» Сказавъ эшо, креспьянка зарыдала, и продолжала свой разсказъ, уже всхлипывая: «Спасибо, добрые люди приюпили меня, вдову горемычную, съ бѣдными сиротами; и шупъ еще съ перепугу, съ горя да съ недоспашковъ пролежала я цѣлую зиму. Вопъ и шеперь насилу брожу, и дѣпьясь нѣкуда; и шакъ добрымъ людямъ была, словно гиря на шеѣ; сами-шо они люди скудные... А чшо ни богатые дома въ селъ у насъ, всѣ повыгорѣли....»

«Слушашъ васъ, шакъ всѣ вы жалки и бѣдны,» перервала ее Любовь. «Когда бы ты работала, не лѣнилась, шакъ и сама

была бы сыпа, и ребяпишекъ своихъ не водила бы въ такихъ гадкихъ опретьяхъ.»—

Креспьянка повѣсила голову; слезы брызнули ручьями у нея изъ глазъ. «Боже мой, Господи!» вскричала она: «опо всѣхъ слышишь одно и поже. Чужая бѣда никому не шажела!» — Малюпки, глядя на машь свою, поже громко заплакали, пряча лица свои около нея.

«Много васъ, попрошаекъ, и у всѣхъ одна пѣсня!» продолжала Любовь прежнимъ пономъ. «Пойдемше, Графъ!»

Но Крицскій споялъ во все время этого разговора съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ на лицѣ, поглядывая то на Любовь, то на креспьянку и дѣшей ея; въ правой рукѣ онъ чпò-то сжималъ и переминалъ съ замѣпнымъ нешерпѣніемъ. Едва нечувствительная красавица отвернулась опъ бѣдной женщины, онъ шоропливо подошелъ къ сей послѣдней, сунуль ей въ руку бѣлую ассигнацію, и наскоро про-

говоривъ:» Завтра приходи въ городъ; спроси у перваго Гусара о кварширѣ Графа Кринскаго? памъ получишь больше,» пошелъ вслѣдъ за своею спутницей. Бѣдная женщина подняла глаза къ небу, и съ прососердечнымъ чувствомъ благодарности креспилась и молилась за своего благошворителя.

Между шѣмъ Любовь, пріоспановясь, смопрѣла изкоса въ полоборота головы, и видѣла все, чпѣ происходило. Когда Кринскій подошелъ къ ней, она подала ему руку съ явнымъ движеніемъ неудовольствія, и какъ бы не хопя. Нѣсколько шаговъ шли они молча. Наконецъ Любовь сказала Кринскому, бросивъ на него косвенный взглядъ изъ-подлобья:

«Вы, кажешся, Графъ, хопѣли спороною дашь мнѣ урокъ?... Благодарю васъ за пакою великодушную заботливоспъ о моей нравспвенности.»

« Я никому не даю уроковъ, пока не получу на эпо права » опвѣчалъ Кринскій холодно. « Я исполняю полько наспавленія доброй моей мапери, кошорая шамъ (онъ указалъ на небо) вѣрно на меня не досадуешъ.»

« Не шакъ, какъ я здѣсь, хопѣли вы сказашъ? Для чего же не кончили?»

« Я не хопѣлъ сказашъ, и даже не думалъ эшого. Въ движеніяхъ сердца, каковы бѣ они ни были, я хочу бышъ судьею полько самого себя. . . .»

« Да если бѣ и сказали, по право бы меня не обидѣли, « подхвапила молодая Вишаева надменнымъ пономъ и съ явнымъ намѣреніемъ уколошъ Кринскаго. « Другіе, а не я, пусть помогающъ бродягамъ: эпо лучшее средство бышъ обманушымъ самому, а ихъ ободряшъ къ лѣности и попрошайству.»

« А хопя бѣ и шакъ, по гдѣ мы опыщемъ границу между бѣдспвіемъ испин-

нымъ и припворнымъ? Какъ опличимъ одно опъ другаго? И неужели, боясь обмана, должны мы опказаться опъ сладоспнѣйшаго влеченія души нашей—влеченія помогашь ближнему?»

«Что жъ за бѣда?... Батюшка мой говоришь правду, что нищѣ полько лишняя птягость общества, которому они ни сколько неполезны; чѣмъ меньше ихъ будешь, тѣмъ лучше; а этого нельзя иначе доспигнуть, какъ опказывая имъ въ помощи, и пѣмъ заспавля ихъ волею и неволею добываешь хлѣбъ собспвеннымъ трудомъ.»

«Или умерешь съ голоду.. не такъ ли?»

«Умерешь съ голоду, сдѣлаешься ворами и сгинуешь въ шюрѣмъ—какъ бы они ни исчезли—для меня все равно,» опвѣчала Любовь Випаева съ замѣшною досадою. «Le monde y gagnera toujours, quand il verra diminuer le nombre de ces plantes parasites.»

« Можно ли такъ говорить о людяхъ! « съ жаромъ подхвапилъ Кринскій: » и чѣмъ виноваты эти бѣдняки, когда, будучи одѣлены дарами счастія, они часто бываютъ лишены здоровья и силъ шѣлесныхъ, а чрезъ то и способовъ пипаться своими прудами? »

« За то они могутъ похвалиться, что имѣютъ въ васъ самага жаркаго засшупника. . . . Et c'est une compensation, comme une autre. » —

Насмѣшливый понъ сихъ рѣчей выводилъ изъ шерпѣнія Графа; но, боясь увлечься негодованіемъ своимъ въ разговоръ съ дѣвицей, боясь, чшобы мѣна взаимныхъ колкоспей не вызвала подѣ конецъ выраженій суровыхъ и обидныхъ, и припомъ видя, что собесѣдницу его нельзя было убѣдить и внушить ей понятія болѣе чешовѣколюбивыя, Кринскій замолчалъ. Не говоря болѣе ни слова другъ съ другомъ, они удвоили шаги и скоро насшигли прочее общешво, медленно подвигавшееся къ дому.

Во весь вечеръ, Кринскій былъ молчаливъ и задумчивъ. Сердце его спѣснялось каждый разъ, когда онъ взглядывалъ на молодую Вишаеву. Такая гордая прелестъ, такое дивное совокупленіе приманокъ наружныхъ — и вмѣстѣ такое холодное, безжалостное сердце! Это казалось ему самую злобною насмѣшкой природы надъ человѣчествомъ; это было въ его понятіи ужаснымъ уродствомъ нравственнымъ, во сто разъ отвратительнѣйшимъ, нежели самое безобразное уродство физическое. Не могли вытерпѣть сей противоположности блеска наружнаго съ черною внутреннею, сей паяжкой для чувствительнаго челоука игры случая, Графъ уѣхалъ домой ранѣе обыкновеннаго.

Дорогю мысли его кружились неспрорными ролями. Образъ Любви носился передъ нимъ попеременно, то въ видѣ приманчиваго, плѣнительнаго созданія, то въ чертахъ прекрасной, но мрачной Горгоны,

ослѣпляющей и окаменяющей сердца непопышныя и неоспорожныя. Но прѣхавъ домой и оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Графъ почувствовалъ въ себѣ утѣшительную перемѣну, подобную счастливому перелому опасной болѣзни. Буря души его умолкла, волны мыслей утишились и сгладились. Какое-то чудное спокойствіе, какое-то сладкое самодовольствіе разлились по всему его бытію. Онъ все еще вспоминалъ о Любови Вишневой, но уже вспоминалъ о ней равнодушно, какъ игрокъ вспоминаетъ объ игрѣ на большую сумму, въ которой онъ не принималъ участія, но въ которой другіе проиграли, что и съ нимъ неминуемо должно бѣ было случиться. Кринскій радовался, что вызналъ всю мелкость своекорыстной души Любовиной, и мысленно благодарилъ Небо, что Оно избавило его отъ шаковой подружки, снявъ съ нея личину въ то самое время, когда она, кроясь за сею личиною, распа-

вляла новыя и самыя хитрыя сѣпи для уловленія его сердца. Прекрасная наружность сей дѣвицы облеклась предъ его воображеніемъ въ какой-то спуденый, понкій парь, навѣвавшій холодъ на его душу и недоспунный живительной теплотѣ; сама красавица представлялась уже ему не прелестною существенностію, а пуспымъ обманомъ глазъ, отраженіемъ въ воздухъ, очерпаніемъ безъ жизни и осязаемости. Въ поэпическихъ своихъ мечпахъ онъ уже удивлялся, какъ могъ споль долго ослѣпляться щещнымъ призракомъ, не замѣчая сего обаяшельнаго заблужденія чувствъ своихъ?

Избѣгая новой огласки, новыхъ полковъ со стороны городскихъ пуспомель, но не желая продолжашъ своихъ посѣщеній Вишаевымъ, Графъ Кринскій на другой же день выпросилъ у своего эскадроннаго командира предписаніе ѣхашъ ему къ эскадрону, копорый тогда находился верспъ за сорокъ

опть города, въ одной волости, гдѣ эскадронныя лошади паслись тогда на подножномъ корму. Получивъ согласіе своего начальника, Кринскій отправился туда на другой же день.

Квартира ему опведена была въ большой деревнѣ, которой часть принадлежала одному зажиточному помѣщику, а другая состояла изъ домовъ казенныхъ поселянъ. Госпепріимный помѣщикъ, проведеній зиму въ городѣ и тамъ познакомившійся нѣсколько съ Кринскимъ, пошчасъ прислалъ хлѣбъ-соль новому, временному своему сосѣду и почти вслѣдъ за тѣмъ явился самъ съ приглашеніемъ, какъ можно чаще бывать въ его домѣ. Курная и шѣсная изба, въ которой поселился Кринскій, показалась доброму хлѣбосолу жилищемъ вовсе неприличнымъ для вмѣщенія въ себѣ ловкаго, молодого Графа. Павелъ Ильичъ Рѣевъ (такъ назывался помѣщикъ) убѣждалъ Кринскаго переѣхать къ нему въ неболь-

шой и красивый садовой домикъ, выспрошенный для помѣщенія гостей и остававшийся на ту пору незанятымъ; послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, Графъ принужденъ былъ уступить радушнымъ и сильнымъ настойчиамъ своего сосѣда. Черезъ нѣсколько часовъ онъ уже расположился въ садовомъ домикѣ, и любовался пышнымъ видомъ цвѣтниковъ и пѣнистыхъ аллей, рисовавшихся передъ его окнами. Хозяинъ явился ояпъ, поздравилъ его съ новосельемъ и пригласилъ къ обѣду.

Семейство Рѣвыхъ состояло изъ Павла Ильича—пожилаго челоѣка, еще свѣжаго, румянаго, добродушнаго и веселаго; жены его Евгеніи Пешровой—женщины среднихъ лѣтъ, привлекательной лицомъ и нравомъ, умной и образованной; старшей дочери ихъ, Ольги—восемнадцати-лѣтней дѣвушки, и двухъ сыновей, воспитывавшихся дома. Одинъ изъ нихъ двумя годами былъ моложе сестры своей, другому мож-

но было дасть не болѣе двѣнадцати лѣтъ
опть рожденія. Все сіе занимапельное се-
мейство, казалось, было между собою свя-
зано узами нѣжнѣйшей любви и дружбы. Ро-
дители были внимательны и ласковы, дѣ-
ти почтительны и тихи. Кромѣ того,
въ домѣ жили: гувернантка—старая Фран-
цуженка, хворая и молчаливая—ее уважали
и покоили, какъ родную, да нѣсколько раз-
ныхъ учителей, и домашній лекарь, моло-
дой Богемець, пріятной наружности, скром-
ный и услужливый. У всѣхъ сихъ поспорон-
ныхъ членовъ дома отражался на лицахъ
видъ довольства, свидѣтельствовавшій о
благодущіи хозяевъ и крепости дѣшей
ихъ.

Ольга Рѣва съ перваго взгляда не при-
манивала къ себѣ глазъ пылкой молодежи.
Она была блѣдна и сухощава. Невозможно
было опгадать, болѣзненное ли располо-
женіе шѣла, или мечтательность души,
положили на чель ея легкую шѣнь шомно-

спи и придали какое-то задумчивое выраженіе ея улыбкѣ. Но чѣмъ далѣе всмапривался въ нее Кринскій, тѣмъ болѣе взоры его невольнo на ней оспанавливались. Тихій огонь большихъ, черныхъ ея глазъ одушевлялся какимъ-то неизъяснымъ блескомъ при каждомъ словѣ, доходившемъ до ея сердца; правильныя, тонкія черпы лица удивляли своею соразмѣрностію внимательнаго наблюдателя; даже блѣдность, ихъ облакавшая, сквозила нѣкоей теплою чувствва и казалась какъ бы новымъ совершенствомъ, нераздѣльнымъ съ сими эфирными черпами. Спиройный, хопя невольнѣ еще развитый спанъ, и дѣшская, пріятная наружность походки — все въ ней болѣе и болѣе занимало Кринскаго, который въ каждомъ движеніи Ольги, въ каждомъ ошпѣнкѣ чувствва на лицѣ ея, находилъ всегда что нибудь новое и милое, непоспижимо привязывающее къ ней зрителя неравнодушнаго. Не разъ уже онъ

упрекнулъ себѣ: для чего, выдавъ ее прежде, не спарался узнатьъ ее; для чего не умѣлъ оплечить ее въ кругу молодыхъ, блестящихъ ея сверстницъ, попеременно обращавшихъ на себя его взоры въ продолженіе зимнихъ редушовъ и другихъ съѣздовъ лучшаго шамошняго обществва? Именно, эта рѣзкая противоположность милой ея помножила съ окружавшимъ ее, часто поддѣльнымъ блескомъ другихъ дѣвицъ, естественной непринужденности ея поступковъ съ жеманствомъ шѣхъ, — должны бѣ были привлечь его вниманіе къ ней, предпочтительно всѣмъ прочимъ. И онъ могъ просмотрѣть все то, что шеперь его занимало и увлекало!

Хозяинъ и хозяйка просили новаго своего гостя бытъ у нихъ запросто, какъ свой человекъ: обѣдать, ужинать, пить чай вмѣстѣ съ ними, когда ему вздумается, прибавя, что чѣмъ чаще, тѣмъ для нихъ будетъ пріятнѣе. Кринскій благода-

рилъ ихъ за сіе радушное приглашеніе, и далъ имъ и себѣ слово, пользовашься онымъ какъ можно чаще.

Кринскому казалось, что онъ нашелъ то, чего искалъ пакъ давно: семейство милое и согласное; въ старикахъ— людей истинно доброжелательныхъ и прямодушныхъ, въ молодыхъ— веселость и чистосердечіе лучшаго возраста жизни; наконецъ дѣвушку, привлекательную безъ блеска, милую безъ жеманства, доврчивую какъ дитя, умную и образованную какъ женщина въ полной порѣ лѣтъ. Въ Ольгѣ скоро онъ открылъ пошъ идеалъ ея пола, копорый давно былъ созданъ молодымъ его воображеніемъ. Она не искала Графа, и не убѣгала его; была откровенна по чистоспъ своей души, и оспорожна не по расчету, а по спонкому чувспву дѣвспвеннаго приличія; чувспвительность ея не происходила отъ спой нервической раздражимости, копорая дѣлаешь сіе чувспво со-

вершено вещественнымъ: нѣтъ! чувствительность Ольги была выраженіемъ ея души, волнуемой впечатлѣніями пріятными или возвышенными, чувствомъ добра и изящества. Нужно ли докончить, что Кринскій скоро прильпился къ ней всѣми силами души; что временное обольщеніе глазъ и круженіе головы не имѣли участія въ сей новой привязанности, а воображеніе украшало только новыми совершенствами образъ Ольги, отражавшійся въ сердце Графа и часъ опъ часу глубже врывавшійся въ немъ?

Между обоими молодыми людьми скоро водворилась коропкость обращенія, основанная на чувствованіяхъ чиспѣйшихъ: на довѣрїи, которое Кринскій умѣлъ къ себѣ внушить Ольгѣ, и на уваженїи, почти благоговѣйномъ, которое питалъ онъ къ ней. Сходство взаимныхъ склонностей, обоюдная чувствительность ко всему прекрасному въ природѣ, искусствахъ и мїрѣ нрав-

спвенномъ, прогулки, чпеніе и музыка— все поддерживало и скрѣпляло сію коропкость. Здѣсь не было ни шумныхъ вечеровъ Нельской, ни роскошныхъ обѣдовъ Вишаевыхъ, не было шой песпрой, увивающейся толпы геспей, копорая такъ пягоспна для челоуѣка, любящаго жипь жизнью внушрenneю въ пѣсномъ и коропкомъ кругу. Двѣ, при семьи ближнихъ сосѣдей, людей добрыхъ и незашѣйливыхъ, не могшихъ бытъ никому и ничему помѣхой, — однѣ полько учащали домъ Рѣевыхъ, коихъ имѣніе, по счастью, находилось вдали ошѣ другихъ деревень, обильныхъ крупнымъ и мелкимъ дворянспвомъ. Ни вздорныхъ вѣспей, ни сплешней, ни карпочной игры не бывало въ эпомъ благословенномъ домѣ, и жипели онаго пользовались совершенною свободой прогуливашься, разговаривашь или выдумывашь для себя шакія развлеченія, какія были имъ по праву.

Кринскій, привыкая съ каждымъ днемъ находить новыя доспоинспва въ Ольгѣ и новыя причины болѣе и болѣе прилѣпляясь къ ней душою, вмѣспѣ съ симъ опкрылъ въ себѣ новое ощущеніе, копорого не извѣдывалъ ни при блестящей кокепкъ Нельской, ни при обольспительной красопѣ Любopi Вишаевой. Оощущеніе сіе, мучительное для сердца и упорное въ борбѣ съ разсудкомъ, было ревность. Да, ревность, надѣ копорую онъ самъ иногда смѣлся, иногда негодовалъ на нее; но со всѣми усиліями, не могъ выжить сего докучнаго и опаснаго пришельца изъ мирной семьи душевныхъ своихъ влеченій. Вопъ что было къ ней поводомъ: Кринскій замѣшилъ, что Ольга не рѣдко разговаривала въ споронѣ съ пригожимъ Богемцемъ лекаремъ; иногда разговоръ ихъ дліяся по нѣскольку минушь, казался одушевленнымъ и обличалъ нѣкопорую опкровенность. Родители Ольги не обращали на шо никако-

го вниманія, и какъ будто не замѣчали; но Кринскій . . . могъ ли онъ не видѣть эпого, слѣдя взорами каждый пошупокъ, малѣйшее движеніе ихъ дочери?

Будучи равна въ обхожденіи со всѣми, не зная ни скрыпностей, ни припворспва, Ольга сама не замѣчала дозорливыхъ взглядовъ Графа. Между шѣмъ ревность въ немъ усиливалась ежечасно; онъ разрывался впайнѣ досадою, и хопѣлъ полько увѣришь-ся доказательспвами, болѣе ясными, съ справедливоспи своихъ подозрѣній.

Однажды вспалъ онъ ранѣе обыкновеннаго, и вышелъ въ садъ. Въ раздумьи бродилъ онъ изъ аллеи въ аллею, какъ вдругъ, при поворотѣ одной изъ нихъ, услышалъ знакомые голоса. Почпи невольнымъ движеніемъ, Кринскій опскочилъ въ спорону и припайлся за густо-разросшимся кустомъ сирени. Голоса между шѣмъ приближались, и хопя словъ нельзя было разслушашъ, но разговоръ казался живымъ и сво-

боднымъ, и въ разговаривавшихъ Кринскій узналъ Ольгу и молодаго Богемца. Сначала Графъ хотѣлъ выскочить къ нимъ на встрѣчу, чпобы внезапнымъ своимъ похлениемъ приспыдить легкомысленную дѣвушку; но послѣ одумался и разсудилъ, чпо лучше всего слѣдить за ними, дабы вызнать все до конца. Для сего онъ забрался въ самую середину куста, и раздвинувъ немного вѣтви, высматривалъ, куда пойдешь неблаго-разумная чеша сія? Скоро Ольга и спутникъ ея подошли къ калипкѣ сада, опперли ее и вышли на улицу. Кринскій побѣжалъ слѣдомъ, и, опворивъ немного калипку, наблюдалъ за ними и видѣлъ, какъ они вошли въ одинъ креспьянскій дворъ. Едва они скрылись, Графъ вышелъ тоже на улицу, и шихо пересступалъ по ней, не совсѣмъ еще рѣшившись, здѣсь ли ожидать виновниковъ своей ревности, или ишши въ замѣченный имъ домъ и шамъ уличить ихъ. Погодя немного, изъ той же ка-

липки сада вышла горничная Ольги съ большимъ узломъ въ рукахъ, и пошла по пому же направленію, какъ и барышня ея. Увидя Кринскаго, она смутилась и хопъла возвращишься, но онъ перерѣзалъ ей дорогу.

«Куда такъ рано, Сашенька?» спросилъ Графъ, шоропливо схвативъ ее за руку.

«Пустите-съ, Ваше Сіятельство, пустите! Охъ! вы такъ больно сжали мнѣ руку, что, право, только спыдно, а чтобы я заплакала.»

«Не пуцу, пока не скажешь, куда идешь и что здѣсь у тебя въ узлѣ.»

«Эшо не мое, и мнѣ не велѣно сказывать; барышня будетъ гнѣваться.»

«Барышня! А гдѣ она шеперь?» вскричалъ Графъ, впившись пронцапельнымъ взоромъ въ глаза смущенной дѣвушки.

«Барышня-съ? она почиаетъ.... не очень здорова....» отвѣчала Саша, запинаясь.

«Неправда, душа моя, неправда!» подхватилъ Кринскій строгимъ голосомъ: «я

сей часъ ея видѣлъ съ молодымъ ея кавалеромъ: они пошли, вонъ, въ эпошъ дворъ.»

« Видѣли-съ? Ну, такъ что жъ вамъ и спрашивать! « возразила дѣвушка съ лукавою улыбкой. « Пусшине же меня, Графъ: я спѣшу къ нимъ, шамъ ждушъ меня.»

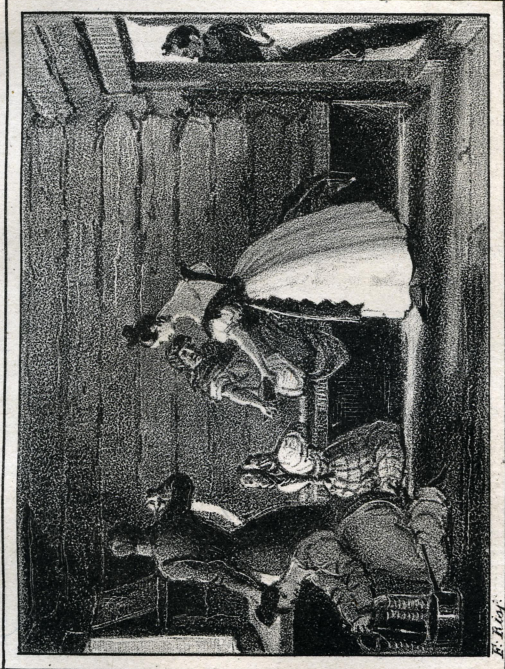
« А зачѣмъ они шамъ? Нельзяли сказашь?» проговорилъ Графъ съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ досадой.

« Много будеше знашь, скоро соспаршесь, Ваше Сіапельство! » отвѣчала горничная съ шѣмъ же лукавымъ видомъ.

« Твоя правда, душа моя! » молвилъ Крипскій, выпустивъ ея руку изъ своей. « Да пущъ и не нужно знашь больше. . . »

« Что это значипъ, Ваше Сіапельство?» съ жаромъ перервала Сапа. « Не спыдно ли вамъ! . . . » Она не могла кончипъ, и слезы навернулись у нея на глазахъ.

« Но зачѣмъ же она она такъ рано выходитъ изъ дому, и самъ-другъ съ эшимъ

F. Rig.

молодымъ человѣкомъ?» спросилъ Кринскій голосомъ, уже нѣсколько смягченнымъ.

«Ну, если уже на шо пошло пусть шакъ: я беру вину на себя» молвила Саша. «Пойдемъ-ше шуда: я васъ поведу. . . . вы увидите сами, что шамъ дѣлается. —

Кринскій, хотя съ нѣкопорою нерѣшимостію, но пошелъ за Сашей. Они вошли во дворъ, и Саша взялась рукою за дверь избы. «Не говори, что я здѣсь!» шепнулъ ей Кринскій. Она кивнула ему въ отвѣтъ головой и вошла въ дверь, оставивъ ее не совсѣмъ припворенною. Кринскій остановился за дверью и смотрѣлъ сквозь нея въ середину избы.

Зрѣлище, которое представилось ему, наполнило душу его нѣжнѣйшими ощущеніями. Пропивъ двери, на зашпанной войлокомъ лавкѣ, сидѣла пожилая женщина. Изъ правой руки ея текла пущенная кровь. Ольга, въ черномъ шаршучкѣ сверхъ упреняго плашья, одною рукою держала чашку,

въ копорую лилась кровь, а другою подносила скляночку спирта къ носу больной женщины. У стола, лекарь пригосовлялъ перевязки, а вошедшая Саша, развязавъ свой узелъ, вынимала изъ него бѣлый хлѣбъ, бушмыку вина, коспрюлю съ бульономъ и другіе припасы. Въ споронѣ опть больной, молодая креспьянка спояла, пригорюнясь и подперши свой подбородокъ лѣвою рукой, а правую часпо креспилась, и какъ замѣпно было по умиленному виду сей женщины и по движенію губъ ея, она шепшала молишвы и о выздоровленіи больной, и о здравіи ея благошворипельницы.

Кринскій не могъ вынеспи сего перелома въ своихъ ощущеніяхъ. Сердце его сжалось опть угрызений совѣспи за оскорбительныя для чиспой, небесной добродѣтели Ольгиной его подозрѣнія. Онъ почпи безъ памяши выскочилъ на улицу и бѣгомъ пуспился въ садъ.

У входа въ камишку встрѣпилъ его Лука, садовникъ Рѣвыхъ, просподушный и говорливый спарикъ, пользовавшійся снисхожденіемъ своихъ господъ со всею свободою спараго и вѣрнаго слуги, и часпо вспупавшій въ разговоръ съ ними и съ госпиями ихъ, когда встрѣчалъ кого нибудь изъ нихъ въ саду. Лука снялъ шляпу и, подошедъ къ Графу, сказалъ ему:

« Видно и Ваше Сіятельство обходили сего дня больныхъ по деревнѣ вмѣспѣ съ нашею барышней? »

« А развѣ она каждый день эпо дѣлаешъ? » ошвѣчалъ Кринскій вопросомъ.

« Какъ же, Ваше Сіятельство! и лѣпомъ, и зимой, и весной, и осенью. Въ дурную погоду, обуешся наша лебедь бѣлая въ сапожки, да взденешъ кожаныя спупни, по вазему сказать, не солгаешъ, помнишся, колоши, и идешъ сама съ горничною Сашей въ обходъ по больнымъ; а кровь ли пущишъ, ушибъ ли какой осмопрѣшъ

или другую тяжелую боль, то берешь еще съ собою и Феликса Карловича.»

«А развѣ Феликсъ Карловичъ не всегда съ нею ходишь?»

«Ну, у него, знаєте, другіе часы для обходу: за нашей ранней ппичкой ни кто не поспѣешь; а развѣ кому изъ больныхъ поприпчишься шакъ, что времени шеряшь некогда, тогда и онъ вспаешъ съ жаворонками.»

«И давно уже Ольга Павловна занимаешся шакою свяшою должностыю?»

«Да съ шѣхъ поръ, какъ подросла, шеперь уже года съ при. А бапюшка и мапушка, чай, до сихъ поръ ничего о шомъ не знаютъ. Знаю шолько я, да Саша, да поваръ Николка, да Феликсъ Карловичъ, да почишай вся деревня. Вѣдь въ рѣдкомъ дворѣ, изъ нашихъ и изъ Государевыхъ креспьянъ, не сыщешся хопъ одна душа, о которой бы она не поболѣла сердцемъ, да не позаботилась. А чшобъ пошпороншимъ»

по не было въ домекъ, такъ она и вспаешъ всегда въ шесть часовъ, о шой поръ, какъ я звонкомъ сзываю своихъ рабочихъ. Слышь, зимою-по, какъ она съ бапюшкой и съ мапушкой жила въ городъ, и споскова-лась памъ о своихъ больныхъ, да о бѣднякахъ. Коли бывала одна, глазъ на глазъ съ Сашей, слышь, по и дѣло вздыхала да швердила: « что-по шеперь наши? хорошо ли-по за ними ухаживаюшь? «А какъ по веснѣ прѣхала домой, по вмѣсто прогулки упромъ и вечеромъ обхаживала по деревнѣ, чшобъ узнать: не было ли съ кѣмъ какой бѣды или болѣзни, и нельзя ли чѣмъ помочь кому?— Богъ ей заплашишь за все ея добро, а не мы грѣшныя!»

Шорохъ шаговъ и громкій разгѣворъ за калипкой заспавилъ Графа вспомнишь, что его могушь подмѣшишь на разспросахъ. Онъ сжалъ руку доброму, чистосердечному старику, и поспѣшилъ удалиться.

Во все упрю, Кринскій былъ какъ самъ не свой. Онъ совѣспился взглянушь на Ольгу, не смѣлъ почти заговорить съ нею, боясь, не измѣнила ли Саша его шайнъ? Къ счастью, въ глазахъ и рѣчахъ Ольги ничего подобнаго не было замѣтно. Наконецъ, врожденное его прямотуше и сознание собшвенной вины преодолѣли въ немъ робоспъ. Онъ искалъ случая объяснишься съ Ольгой и признашься ей во всемъ. После обѣда, онъ предложилъ ей пройтись вмѣспѣ съ нимъ по саду. Довѣрчивая дѣвушка, чуждая всякихъ подозрѣній, подала ему руку; они вышли.

Когда они опошли далеко отъ комнапъ, Кринскій вдругъ остановился и сказалъ ей: «Проспите ли вы меня, Ольга Павловна?»

«Въ чемъ?» спросила дѣвушка, немного оторопѣвъ.

«Въ помъ, что я опкрылъ вашу шайну...»

«У меня нѣспъ никакихъ шайнъ,» прѣрвала она съ нѣкопорою нерѣшимоспью.

« Я узналъ нынѣшнимъ упрямъ, что вы благодѣтельный ангелъ здѣшной деревни.»

« Въ самомъ дѣлѣ? » молвила она съ легкимъ движеніемъ неудовольствія: «этого я опъ васъ не ожидала. Какая же причина заспавила васъ за мною присмапривапъ?»

« Какая причина! » подхватилъ Кринскій съ жаромъ: « скажите, неужели вы до сихъ поръ ничего не замѣшили? »

« Я очень проспa, и замѣчаю полько шо, что прямо ко мнѣ опноситеся. »

« Такъ моя любовь . . . это чіспое, свяпное чувспво, копорое вы мнѣ внушили . . . неужели оно вовсе не удоспоилось вашего вниманія? » вскричалъ Графъ съ нѣкопорымъ огорченіемъ.

Ольга пошупила глаза въ землю; рука ея препешала въ рукъ Кринскаго, грудь високо вздымалась, и вся она казалась крайне вспрсвоженною симъ нежданымъ объясненіемъ. Долго спояла она, не говоря ни слова. Наконецъ, пришедши въ себя и не

подымая глазъ на своего спутника, она сказала ему нешвердымъ голосомъ:

« Графъ! когда я была въ городѣ, тогда всѣ швердили, что вы были женихомъ Нельской; послѣ того доходили до насъ слухи, будто бы вы хотѣли женишься на Любови Вишаевой — позволъше мнѣ докончить Графъ! » продолжала она, замѣшя въ немъ движеніе неперпѣливости. « Если обѣ эти невѣсты, первыя красавицы въ здѣшней губерніи, богатыя, воспитанныя, свѣпскія, — не могли васъ поспоянно привязать къ себѣ . . . то можно ли повѣришь, чтообъ я, и не красавица, и просподушная сельская дворяночка, могла на долго привлечь ваше сердце? . . . Не издѣвайшесь надо мной, Графъ! не играйте эшимъ бѣднымъ сердцемъ! Что прибыли вамъ, что славы вскружишь голову неопышной и слишкомъ довърчивой дѣвушкѣ? Она взглянула на Графа, и слезы заблеспали въ глазахъ ея.

Кринскій бросился цѣловать ея руку. « Клянусь вамъ, » вскричалъ онъ со всѣмъ жаромъ спроси: « что ни Нельская, ни Вишаева, не обладаютьъ шѣми дарами, которыми можно навѣкъ покорить мое сердце. Что мнѣ въ ничтожномъ блескѣ? что мнѣ въ суешности большого свѣта? что мнѣ въ богатствѣ? богатство души — вопль чего ищу я. Вы, вы одна раскрыли для меня надежду того земнаго рая, по которому тоскуешь душа моя! Вы, вы одна могли бѣ быть моею вѣчною подругой, спутницею, счастьемъ всей моей жизни? »

« Не всѣмъ ли вы тоже швердили, Графъ? » возразила Ольга, взглянувъ на него съ улыбкой недовѣрчивости.

« О нѣтъ! » отвѣчалъ Кринскій увѣрительнымъ голосомъ, въ которомъ отражалось опчасни неудовольствіе. « Прямодушіе мое не позволяло мнѣ говорить то, чего сердце мое не чувствовало. Въ Нельской любовался я игривымъ взрослымъ ре-

бенкомъ; Вишаеву спарался я испыпашъ, искалъ въ ней сердца — и нашель вмѣспо его глыбу снѣга.»

« Чшо же пайдете вы во мнѣ, когда узнаете меня покороче? Робкую, заспѣнчивую дѣвушку, безъ наружныхъ достоинспвъ, жалкую мечпашельницу . . . словомъ, шакую, съ копорою вамъ спыдно было бы показашься въ свѣшъ. »

« Я сказаль уже, чего искалъ и чшо нашель въ васъ. Жена мнѣ надобна для семейнаго моего счаспїя, а не для ложнаго блеска свѣпскаго. О! пусть эшопъ голось, голось испины, пробудитъ въ вашемъ сердць опвѣшныи звуки. Скажите, Бога ради, скажите: не ужели я обманулся, не ужели обольщаль себя несбышочнымъ блаженспвомъ? »

« Богъ вамъ судья, Графъ, если вы изъ одного жестокаго удовольспвїя хопшите возмунитъ мой покой! » сказала Ольга, голосомъ, лившимся прямо изъ души и пронка-

вшимъ въ душу; слезы снова показались на глазахъ ея. » Но если я въ васъ не ошиблась, если вы почто искренни, то то воля родителей моихъ рѣшишь мой выборъ, « договорила она скоро.

« Но ваше сердце не чуждается меня? » пылко подхватилъ Криinskій.

« Мое сердце — будетъ биться для моего супруга. »

« А если Богу и родителямъ вашимъ угоденъ будетъ вашъ выборъ, — и если эпощъ выборъ падеть на меня? »

« Тогда оно ваше, и на вѣки! . . . не пребудете опъ меня больше, Графъ! » прибавила она съ крайнимъ смущеніемъ.

Въ испусленіи восторга, Криinskій схватилъ ея руку и снова осыпалъ ее поцѣлуями. « Пойдемте въ комнаты, Графъ! » сказала Ольга голосомъ, прерывавшимся опъ сильнаго волненія груди. Они пошли медленнымъ шагомъ. Чувства ихъ мало по малу успокоились; и когда они вошли въ ком-

напы, по на лицахъ ихъ сіяло только чистое, душевное удовольствіе.

Родители Ольги казались между шѣмъ нѣсколько встревоженными. Они одни были въ гостиной, и замѣтно было, что они съ какимъ-то безпокойствомъ ожидали возвращенія своей дочери. Мать увела поспѣхъ Ольгу во внутреннія комнаты; Кринскій осмался наединѣ съ спарикомъ Рѣвымъ. Сей послѣдній смолрѣлъ въ глаза Графу, какъ будто бы хотѣлъ проникнуть въ его душу. Кринскій подошелъ къ нему свободно, объяснилъ ему свой образъ мыслей касательно женишбы, сказалъ опкровенно, что въ одной Ольгѣ находилъ онъ всѣ шѣ совершенства, которыя желалъ сыскать въ будущей своей супругѣ, и просилъ ея руки, прибавя, что сама она не отвергаетъ любви его. Спарикъ былъ, казалось, пріятно удивленъ; и послѣ нѣсколькихъ возраженій, относившихся къ постоянству Графа въ супружеской любви,

къ согласію родственниковъ его и прочее, возраженій, на копорыя Кринскій отвѣчалъ съ полнопой убѣжденія, — Павелъ Ильичъ сказалъ ему:

« Я вѣрю вамъ, Графъ, вѣрю опъ всей души, попому, что съ шѣхъ поръ, какъ знаю васъ, видѣлъ одни доказательспва вашего благороднаго сердца, искренности и прямодушія; но позвольте мнѣ на минупу васъ оставипъ и переговорипъ съ женою и дочерью.» Съ сими словами, онъ вышелъ. Кринскій, съ надеждою въ ясномъ взорѣ, оспался ожидапъ окончательнаго рѣшенія судьбы своей.

Чрезъ нѣсколько минупъ, отецъ и мапъ Ольги вывели ее въ госпиную. Она шла невѣрными шагами; видно было, какъ легкая дрожь пробѣгала по ея членамъ.

« Вошъ вамъ, Графъ, ваша невѣспа!» сказалъ Павелъ Ильичъ съ веселымъ видомъ. « Опдаю вамъ ее съ легкой руки: самъ я счастливъ своимъ супружеспвомъ, шакъ и

вы можете того же надѣяться опъ будущей вашей жены.»

«Дай Богъ, чшобъ и она пажже была счастлива въ своей семейственной жизни, какъ я!» примолвила Евгенія Пешровна голосомъ распроганнымъ.

Молодые люди упали на колѣни, и получили благословеніе родипелей Ольги, залогъ будущаго блаженства своего на эпомъ свѣпъ.

На другой день Кринскій уѣхалъ въ городъ, опсправивъ письмо къ дѣду своему и подавъ по командѣ просьбу о позволеніи ему жениться. Черезъ мѣсяць, онъ повелъ къ алшарю свою невѣсшу и сдѣлался счастливымъ обладашелемъ неоцѣненнаго сокровища: сердца чистаго, копораго каждое біеніе посвящено было любви и добру. Нѣсколькo Офицеровъ, сослуживцевъ Кринскаго, и пять — шесть ближайшихъ родственныхниковъ и друзей семейства Рѣевыхъ, опшировали скромную свапъбу милой чепы.

Кринскій сдѣлался ежедневнымъ и почти исключительнымъ спутникомъ жены своей въ ея благопвѣрительныхъ упорныхъ прогулкахъ. Уже онъ не ревновалъ къ Феликсу Карловичу, но въ случаяхъ необходимыхъ, самъ приглашалъ его соупривѣривать ему и Ольгѣ при посѣщеніи больныхъ.

Въ городѣ пополковали объ эпой свапъ-бѣ, побранили Кринскаго, позавидовали Ольгѣ — и замолчали. За то зимою всѣ удивились, когда въ собраніяхъ увидѣли молодую Графиню, нѣсколько пополнѣвшую, съ лицомъ свѣжимъ и цвѣщимъ, съ яснымъ оппечаткомъ домашняго блаженства въ свѣпрыхъ взорахъ, съ пою милою ловкостью и свободой обращенія, копорая чужда припзаній, кокетства и жемашства. Правильныя черты лица ея, еще болѣе украшенныя полнопою и румянцемъ здоровья, прекрасныя глаза, теплившіеся огнемъ души, и спройный, прелестный спанъ привлекали къ себѣ взоры людей

даже самыхъ равнодушныхъ ; а молодые мужчины завидовали новобрачному столько же, сколько дѣвицы завидовали новобрачной.

« Чпо изъ насъ выигралъ закладъ? » смѣясь говорили другъ другу шѣ самые офицеры, Гусарскій и Аршиллерійскій, копорыхъ мы подслушали въ началѣ сего расказа, и копорые шеперь вспрѣпились въ первомъ собраніи, гдѣ явился Кринскій съ юною своею супругой.

« Я думаю, чпо я выигралъ бы у васъ, господа, если бы не посовѣспился тогда бишься съ вами объ закладъ, » сказалъ имъ случившійся шупѣ пожилой провинціалъ, шожѣ спарый нашъ знакомецъ. « Графиня была ша самая дѣвица, о копорой я тогда намекнулъ.

« Но помните, почтеннѣйшій Иванъ Яковлевичъ, » возразилъ гусаръ, « чпо по словамъ вашимъ, эша дѣвица была не пригожа ; а Графиня Кринская совершенная красавица. »

« Ну, вижось, она почно казалась мнѣ тогда не красавицей; да признайшесь и вы, милоспивые государи: кпо изъ васъ тогда ее замѣпилъ? Я зналъ ея образованный умъ, попому чпо знакомъ корощко съ опцемъ ея; узналъ прекрасную ея душу, н по случайно, по болпливости спараго ихъ садовника; а чпо въ эписхъ впалыхъ щекахъ, въ эпой блѣдной оболочкѣ, таилась будущая красавица, какъ бабочка въ своей хрисалидѣ, эшого я никакъ не подозрѣвалъ, » прибавилъ спарикъ со вздохомъ.

« Вы, кажешся, любипель и цѣнитель красопы? » сказалъ ему Аршиллериспъ, лукаво улыбаясь.

« Да, сударь, » отвѣчалъ спарикъ съ жаромъ: « я люблю и красопу душевную, и красопу пѣлесную; но совершенно согласенъ съ любимымъ моимъ древнимъ Поэшомъ, чпо

Gratior et pulchro in corpore veniens virtus.

Эпопъ спихъ когда-то въ школѣ перевелъ я двумя, копорые конечно гораздо слабѣе одного Лапинскаго. Какъбы ни ешь, вошъ они къ вашимъ услугамъ:

И добродѣшель краше и милѣй,
Когда является въ прелесномъ пѣлѣ.

« Я не зналъ, почпеннѣйшій Иванъ Яковлевичъ, что вы Поэпъ, » сказалъ ему гусарскій офицеръ шупливымъ пономъ.

« Да, былъ въ молодоспи, въ лѣша пылкихъ мечпаній. Теперь я шолько холодный наблюдашель . . . »

« Не совсѣмъ холодный, » подхвашилъ Арпиллериспъ: « я подслушалъ однажды вашъ пламенный разговоръ съ Фелиціашой Михайловной Нельской. »

« Вы, молодые люди, все шолкуете по своему, и измѣряете спепени шепла по шермомешру вашего сердца. . . . »

Въ эту минупу Нельская прошла мимо и ласковымъ взглядомъ подала знакъ пожилому провинціалу ипши за нею. Съ шоро-

пливостпью юноши онъ поспѣшилъ исполнить ея волю, и оставилъ своихъ собесѣдниковъ, у копорыхъ на лицахъ опразилась лукавая улыбка.

« Эпопъ спарикъ Ясеневъ сущій чудакъ, » сказалъ Арпиллерійскій офицеръ: » онъ побраниваетъ Нельскую за глаза, а между пѣмъ увивается около нея и гошовъ выполнятъ малѣйшую ея прихоть. »

« Прошлаго вѣка спарый юноша, запасной и безсмѣнный женскій угодникъ и воздыхатель, en un mot, un talon rouge sur-anné, » опвѣчалъ Гусаръ. « Забавно только то, что онъ выдаетъ себя за человека все знающаго, и опчаспи даже за прорицателя. »

« Да, и теперь хвалятся прошлогоднимъ своимъ предсказаніемъ. Впрочемъ, Богъ вѣдаетъ, кого онъ разумѣлъ тогда въ лицѣ своей безымянной Ченереншомы. Событія опчаспи его оправдали: вашъ Кринскій не женился ни на вдовѣ Нельской, ни

на Любви Вишаевой; вошь нашъ двуно-
гой Сфинксъ Ясеньевъ, для полнаго рѣше-
нія своей загадки, и придумалъ шеперь,
будно бы погдашній его намекъ относил-
ся къ нынѣшней Графинѣ. »

« Кшожь могъ разглядѣшь въ скромной,
заспѣнчивой дворяночкѣ, пряпавшейся за
людей и незамѣпной ни по наряду, ни по
ловкости въ обращеніи, — эту прелестную,
милую и ловкую даму, копорую мы шеперь
видимъ? !!! »

Разговоръ двухъ офицеровъ былъ прер-
ванъ Любовью Вишаевой, копорая, вы-
бравъ гусара своимъ кавалеромъ въ одной
изъ фигуръ копильона, увела его въ кругъ
танцовавшихъ.

Черезъ нѣсколько недель, городскіе въ-
сцовщики получили новую пищу для своихъ
полковъ и пересудовъ, а люди добрые и
чувствительные были вчужѣ огорчены пра-
гическимъ произшествіемъ. Троспяковъ,
Артиллерійскій офицеръ, столь усердно

выхвалявшій Нельскую, былъ между пѣмъ влюбленъ до смерти въ дѣвицу Вишаеву; Сливскій, гусарскій Шпабсъ-Ропмиспръ и погдашній его собесѣдникъ, также пи-палъ къ ней пламенную спрасъ. Гордая и холодная красавица, заковывая силь-нѣе и сильнѣе въ свои цѣпи и не любя изъ нихъ ни одного, вздумала разомъ опдѣлать-ся опъ ихъ исканій и принеспи ихъ въ жер-пву своему самолюбію. Для сего она спа-ралась ихъ пайно поссорить, вооружить другъ прошивъ друга, и изъ добрыхъ прі-ятелей умѣла сдѣлать ихъ смертельными врагами. Коварный ея замыселъ удался впол-нѣ. Сливскій и Троспяковъ спрѣялись. Первый изъ нихъ былъ смертельно раненъ; второй также получилъ рану, но легкую. Передъ смертью Сливскаго, соперники примирились и вывели наружу всѣ пѣ змѣн-ные узлы, копорыми споль безжалостно опупала ихъ хладнокровно — злобная оча-ровапельница. Молва объ этомъ мгновен-

но разнеслась по городу, и Любовь Вишаева сдѣлалась баснею и ужасомъ мирныхъ семействъ.

Графъ Кринскій посвятилъ искреннюю слезу сожалѣнія праху добраго своего поваривца, веселаго, оспроумнаго Сливскаго, провозая его въ холодную могилу.

Троспяковъ, выздоровѣвъ опъ ранъ, съ душевнымъ раскаянiемъ понесъ полагаемое закономъ наказанiе и былъ попомъ переведенъ въ одну изъ дальнихъ Арпиллерійскихъ ропъ. Онъ радовался, что оставлялъ шѣ мѣста, гдѣ все напоминало ему убійство челоуѣка, копорого нѣкогда онъ любилъ и уважалъ.

Любовь Вишаева, видѣвъ всеобщее къ себѣ неблагорасположенiе, уговорила своихъ родителей переселиться въ Москву. Тамъ она спрого перебирала жениховъ, можетъ бытъ перебираетъ ихъ и теперь, пока', подобно *разборчивой невѣстѣ* въ баснѣ Крылова, не выйдетъ на конецъ за коуѣку.

Съ весною, городъ * * * наполнился новыми вѣспями и пересудами, но уже не столь печальными. Всѣ заговорили о скоромъ бракосочетаніи Фелиціаны Михайловны Нельской съ украшеннымъ долгошою днѣй Ясенынымъ. За неизмѣнимъ подѣ рукою шипографіи, рукописныя извѣспипельныя карпочки съ розовымъ бордюромъ были разосланы женихомъ ко всѣмъ его знакомымъ; а знакомыхъ его былъ полонъ городъ, включая въ по число всѣхъ посполныхъ жищелей и заѣзжихъ.

«Вошь, бапюшки мои!» выкрикнула за обѣдомъ у Предсѣдателя Гражданской Палаты спарая сплешница Чумина, явно неблаговолившая Нельской; «не говорила ли я еще въ прошломъ году, что наша хипрая лиса поймаетъ шаки въ свои когши эшаго лапчашаго гуся, обвешшалаго волокишу Ясенева? что жъ? вѣдь и вышло по моему!»

«Да, мапунка Ѳекла Евсеевна,» подхватила другая, подобная ей кумушка: «Вы таки съ вами догадывались, что Фелициата Михайловна изъ шого и билась, какъ бы замужесшвомъ поуспроишь свои дѣла, да уплашишь долги. Не удалось ей подцѣнить Графа Кринскаго; вопшь она и раскинула силки шамъ, гдѣ ловъ попадежнѣе и поприбыльнѣе, и поймала, какъ вы преуморительно изволили его назвашь, лапчапнаго - по гуся.»

«И не ошиблася,» примолвилъ хозяинъ съ дѣловою важностію. «По вѣрному изчисленію людей, знающихъ всѣ имѣнія и доходы помѣщиковъ здѣшней губерніи, за Ивановъ Яковлевичемъ Ясеновымъ числился до двухъ тысячъ душъ; а съ нихъ и съ суконной его фабрики получается чистаго дохода до семидесяти тысячъ.»

«Прибавьте еще, бапюшка Ермолай Васильевичъ,» сказалъ Губернскій Землемѣръ: Тяпкинъ, «что у Ивана Яковлевича ле-

жить въ Ломбардѣ не по двѣспя, не по триста тысячъ числогану.»

«Ахъши, Господи!» возмасьла Чумина, всплеснувь руками: «вѣдь экое счастье эпой въпрениць. Тупъ и скромныхъ, спепенныхъ дѣвиць не знаешь, какъ приспособить....» при сихъ словахъ она взглянула на свою дочку, зрѣлую дѣву, копорая мигомъ жеманно выпянула шею.... «ну, будешь же чѣмъ сорить эпой вершущкѣ, Нельской,» продолжала Чумина; «да коли ужъ на то пошло, такъ будешь надъ чѣмъ и намъ попѣшишь языки свои.»

«Будешь, будешь!» опозвалось хоромъ все сборище въсповциковъ и сплешницъ.

Не смотря на сію весьма важную угрозу, черезъ двѣ недѣли и старые и молодые жиптели города получили розовыя визитныя карпочки, на копорыхъ было написано: «Иванъ Яковлевичъ Ясеевъ.... Фелиціаша Михайловна Ясеева.

Спепенная и снисходительная часъ

общества молча пожала плечами, а спарички-фапалишпы набожно примолвили: «знашь ему на роду такъ было написано!»

О. Соловъ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ

АНДРЕЮ ШЕНЬЕ.

Ко мнѣ, стрѣлокъ молодой; спыши, любимъ ты мною,
Любимъ, — а я равна Діанѣ красотою.
И также я была, — и также я стройна,
И въ рѣзвости живой безпечна, какъ она;
И въ часъ вечерній дня, съ поникшими очами,
Долиной темною теряясь межъ кустами,
Какъ мимо пастуховъ я тихо прохожу,
Тогда кажусь я имъ не смертною простою:
« О какъ прелестна ты! » несется вслѣдъ за мною.
« Неэра! берегись ввѣрять себя волнамъ!
« Ты новымъ божествомъ покажешься пловцамъ,
« И станутъ умолять отъ бури неизбежной
« Богиню свѣтлыхъ водъ съ Неэрой бѣлоснѣжной. »

И. Козловъ.

ДѢВЪ.

Поэта пламенныхъ созданий
Не бойся, дѣва; сила ихъ
Не отучнить твоихъ желаній
И не понизить думъ твоихъ;
Когда въ воздушные соблазны
И безграничныя мечты,
Въ тотъ міръ всегда разнообразный
И полный свѣжей красоты,
Тебя, изъ тягостнаго міра
Тѣлесныхъ мыслей и заботъ,
Его пророческая лира
На крыльяхъ звуковъ унесетъ :
И вся глубоко ты забылась
Въ очарованіи своемъ ; —
Ты въ божество преобразилась ,
Живешь небеснымъ бытіемъ !

Н. Языковъ.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

(Изъ Овидія.)

« Aurea primu satu est etas . . . etc »

Ov. Nas. Metamor. L 1, v. 89 — 151.

Первороденный былъ вѣкъ золотой; не изъ страха
къ отмщенью,
Доброю волею онъ безъ законовъ блюлъ честность
и правду.
Казни и страха въ немъ нѣ было; знаковъ угрозныхъ
закона
Мѣдь не носила еще: и просителей сонмъ не стра-
шился
Усть суди: безъ охраны въ тотъ вѣкъ безопасны
всѣ были;
Съ горной своей высоты, къ посѣщенію чуждыхъ
предѣловъ
Сосна еще не сходила тогда на кристальныя волны

Кромѣ своихъ береговъ, инаго не вѣдали люди.

Рвомъ крутымъ городà опоясывать нѣ было нужды:

Трубъ изъ мѣди прямой, и роговъ изъ согнутой
мѣди,

Ни шишаковъ, ни мечей не имѣлось. Съ войной
незнакомы,

Мысли спокойныя всюду рождали покой безмя-
тежный.

Дѣвственной груди земли не терзали ни грабли, ни
рало :

Нужное все сама по себѣ она приносила:

Пищей, безъ всякихъ усилій рожденной, довольные
люди

То съ деревьевъ плоды, то съ горъ землянику сби-
рали,

Также и корпъ, и прильнувшую къ дикимъ ку-
стамъ шелковицу;

Брали и жолудь, съ вѣтвистаго древа Зевеса спа-
давшій.

Вѣчной весной наслаждалась земля, и зефиръ тихо-
вѣйный

Теплымъ дыханьемъ ласкался къ цвѣтамъ, не изъ
сѣмени ростшимъ.
Скоро земля, не разпахана бывъ, плоды прино-
сила,
И безъ воздѣлки поля бѣлыи богатою жатвой. —
Рѣки иныя млеко, другія же нектаръ струили,
И изъ зеленаго ясеня капали желтые соты

Посль, когда былъ Сатурнъ во мрачный тартаръ
низвержень,
Юпитеръ міромъ владѣлъ; серебряный вѣкъ насту-
пилъ съ нимъ,
Худшій златаго, но драгоцѣннѣшій мѣднаго вѣка.
Въ оный Юпитеромъ преждее время весны сокра-
тилось:
На зиму, лѣто, неравныя осени, краткія весны —
Такъ на четыре пространства разбилъ онъ теченіе
года.
Тутъ впервые зноемъ сухимъ распалившійся воз-
духъ

Вспыхнулъ : впервые вода стугилась отъ вѣтровъ
холодныхъ.

Люди въ жилища вошли : жилищемъ же были
пещеры,

Также густые кусты и лозы, скрѣпленныя лькомъ.

Въ вѣкъ тотъ впервые Церерино сѣмя въ браздахъ
иротяженныхъ

Было зарыто, и подъ ярмомъ волю застонали. —

Первымъ изтекшимъ вѣкамъ послѣдовалъ третій —
изъ мѣди,

Духомъ свирѣпый и болѣе склонный ко бранямъ
ужаснымъ,

Но не злодѣйскій еще.

Последній былъ твердый желѣзный.

Въ вѣкъ сей, изъ худшей руды сотворенный, во-
рвались незапно

Всѣ беззаконія : стыдъ же и правда и честность
изчезли:

Мѣсто ихъ заступили тогда и обманъ и ковар-
ство.

Разныя козни, насильство и гнусная склонность къ
стяжанью.

Парусъ по вѣтрамъ иростеръ , хорошо ихъ доселѣ
незнавшій ,
Кормчій : и сосны , стоявшія долго на горныхъ вер-
шинахъ ,
Съ нихъ низошли , и корабль пометѣлъ по волнамъ
незнакомымъ .
Землю , всѣмъ общую прежде , какъ пынь свѣтъ
солнца и воздухъ ,
Долгою гранью означилъ тогда межевщикъ осто-
рожный .
Ужь не одиѣхъ только жатвь , не одной только нищи
обильной
Требовалъ смертный въ тотъ вѣкъ отъ земли ; но
проникъ въ ея нѣдра :
То , что сокрыла она и къ Стигійскимъ приблизила
тѣнямъ ,
Было открыто людьми , и богатствами зло поощри-
лось .
Вдругъ вредоносная сталь и ея вредоноснѣе — золото
Вышли : родилась война , губящая сталью и зла-
томъ ,
И въ окровавленной длани ея зазвенѣло оружье .

Стали хищеньями жить; скиталець врага зрѣль —
вѣ скитальцѣ ,
Тестъ — въ своемъ зятѣ : и братьевъ любовь почита-
лась за рѣдкость.
Смертью грозили женѣ своей мужъ, супруга су-
пругу ;
Блѣдные яды суровыя мачихи смѣшивать стали,
Сынъ преждевременно началъ считать родителя
годы ;
Въ прахъ благочестье легло, и отъ странъ, дымящихся
кровью ,
Изъ небожителей двѣ-Астрея послѣдняя скрылась...

М. Деларю.

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА.

Ужъ вечеръ сѣверный, тѣнистый,
Ложился медленно на доль,
И сквозь оградный частоколь
Глядѣлся мѣсяць золотистый. . . .
Яснила пурпурная даль
Надъ полосой лѣсовъ дремучихъ ,
И синый, брызжущій хрусталь,
Журчалъ подъ сводомъ древъ зыбучихъ.
Я помню, что-то *Ей* сказала. . . .
Ея рука въ моей дрожала :
Во мнѣ огонь любви пылалъ ,
И къ ней рвалась и улетала
Моя тоскливая душа :
Она была такъ хороша!
Пряма; въ лицѣ лилейно - аломъ
Улыбка, и лазурь въ очахъ:
И подъ зеленымъ покрываломъ

Лилось золото въ кудряхъ!
Она, казалось, понимала
Земной, нескладной лепеть мой,
Но только, молча¹, помавала
Своей прекрасною главою. —
И что ей отвѣчать, прелестной,
На пылкій взоръ, на чувства жаръ?
Младой питомицъ небесной
Былъ чуждъ земныхъ страстей пожаръ.
И какъ въ разсвѣтъ, съ наземной пыли,
Слетаетъ чистая роса —
Меня покинула *краса!*
Часы на башнѣ полночь ббли,
И мѣсяцъ, гость ночныхъ картинъ,
Краснѣя, въ воды опустился. . . .
Я разъ еще къ *ней* обратился
И вздрогнулъ. . . . Я стоялъ одинъ! . . .

Ө. Глинка.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ
КОРЖЕНЕВСКАГО: АНГЕЛИКА.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ангелика.

*(Одѣвая Соню, которая начинаетъ терять
терпѣніе.)*

Ты женщина, и не должна скучать
Уборами. . . .

Соня.

Довольно, Ангелика.

Ангелика.

Постой. Еще дай мнѣ надѣть вѣнокъ. —
Ты знаешь ли, когда вѣщаютъ миртомъ
Намъ голову?

С о н я.

Не знаю.

А н г е л и к а.

Какъ же мало,

О бѣдное дитя, тебѣ известно!

То радостный, то лучший въ жизни день!

(задумывается.)

Однакоже, какъ часто эта зелень

Печальное чело приосѣняетъ,

И хладная страданія елеса

Въ ея листахъ пророчественныхъ блещетъ,

Какъ бы роса на вѣтви кипариса,

Растущаго на холмѣ гробовомъ.

(Германъ и Вильгельмъ входятъ. Ангелика показываетъ отцу сестру одѣтую, какъ будто къ вѣнцу.)

Г е р м а н ъ.

А, это что?

А н г е л и к а.

Родитель, ты узнаешь.

Г е р м а н ъ.

Всегда въ мечтахъ! Что добраго въ нихъ есть?

А н г е л и к а.

О! не лишай меня сихъ сновъ златыхъ,

Они живѣй существенности хладной.

ГЕРМАНЪ (*отвращивается съ
неудовольствіемъ къ Вильгельму.*)

И такъ ты насъ съ разсвѣтомъ покидаешь?

Вильгельмъ.

О если бы мнѣ спутницей была
Надежда! Такъ, не рѣдко возвышаетъ
Отсутствіе отсутствующимъ цѣну,
И все, къ чему мы слишкомъ приглядѣлись,
Разлукою становится милѣй.

(*Глядя на Ангслику.*)

О если бъ возвратясь и я нашель
Желанную такъ тщетно перемѣну!

Германъ.

Во мнѣ ее ты вѣрно не найдешь. —
То самое тебя здѣсь встрѣтитъ сердце,
Которое прощается съ тобой.
Желанія мои, меня, ты знаешь.

Вильгельмъ.

Увѣренъ въ нихъ. О какъ же сладко сердцу
Почтить тебя, любить твое семейство!
Зачѣмъ же вамъ я долженъ быть чужимъ?
Когда душа моя подъ этой кровлей
Всегда живетъ, зачѣмъ же голова
Моя подъ пей не можетъ приютиться?

Я сирота безродный, безплемянный !
Занятія , кормящія меня ,
Способныя легко доставить жизнь
Безнужную еще кому нибудь ,
Чась отъ часу грустнѣй , однообразнѣй.
Съ какимъ бы я восторгомъ предавалъ
Плоды трудовъ распоряженьямъ умнымъ ,
Назору Ангела ! Имъ ободренъ,
Какъ мнѣ легкокъ, какъ весель былъ бы трудъ !
Всѣ помыслы мои туда бѣ стремились ,
Подъ мирный кровъ, гдѣ сладостный союзъ
Мнѣ возвратилъ природой отнятое ,
И подарилъ названіемъ меня
Завиднѣйшимъ , чѣмъ имя брата , сына !
Но рокъ велитъ мнѣ быть для васъ чужимъ . . .
Живите же, не зная бѣдъ, печалей
И въ памяти храните имя друга.
(Сжимаетъ руку Германа и смотритъ нѣко-
торое время на Ангелику.)

АНГЕЛИКА (выслушавъ его со
вниманіемъ, подходит и
беретъ его за руку.)

Передъ тобой — сестра. Не требуй боль.
(Вильгельмъ цѣлуетъ у нея руку и уходитъ.)

Я В Л Е Н И Е 3.

ГЕРМАНЪ.

Ужель печаль его тебя не тронетъ?

АНГЕЛИКА.

О, я дѣлю ее. Но, мой родитель,
Скажи, могуль ту рану врачевать,
Которая не мной повесена?
Такъ, правоту его и тихій пламень
Я свято чту. Не жалуясь даже,
Что онъ тоской своей мою печаль —
Послѣдствіе сна страшнаго, умножилъ.

ГЕРМАНЪ.

Пустые сны тебя лишь занимаютъ!

АНГЕЛИКА.

Извѣстно мнѣ, ты презираешь ихъ.
Я такъ же снамъ не очень довѣряю,
Хоть у меня ихъ много въ головъ.
Но если бы ты выслушалъ меня...

ГЕРМАНЪ.

Что скажешь ты?

АНГЕЛИКА.

Прости, боюсь, наскучу.
Любовь всегда бывала суевѣрна.

ГЕРМАНЪ.

Ну, расскажижъ.

АНГЕЛИКА.

Послушай: снилось мнѣ,
Что будто бы, мы объ руку съ Густавомъ,
Передъ тобой упали на колѣни
(указывая на сестру)
(На мнѣ была такая же одежда).
Господь съ небесъ взиралъ! Когда жъ рука
Родителя перекрестила насъ,
Мы радостно пошли всѣ вмѣстѣ въ церковь;
Дорогою, сжимая руку друга,
Я мысленно клялась ему въ любви
И вѣрности. Вокругъ меня порхали
Игривыя, прелестныя мечты
О счастьи супружномъ, материнскомъ,
И слышалось привѣтственное пѣнье...
Надъ первою видѣнья половиной,
Предвѣстницей небеснаго блаженства,
Не смѣйся ты!...

ГЕРМАНЪ.

Какая же вторая?

АНГЕЛИКА.

Вторая? Та недоброе сулитъ.

Однако же и ту скажу: уже
Съ Густавомъ мы стояли у наоя,
Уже съдой служитель олтаря
Готовился благословить супруговъ;
Лишь на тебя хотѣла я взглянуть,
Чтобы своимъ весельемъ, яснымъ взоромъ
Родителя тревогу успокоить;
Вдругъ вижу я, за мною вмѣсто дружки
Стоитъ жена въ одеждѣ брачной. Ликъ
Ея былъ благородно-грозенъ. Быстро,
Узрѣвъ ее, Густавъ отдернулъ дѣланъ
Свою.

ГЕРМАНЪ (*отворачиваясь.*)
Увы! . . .

АНГЕЛИКА.
Родитель, будь покоенъ —
Не забывай, что это сонъ.

ГЕРМАНЪ.
Что жъ далъ?

АНГЕЛИКА.
Дрожала я, какъ будто листь осенній
Передъ грозой. Вдругъ призракъ сей, меня
Прочь оттолкнувъ, самъ сталъ съ Густавомъ рядомъ;
Потомъ гляди! Сорвавъ съ меня вѣнокъ

И въ руку давъ поблекшую лилею ,
Лице мое такимъ завѣсилъ флѣромъ!

*(Снявъ съ себя чернѣй платокъ, завѣшиваетъ
иль лице Сони, а сама потупляетъ глаза
въ землю.)*

ГЕРМАНЪ *(срывая съ лица
Сони платокъ.)*

Поди, мой другъ, займися чѣмъ нибудь.

(Соня уходитъ)

О дочь моя, ты зришь сама, сей сонъ
Не есть ли олицетворенный образъ
Предчувственныхъ тревогъ твоей души?

АНГЕЛИКА.

Я ихъ чужда, когда себѣ представлю,
Кого люблю и къмъ любима я.
Извѣстно мнѣ Густава благородство.
Все, что объ немъ худое говорятъ
Все клевета. О если бы ты зналъ,
Что чувствую, когда въ воображеньи,
Рука съ рукой перелетаю съ нимъ
Грядущаго безвѣстное пространство!
Тамъ онъ меня отъ бурь и мразныхъ ветровъ
Заботливо крылами осѣняетъ;
Тамъ злачною одеждою весны

Не знающей конца, онъ рядить землю ;
Тамъ изо всѣхъ нежнѣйшихъ ощущеній
Готовить мнѣ напитокъ животворный. . . .
Но радости моей не дѣлишь ты ,
Угрюмый взоръ твой въ землю устремленъ ,
Какъ будто бы приличнѣйшаго мѣста
Ты ищешь тамъ для дочерней могилы .

Германъ (*съ досадою.*)

Я не терплю мечтательныхъ рѣчей .
Подъ часъ душой моею овладѣваетъ
Неистовство , я проклинать готовъ
Природу ; знать она тебя во гнѣвъ :
Въ замѣтъ ума мечтами надѣлила .

Ангелика (*ласкаясь.*)

Родитель , знай , что женское блаженство
Не умъ творить , — я не люблю его .
Подобенъ онъ лунѣ . Его лучи
Холодные , стирая яркость красокъ
Со всѣхъ цвѣтовъ сей жизни , красный мѣръ
Печальною фатою облекають .

Германъ .

По твоему да будетъ . Помни лишь ,
Что изъ сѣмянъ опасныхъ заблужденій ,
Посѣянныхъ тобою , уродится

Сторицею отчаянье тебѣ —
И буду я тому одинъ виною.

Ангелика.

Прости, сихъ словъ понять я не могу.

Германъ.

Не хочешь. О! ты прежде понимала
Мой взглядъ. — Твое повиновенье было
Спокойствіемъ родителя. Теперь...
Скажу ли я? — Какъ часто мнѣ во снѣ,
Является ликъ блѣдный Ангелики —
Поруганной, покрытой тяжкимъ срамомъ!
Заботливость о дочерней судьбѣ,
Сварливая жена воображенья,
На мигъ одинъ во мнѣ не умолкаетъ,
А ты отца не хочешь успокоить!

Ангелика.

Но изъ чего возникли опасенья?

Германъ.

Доселъ я желалъ, чтобъ не рука
Отцовская, но собственное сердце
Твое тебѣ избрало бы супруга.
Пусть былъ бы онъ лишь милъ тебѣ и честенъ —
И бѣдному не отказалъ бы я:
Но не тому, кто честности личиною

Коварное намѣренье прикрывъ.
О если бы его узпаль я прежде,
Клянусь творцемъ! не совѣстась ни сколько,
Тотчасъ ему отъ дому отказаль бы.
Прошла пора, узналь я слишкомъ поздно,
Кто онъ, о чемъ старается. Маня
Надеждою тебя, склонилса сердцемъ
Къ другой, ему богатствомъ, родомъ равной.
Возможешь ли снести ты сей ударъ!
Покинь его, пока тебя онъ бросить:
Таковъ совѣтъ разсудка, такъ велить
Родитель твой! О дочь моя! подумай,
Отчаянье твое убьетъ отца!

Ангелка.

Но кто жь сказаль, что онъ другую любить?
Ты ль языковъ еще не знаешь злыхъ?
Въ забаву имъ: людей женить и ссорить,
Давно въ землѣ истлѣвшихъ воскрешать,
И хоронить исполненныхъ здоровья.
Возможно ли любовію считать
Приличіемъ внушенную учтивость?
Не влюбчивъ онъ. Нѣтъ, прелести кокетства,
Не сладостивъ, чѣмъ Ангелики взоръ,

Чѣмъ взоръ любви, изъ сердца исходящій,
Которому одинъ владыка — онъ!

ГЕРМАНЪ.

Но если бы... Найдешь ли столько силы,
Чтобы снести его потерю?

АНГЕЛИКА.

Нѣтъ,

Зачѣмъ меня, родитель, ты пугаешь?
Почто мое ничтожишь упованье?
Возможно ли принять за образецъ
Не рѣдкіе примѣры злодѣяній?
Ужель должна я повторить тебѣ
Священные его обѣты, клятвы? —
Ты ихъ готовъ ничтожными назвать.
Ты молвишь мнѣ: такія ль нарушались?
Я жъ вѣрю имъ; хочу въ сей сладкой вѣрѣ
Кончать мой день и начинать его;
Покуда вдругъ открыты роковое,
Предшествуя, какъ молнія удару,
Души моей собой не озарятъ,
Позволь летѣть на сихъ крылахъ волшебныхъ,
Хотя бъ они несли меня — къ могилѣ;
А между тѣмъ, родитель добрый мой,

Испытанный въ искусствѣ благородномъ,
Не отнимай надежды у души,
Когда меня уже спасти не можешь.
(Германъ смотритъ на нее сурово и уходитъ.)

В. Щастный.

СТАТУЯ ПЕРЕТТЫ

ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ САДУ.

Что тамъ вдали, сквозь кустовъ, надъ гранитнымъ
утесомъ мелькаетъ,

Тамъ, гдѣ серебряный ключъ съ тихимъ жур-
чаньемъ бѣжитъ?

Нимфа ль долины въ прохладѣ твней позабылась
дремой?

Вѣтви, раздайтесь скорѣй: дайте ее мнѣ узрѣть!
Ты ль предо мною, Перетта? Тебѣ измѣнила надежда,
И предъ тобою лежитъ камень пробитый сосудъ;
Но молоко, проліясь, превратилось въ журчащій
источникъ:

Съ ропотомъ льется за край, струйки въ долину
несеть.

Снова здесь вижу тебя, животворный мой Геній,
надежда!

Такъ изъ развалины благъ бьетъ возрожденный
твой токъ!

Съ Нѣмец. М. Деларю.

ВИНО.

Голосистая, живая,
Чародѣйка молодая,
Удалая красота,
Какъ вино вольнолюбива,
Какъ вино она игрива
И блистательно чиста;
Какъ вино ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиля и волнуя
Душу, полную тоской;
Всю тоску она отгонитъ
И меня на ложе склонитъ
Беззаботной головой;
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои читаетъ
И блещитъ въ моихъ очахъ.

Н. Языковъ.

БАСНЯ ВЪ ПРОЗѢ.

Шель Факирь. Эшо было въ Индіи, гдѣ Факировъ такое же множествво, какъ у насъ Типулярныхъ Сопѣшниковъ.

Шель онъ, чиспя зубы рисовою соломинкою, хопя давно уже не обѣдалъ, и напѣвая во все горло спарую Санскрипскую пѣсню:

Чѣмъ себя я огорчила,
Ты скажи, любезный мой. . .

Какъ вдругъ онъ очутился на краю темной и глубокой ямы, прикрытой сухимъ хворостомъ и соломою. Эшо была волчья яма; но какъ въ Индіи волковъ не водится, шо въ нее, по неоспарожности, уапи обезьяна, змѣя удавъ, пигръ и

человѣкъ. Сей послѣдній былъ золотыхъ дѣлъ масперъ, поспавлявшій брильянповые перспии и шабакерки въ кабинетъ одного Индѣйскаго Султана.

Человѣкъ, увидѣвъ Факира, спалъ просить, умолять, заклиная, чтобы онъ освободилъ его изъ ямы! Онъ предлагалъ ему за то чувствительную признательность, нелицемѣрную дружбу, награды, благодаренія, покровительство, услуги. Обезьяна, змѣя и пигръ смиренненько сидѣли въ уголку, и не говорили ни словечка.

Добрый и голодный Факиръ не заставилъ себя просить долгое время. Онъ отвязалъ свой поясъ, состоявшій изъ длиннаго куска грубой бумажной ткани, и спустилъ его въ яму. Человѣкъ, собираясь ущипнуться за конецъ его, счелъ нужнымъ напередъ понюхать шабаку, потомъ приподнять полы плащя, потомъ поправить на головѣ шапку: между тѣмъ обезьяна, проворнѣе его, ущипнулась за полошню, и Фа-

кирь выпасилъ ее на свѣпъ, вмѣсто золошыхъ дѣлъ маспера. Онъ изумился; она съ радости прыгнула ему на плечо, опъ веей души обняла его за шею своимъ хвощомъ, прыгнула опяпъ и сѣла на камнѣ, не далеко опъ того мѣспа.

По просьбѣ человека, Факирь впорично опустилъ поясъ свой въ яму. Прежде, нежели шощъ вычихался, змѣй проворно обвился вокругъ пояса, и былъ шакимъ же образомъ, какъ и обезьяна, благополучно подняпъ вверхъ и освобожденъ изъ плѣна. Огромное пресмыкающееся величественно развернуло кольца свои, зашипѣло въ знакъ благодарности, опползло въ сторону и обвилось около близъ-сходящаго дерева.

Факирь испугался, и подумалъ, что въ эшой ямѣ весь звѣринець Лемана, о кошоромъ всякую масляницу чипалъ онъ въ Калькупскихъ Вѣдомоспяхъ спашпи съ необычайными похвалами и возгласами, перепечашанныя, върояпно, изъ нашей Сѣ-

верной Пчелы; однако онъ рѣшился еще разъ бросить поясъ свой въ яму. Человѣкъ успѣшилъ схватить рукою конецъ его; но шигръ, ободренный примѣромъ двухъ своихъ союзниковъ, выскочилъ изъ угла, опрокинулъ человѣка, и самъ повисъ на полопнѣ. Бѣдный Факиръ чуть не упалъ въ обморокъ, при видѣ ужаснаго звѣря, выпавшаго имъ вмѣсто человѣка; но обмороки въ помѣ краю не въ большемъ употребленіи, припомъ же и шигръ не думалъ дѣлать ему ничего худого: онъ только взглянулъ на него своимъ звѣрскимъ взоромъ, поскрежесалъ зубами вмѣсто спасибо, отошелъ въ сторону и легъ.

Когда Факиръ въ четвертый разъ готовился опустить поясъ въ яму, обезьяна, змѣй и шигръ, всё шрое вдругъ, закричали ему по-Санскрипски: — Спой! что ты дѣлаешь? . . . Ославъ его шамъ! Не выпаскивай человѣка изъ ямы. Изгинь онъ въ ней, пропади!

— Почему же такъ? спросилъ изумленный Факирь.

— Какъ почему? воскликнула обезьяна. Неужь-то не знаешь пы своего рода? Человкъ! да это глупѣйшее, хипрѣйшее, въ-роломнѣйшее животное во всей природѣ. Онъ презираетъ обезьянъ: а самъ онъ что дѣлаетъ? — всю жизнь свою проводитъ въ обезьянствѣ. Онъ даже издаетъ самъ для себя еженедѣльные журналы обезьянства, съ раскрашенными рисунками, и еженедѣльно передѣлываетъ цѣлую свою наружность по этимъ рисункамъ, всякой разъ хуже, всякой разъ спраннѣе, смѣннѣе и гаже. Я хопъ и обезьяничаю, хопъ и кривляюсь, по крайней мѣрѣ дѣлаю это для собственной моей пошъхи, когда мнѣ весело; онъ, попрошивъ того, прибѣгаетъ къ этому средству единственно для того, чтобъ обмануть другихъ на свой счетъ, чтобъ ослѣпить ихъ, чтобъ ихъ поддѣшь, надушь, обобратъ... фуй! какъ

тебѣ не спыдно бышь челоуѣкомъ! Поди лучше жишь съ нами, съ чеспными, природными обязынами, въ лѣсу, въ бору, въ пущомъ полѣ: я увѣрена, что ты будешь насъ любншь и почиашь. У насъ не найдешь ты ни измѣны, ни преспуленій, ни пороковъ. Да какой у насъ прекрасный полъ! какъ онъ обезьянничаетъ просто, напурально, неподдѣльно: ужъ, право не шакъ, какъ ваши женщины, копорыя всѣми силами спараюпся подражать обезьянамъ, да не умѣюптъ!... Говорю тебѣ, не вытаскивай его изъ эшой ямы: придетъ время, что будешь въ помъ раскаивашься!...

— Обезьяна судишь весьма правильно, примолвилъ змѣй, приподнимая голову. Несравненно лучше имѣшь дѣло съ обезьянами и змѣями, чѣмъ съ вашею брапшею, чеспный Факирь. Я ужъ не спану говорншь про обезьянъ: хопя челоуѣкъ и очень похожъ на ннхъ лицомъ и пѣломъ, но эшо не должно дѣлашь имъ ни какого безчеспнн:

онъ по испинѣ добрыя, кропкія и шупливыя швари; а скажу лишь нѣсколько словъ о нашей породѣ. Змѣй упошребляешъ жало шолько для своей защиты; онъ не наступаетъ, не нападаетъ ни на кого: а человекъ? ... О, любезный Факиръ! ни въ какомъ болошѣ, ни въ какой пещерѣ въ свѣшѣ, нѣшъ змѣи, ехидны, дракона, надѣленныхъ ошъ природы сердцемъ споль злобнымъ, жаломъ споль ядовитымъ, какъ сердце и языкъ человекскіе. Человекъ жалишъ и убиваетъ собшвенныхъ своихъ ближнихъ, невинныхъ и беззащитныхъ, въ шушку, для попѣхи, въ удовлетвореніе своему шщеславію, изъ подобоспрастїа, даже изъ предполагаемаго угрожденїа другому человекъ, коимъ хочешъ онъ воспользовашъ шолько при случаетъ; онъ смѣетъ и жалишъ, цѣлуешъ и жалишъ, плачешъ и жалишъ, заключаетъ въ объятїа любви, дружбы, гостепримства, и жалишъ до - смерти. Злоба

его стихія, хитросць его ремесло, орудіе, слѣдствіе его природы. И онъ еще порицаетъ насъ, бѣдныхъ безногихъ!.. Совѣшую тебѣ, оспавъ чловѣка въ ямѣ, если не желаешь испытать его неблагодарности. Вѣдь вы сами сознаетесь, что мы умнѣе васъ!... Вы же мудрость изображаете въ лицѣ змѣи!...

— Послушайся насъ, присовокупилъ пигръ грубымъ, сильнымъ голосомъ: не будь осломъ!... Мы лучше тебя знаемъ людей. Тигры, коихъ вы обвиняете въ лопосности и кровожадности, ангелы въ сравненіи съ своими ближними. Мы, ежели кого и убиваемъ, то единственно для удовольстворенія нуждамъ голода: поѣвши, мы лежимъ спокойно и никого не пугаемъ. Ну, а чловѣкъ, — разбойникъ!... уродъ, безпрерывно жаждущій крови!... онъ для того лишь освѣжаетъ силы свои сномъ и пищею, чтобы лучше убивать другихъ. Убийство — это его забава, потѣха, шушка,

честь, богатство, даже его роскошь. Жестокосердіе признаешь онъ добродѣтелью и называешь храбростью; долгъ признательности почитаетъ онъ, по своему самолюбію, за нарушеніе его свободной воли. Онъ губитъ все, — свой родъ, чужой, распенія, воды, скалы, словомъ, грабитъ всю природу. Добрый Факирь, не дѣлай ни чего въ пользу самаго грознаго и самаго опаснаго на земли звѣря. Знаешь ли, что я скажу тебѣ въ разсужденіи этого человѣка, который оспался въ ямѣ? — Чортъ его побори!... это будешь гораздо сходнѣе и для насъ и для самаго себя.

— Вздоръ!!... сказалъ Факирь. Вы такъ разсуждаете, потому, что вы не читали Санскрипскихъ Философовъ: Платона, Бюффона, Канпа, Галля и другихъ, кои доказали, что человѣкъ есть благороднѣйшее и лучшее произведеніе природы, существо полу - земное и полу - небесное,

которое хопя и кусаетя, хопя убиваетя и обманываетя, но дѣлаетя все это правильно, разсудительно и весьма естественнo — въ слѣдствіе врожденныхъ ему понятій и особенныхъ шишекъ на его черепѣ: именно, понятій и шишекъ математической почки, линіи, проспранства, кусанія, убійства, и п. д. Но это вопросы философскіе, коихъ вы не понимаете: изъ этого раждаются понятія о причинѣ бытія, о томъ, чего и постигнуть не возможно, и о высшемъ предназначеніи челоука. Вы судили бѣ объ этихъ вещахъ совсѣмъ иначе, если бѣ вы знали, какое множество превосходныхъ книгъ и разсужденій челоука написалъ о филантропіи, то есть, о челоуколюбіи, то есть, о любви самаго себя. Споишѣ прочиташѣ ихъ, чшобы удостовѣришѣся, до какой степени люди добрые-люди. Знаете ли, что они дѣлаютя, когда кто либо изъ нихъ съѣстѣ шайкомъ овцу или вола, ко-

ихъ другой челоѡкъ кормилъ на пищу для самаго себя? — они его вѣшаютъ и умерщвляють: эшо называется «правосудіе, нравспвенность.» А знаете ли, какъ они хорошо ведутъ себя, когда пресшупникъ, заключенный въ шюрму, обрѣченный смершной казни, самъ посягнешъ на свою жизнь и поранишъ себѣ горло гвоздемъ или перочиннымъ ножикомъ? — они пошчасъ окружають его цѣлебными пособіями, услугами, удовольспвіями, наслажденіями; спарають воспановишъ его здоровье и спокойшвіе духа и, когда онъ сдѣлаешя совершенно здоровымъ и веселымъ, погда уже ведутъ его къ висѣлицѣ и поржеспвенно вѣшаютъ. Эшо называется «челоѡкъолюбіе, ушонченная кропость нравовъ.» Ну, покажите мнѣ шакое нѣжное сердце въ какомъ бы шо ни было другомъ живощномъ? . . . Да еще шеперь въ Парижо-пура, Лондоно-пура и другихъ городахъ Индійскихъ, идетъ между кра-

споръчивыми людьми очень жаркій споръ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ право въ-знавъ своего ближняго, уличеннаго въ про-сшукъ и приговореннаго судомъ къ ис-пробленію. Всѣ человѣколюбцы согласны въ той истинѣ, что это жестоко, без-человѣчно, убивать подобное себѣ суще-ство, которое украдо и съѣло чужаго во-ла или чужую лошадь, — разумѣется, уби-вать его по одиначкѣ, ибо въ то же самое время тѣ же краснорѣчивые человѣколюб-цы, балопируя бюджетъ военнаго управле-нія, единодушно говорятъ, что убишь вдругъ тридцать или сорокъ тысячъ та-кихъ же существъ на полѣ брани есть дѣло прекрасное, превосходное, досто-хвальное. Я всегда любилъ человѣколюбіе, и хочу непременно спасти этого человѣка. Увидите, какую статью напишутъ въ Калькупскихъ Вѣдомостяхъ о моемъ бла-городномъ подвигѣ на пользу погибающаго человѣчества. Если мнѣ случится быть въ

эпомъ городъ къ тому времени, по я поспараюсь прочищать ее предварительно и, какъ это обыкновенно водится, немножко поправивъ слогъ, чѣмъ полнѣе опдашь себѣ справедливостъ: прибавлю еще нѣсколько мыслей о превосходствѣ и непоспжимости ума нашего.

Услышавъ рѣчь объ умѣ, живописныя захохотали такъ громко, что Факиръ приведенъ былъ въ смущеніе и осполбенѣлъ.

— Какъ? воскликнулъ онъ: вы не вѣрите, что у человека есть умъ? . . . Человекъ дѣлаешь луки, спрѣлы, ружья, часы, подзорныя трубы; считаешь звѣзды и печатаешь газетны. . . .

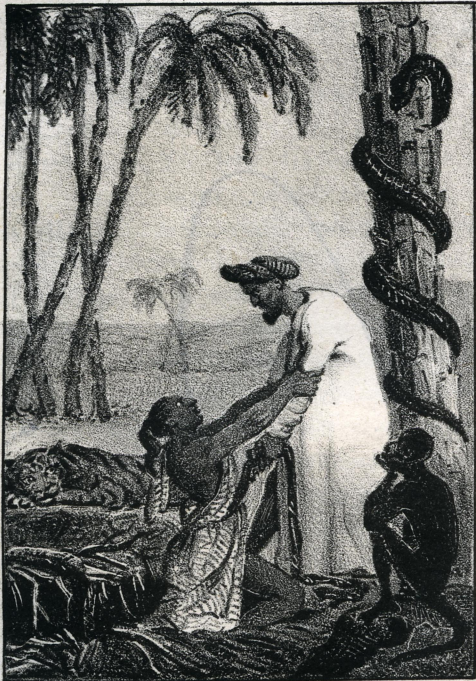
— Ха, ха, ха, ха! . . .

— Человекъ философствуетъ, по есть, разсуждаетъ о пакихъ вещахъ, коихъ ни кшо, и даже онъ самъ, не понимаетъ. . . .

— Ха, ха, ха, ха! . . .

— Сдѣлайте же вы по, что дѣлаешь человекъ! . . .

— Къ чему намъ счислять звѣзды, печатають газеты и углубляясь въ философскіе, по еспь, какъ ты говоришь, недоспунные для ума предметы, когда мы и безъ того находимъ для себя пищу? сказалъ удавь. То, что вы называете вашимъ умомъ, еспь не что иное, какъ хипрось: изысканная, ужасная, адская хипрось; высочайшая степень хипроси, при пособіи коей добываете вы себя пропитаніе. Всѣ ваши выдумки имѣють въ предметъ или то, чтобъ набить себя желудокъ живностью, которую похищаете вы наперерывъ одинъ у другаго, надувая себя взаимно новостью или искусностью вашихъ запѣй, или желаніе погубить другаго изъ зависти, вражды и предразсудка. Если обладаете вы хотя одною частицею той всеобъемлющей, предвѣчной, неизмѣнной мудроси, которая управляетъ природою, сохраняетъ и развиваетъ ее, то скажи намъ, — что хорошаго выдумали

F. Risp.

вы, или сдѣлали на пользу природы, ко- ей соспавляете важную и нераздѣльную часпъ? . . .

— Какъ, что мы сдѣлали? . . . вскричалъ Факирь: ну, а Г. Сеймонъ, копорый пред- спавилъ Англійскому Парламенту билль о помъ, чшобъ не бишь дубиною лошадей и прочихъ скоповъ? . . .

— Онъ шѣмъ хошѣлъ только обратишь на себя общее вниманіе, чшобъ воспользо- ваться имъ для своихъ выгодъ. . . .

— Вы эшо говорите изъ зависпи, опшѣ- чалъ Факирь. Не хочу васъ и слушапъ! . . . И, бросивъ свой поясъ золопыхъ дѣлъ ма- сперу, онъ выпацилъ егѣ изъ ямы.

Спасенный человекъ кинулся опъ радо- спи душевно обнимапъ своего спасителя: онъ цѣловалъ у него руки, цѣловалъ кон- чикъ бороды, цѣловалъ край плапья; онъ называлъ его своимъ благодѣтелемъ, кор- мильцемъ, опцемъ, сулпаномъ; онъ плакалъ

опѣ воспорга, палъ передъ нимъ на-колѣна и хопѣлъ поцѣловаць у него ногу.

— Экая обезьяна!!.. сказала про себя змѣя съ горькою насмѣшкою, при видѣ спранныхъ пѣлодвиженій людской благодарности..

— Вошь змѣя!!.. проворчалъ пигрѣ: было бы дозольно смѣху, если бѣ онѣ шеперь ужалилъ его.

— Эпо наспоящій пигрѣ!!.. воскликнула обезьяна, сидя на своемъ камнѣ: увидише, какъ онѣ его расперзаетъ и съѣстъ изъ благодарности, лишь пѣолько пошѣ опѣ него отворопишѣся.

— Безцѣнный другъ! молвилъ человекъ Факиру, съ чувствомъ пожимая ему руку: приходи въ городъ Удѣ, гдѣ я живу. Богъ надѣлалъ меня значительнымъ имѣниемъ: охотно подѣлюсь имъ съ побою, буду служить тебѣ, буду уважать, какъ своего родителя. Спроси только, гдѣ живешѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ *Мага-буба*:

всякъ укажешъ тебѣ мой домъ. Приходи; будешь у меня дорогимъ, вождельнымъ госпемъ.

Человѣкъ распался съ Факиромъ. Въ слѣдъ за симъ, прибѣжала къ нему обезьяна и сказала: — Добрый Факиръ, меня зовушь *Мага-дуда*; я живу въ пальмовой рощѣ, что у воротъ города Удъ. Ежели тебѣ случится завернуть въ нашу сторону, кликни только меня по имени: я поспѣю явиться, обнявъ тебя хвостомъ за шею.

— Мое имя, *Мага-кука*, примолвилъ удавъ. Я живу въ развалинахъ обводной стѣны того же города. Если сочтешь, что могу быть тебѣ полезнымъ, по зашипи на меня: я приду непременно.

— Моя же фамилія, *Мага-шкура*, сказала шигръ въ свою очередь: жипельсво имѣю въ горахъ, окружающихъ съ юга этотъ же городъ. Можешь смѣло полагаться на мою дружбу; но, изъ признашельности, совѣ-

шую себѣ, лучше не ходи въ ту спорную, пошому, что когда я голоденъ, по въ состоянїи съѣсть самаго чорта, особенно, ежели не узнаю, что онъ мой прїатель.

— Благодарю васъ, честныя живошныя, за ваше ко мнѣ расположеніе, опвѣчалъ Факирь. На будущій годъ надѣюсь побывать я въ Уда: можетъ бытъ, увидимся.

И всѣ опправились во-свояси.

По прошествїи двухъ или трехъ лѣтъ, упомянутый путешествовавшій, испощенный голодомъ, жаждою и зноемъ, добрый Факирь медленно шащился съ огромнымъ посохомъ въ рукѣ по дорогѣ, ведущей къ Лекновскимъ воровамъ города Уда, и не дошедъ до нихъ, присѣлъ ошдохнувшій на камнѣ. Богатый Индіецъ, изъ благороднаго поколѣнїя Браминовъ, окруженный полною слугъ, проѣзжалъ мимо его, жуя бешель и презирая всѣхъ людей, рожденных внѣ его касшы. Факирь пропянулъ къ нему

руку, прося подаянія. Индіецъ посмопръль на него горделиво, отворопился и поѣхалъ далѣе. Факиръ вздохнулъ и залился горькими слезами.

Вдругъ обезьяна прыгнула съ дерева прямо на плечо ему, и начала обнимашь его и лизашь. — Не узнаешь меня? . . . Я *Мага-дуда*, кошорой ты спасъ жизнь шрешьяго лѣша. Я примѣшила тебѣ, когда ты садился на эпошъ камень и просилъ куска хлѣба у одного изъ швоихъ жестокосердыхъ ближнихъ, и принесла тебѣ плодовъ.

Обезьяна бросила ему въ полу нѣсколько яблокъ, банановъ, финиковъ и кокосовый орѣхъ. Факиръ спалъ подкрѣпляшъ свои силы эпимъ лѣснымъ подаяніемъ, а обезьяна побѣжала извѣспишъ удава и пигра о прибышн общаго ихъ благодѣшеля.

Удавъ *Мага-кука*, обрадованный эпою новостью, вперся украдкою въ кладовую одного поселянина, вышацилъ опшуда сырѣ

и кувшинъ молока, и принесъ ихъ Факиру, усердно извинаясь передъ нимъ, что не можешь предсавить ему достойнѣйшаго подарка: онъ опъ всего сердца удавилъ бы для него одного изъ пасущихся на полъ барановъ, но зналъ, что Факиры не ѣдятъ скоромнаго, и не хотѣлъ выслуживаться напраснымъ убійствомъ. Факиръ чувствительно возблагодарилъ змѣю за ея доброе сердце.

Тигръ *Мага-шкура* желалъ также доказать чѣмъ нибудь свою признапельность; но шигры настоящая голь: у нихъ никогда не бываетъ запаса. Однакожь свѣплая мысль блеснула въ его головъ: вблизи былъ загородный дворецъ Лекновскаго Сумпана, и онъ съ вершины горы увидѣлъ прелестную дочь сего Индѣйскаго Князя, уединенно сидящую въ кіоскѣ и чипающую воспочные спихи о любви мопылька къ свѣчкѣ и соловья къ розѣ: онъ мигомъ перескочилъ чрезъ каменную спѣну, окружа-

ющую спроенія, ворвался въ садъ, задушилъ мечшательную Княжну спрашными своими лапами, сорвалъ съ нея богатыя ожерелья и запястья, украшенныя огромными алмазами, яхонтами и изумрудами, и принесъ ихъ своему спасителю въ обагреной кровію лапъ.

Возьми это и продай, сказалъ онъ ему. Люди за эти игрушки опдають все: свои жизненные припасы, свои дома и свою совѣсть. Будешь богатъ, и обойдешся безъ ихъ милоспи и подацій.

Нѣчего сказать: поиспнѣ, благодарностъ *à la tigre!*... но шигры иначе не умѣють оказывать благодарности. Люди большіе мастера на разныя тонкія вѣжливости, возвышающія цѣну эпого священнаго чувства: однако жъ многіе испорическіе мужи ихъ доказывали свою признательностъ преданіемъ мечу жителей цѣлыхъ городовъ и опустошеніемъ цѣлыхъ областей.

Факиръ былъ обрадованъ до крайности, чувствительнѣе благодарилъ своихъ живописныхъ пріятелей, и говорилъ про себя въ душѣ: — Какъ я счастливъ, что приобрѣлъ дружбу этихъ шварей! Если живописныя до такой степени не чужды пониманія о признавательности, сколько же долженъ одушевляться имъ человекъ, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ. Пойду прямо къ *Мага-бубѣ*, потому богатому золотыхъ дѣлъ мастеру, который клялся, что подѣлился со мною своимъ достояніемъ и будетъ почитать меня наравнѣ съ отцомъ своимъ.

Входя въ городъ, Факиръ нашелъ все народонаселеніе его въ спрашномъ замѣшательствѣ и тревогѣ. Глашатаи, съ барабаннымъ боемъ и при звукахъ трубъ, извѣщали всѣхъ жителей, что въ саду загороднаго дворца совершилось ужасное злодѣяніе: разбойники проникнули въ него, умертвили Стыдливѣйшую Султаншу, си-

дѣвщую уединенно въ кіоскъ, похипили всѣ бывшія на ней драгоцѣнності, и скрылись; и Благополучнѣйшій Султанъ Лекнова и Государь разныхъ иныхъ земель по сю и по ту сторону Гангеса, средопочіе вселенной и убѣжище міра, жалуесть награду въ десять тысячъ червонцевъ тому, кто поймаетъ или откроесть злоумышленниковъ. Факирь, ничего не догадываясь, ни на что не обращая вниманія, направилъ шаги свои къ дому *Мага-бубы*, который принялъ его радушно, обнялъ, поцѣловалъ, посадилъ на почешномъ мѣстѣ, и спросилъ, чѣмъ можешъ онъ быть ему пріятнымъ или полезнымъ.

Любезный другъ, сказалъ Факирь: ты общалъ мнѣ подѣлнпхся со мною швоимъ имѣніемъ.

— Да!... прервалъ золотыхъ дѣлъ масперъ съ замѣшнымъ смущеніемъ: я общалъ... Это правда... Но это... знаете, любезный другъ..., такъ только говоривш-

ся..., особенно, когда человекъ распро-
ганъ:... Съ другой стороны, и обстоя-
тельства мои перемѣнились.... Теперь
спудное время....

— Не въ помѣ дѣло, отвѣчалъ Факиръ:
я не хочу своего имѣнія, а только прошу
сдѣлать дружеское одолженіе. Въспь дорогіе
вещи, цѣны коихъ я не знаю. Скажи, че-
го онѣ споятъ, и постарайся продать
ихъ выгодно для меня.

При сихъ словахъ Факиръ вынулъ изъ
кармана ожерелья и запястья, подаренныя
ему шигромъ. *Мага-буба* узналъ ихъ съ
перваго взгляда, попому, что самъ ихъ дѣ-
лалъ для дочери Сулпана; но онѣ ни сколь-
ко не далъ замѣнить того своему спаси-
телю. Напрошивъ, онѣ сказалъ ему: — Лю-
безный другъ, можешь смѣло полагаться на
мою честность и преданность. Я продамъ
ихъ, какъ мои собственныя. Ты мой бла-
годѣтель; я тебѣ обязанъ жизнью. По-
зволь только удалиться съ ними на короп-

кое время: пойду къ сосѣду взвѣсипь эпи камни и посовѣтовахья съ нимъ о цѣнѣ ихъ.

Факирь охотно согласился на его предложеніе. Золопыхъ дѣль масперъ взялъ дорогія вещи, вышелъ съ ними на улицу, и побѣжалъ прямо во дворець, прося доложить Сулпану, что онъ поймалъ убійцу Спыдливѣйшей Государыни, его дочери, въ доказательство чего и представляеть похищенныя у нея драгоценности.

Сулпанъ, чрезъ главнаго своего евнуха, велѣлъ поблагодарить его за усердіе и вручить ему опредѣленную награду.

Но золопыхъ дѣль масперъ опвѣчалъ, что онъ не хочеть денегъ: онъ дѣлаеть это изъ чести; при поимкѣ разбойника, онъ подвергалъ опасности собственную жизнь, и теперь желалъ бы получить гораздо почешнѣйшую награду. Онъ ходатайствовалъ и ползалъ, чпобъ Сулпанъ въ знакъ опличія, пожаловалъ ему свой спа-

рый башмакъ, съ правомъ носить его на спинѣ, на золопой цѣпи.

Султанъ пожаловалъ его кавалеромъ спараго башмака. Надобно знать, что въ Индїи это столь же важно, какъ у насъ орденъ золопой шпоры.

На другой день, добрый Факиръ лежалъ обезглавленный на кучѣ навоза, а золопыхъ дѣлъ масперъ гордо расхаживалъ по городу, съ орденомъ спараго башмака на спинѣ.

Обезьяна, змѣя и шигръ, узнавъ о несчастной кончинѣ своего спасителя, заплакали и сказали: — Теперь онъ узналъ, что шакое люди! . . .

Сенковскій.

НОЧЬ.

Склонясь въ пучину спящихъ водъ,
Потухнулъ ясный день,
И на сафирный неба сводъ
Легла ночная тьма.

Возженны въ лонѣ темноты,
Какъ очи Божества,
Взирають звѣзды съ высоты
На бездну естества.

И миръ и тишина вокругъ,
Какъ будто въ мглѣ ночной
Провѣялъ тихій Ангелъ вдругъ
Невидимой стезей.

И вотъ за нимъ , сквозь облаковъ ,
На землю съ вышины
Віется сонмъ ночныхъ духовъ
Въ мерцаніи луны.

Вотъ низпустились , и летять
Вдоль нивы золотой ,
И злаки томные поять
Живительной росой.

И я гляжу : и сладко мнѣ ,
Питаюсь думой той ,
Что тамъ , въ надзвѣздной сторонѣ ,
Есть Промыслъ надъ землей ;

Что въ свѣтъ дня , во мгль почей ,
Хранимы Имъ вовѣкъ :
И дольный прахъ , и злакъ полей ,
И червь , и человекъ !

М. Деларю

ПѢСНЬ БРАЧНАЯ.

ПСАЛОМЪ 44.

Благое слово излется
Изъ усть и сердца у меня:
Мое творенье — для Царя
И въ родъ и роды передается!
Трость скорописца быстротой
Съ моимъ языкомъ не сравнится!
Такъ духъ и сердце веселится!
Такъ радость сильно движеть мной!

О ты, отличный красотою
Межъ человѣческихъ сыновъ!
Изъ благодатныхъ усть рѣкою
Ллющій милость и любовь!
Дарами всеми надѣленный;
Ты будешь славой всѣхъ племенъ —
За тѣмъ, что Вышнимъ отличенный,
Ты Имъ навѣкъ благословенъ!

Возстани, Сильный! Предъ землею
Яви Себя ея Царемъ :
Одѣнься честью и красою
И препояшь бедро мечемъ!
Спыши! Возсядь на колесницу!
И въ семь убранствѣ красоты
Прими бразды въ свою десницу
Для истины и правоты!

Остры Твои, о Сильный, стрѣлы!
Пронзять онѣ враговъ сердца!
Падуть народы! — Ты же смѣлый,
Явишь десницы чудеса!
Престоль твой — твердѣ непоколебимо!
Твой скиптръ — во вѣкъ несокрушимъ!
Тебя Твой Богъ, всѣхъ прейдя мимо,
Избралъ помазаннымъ Своимъ!

Все, что Тебя ни окружаетъ,
Сялетъ Царскою красой!
Отъ ризъ Твоихъ благоухаетъ
Кассія, смирна и алой!
Чертогъ Твой — изъ Минційской кости,
И дщери Царскія вокругъ

На дорогомъ стоять помость
Тебѣ готовы для услугъ!

Въ Офирскомъ змать одесную
Тебѣ Царица предстоитъ!
« Забудь, о дщерь, страну родную!
Будь отчій домъ тобой забытъ!
Приди, склонись предъ Нимъ главою!
Возлюбить Царь красу твою,
И вознесетъ предъ всей землею
Любовь избранную Свою!

« Тогда роскошная дщерь Гири
Придетъ съ дарами предъ тебѣ,
И въ даръ тебѣ народы міра
Обложатъ данію ссѣя!
Всѣ вознесутъ тебѣ хвалою!
Всѣ воззовутъ тебѣ въ мольбѣ!
И кто сравняется съ тобою!
Кто уподобится тебѣ!

И се! въ одеждѣ испещренной,
Чистѣйшимъ златомъ убрана,
Внутри — добротою смиренной
Стократъ украшена, она

Въ чертоги вводится Царевы,
Съ весельемъ, пѣньемъ, торжествомъ!
За ней, ликуя, входятъ дѣвы,
Ея подругъ веселый сонмъ!

Вступаютъ, съ громкимъ ликованьемъ,
Въ отверзтый имъ любви чертогъ,
Гдѣ Царь, блаженный ожиданьемъ,
Сіяетъ славою, какъ Богъ!
Хвала отсюду возгласилась:
Дни прореченные — пришли!
И тайна вѣчная — открылась:
Блаженство Неба на земли!

О Царь! сколь Ты надъ праотцами
Возвышенъ славой дѣлъ Твоихъ!
Ты надо всей земли Князьями
Постановишь сыновъ Своихъ!
Всѣ ублажать Тебя народы,
И пронесется пѣснь мол
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ роды,
Какъ отзывъ славы Твоея!

М. Дмитриевъ.

МОЙ МІРЪ.

Души моей причудливой мечтой
 Себѣ я создалъ міръ чудесной,
И въ немъ живу, дыша его красой
 И роскошью его небесной.

Я въ міръ томъ, далеко отъ людей,
 Отъ ихъ суетъ и заблуждений,
Обрѣлъ покой и счастье юныхъ дней,
 Обрѣлъ тебя, творящій геній!

Ты красотой, какъ солнцемъ, озарилъ
 Мое созданіе, зиждитель!
Ты ликами безплотныхъ, тайныхъ силъ
 Поэта населилъ обитель . . .

Я вижу ихъ : они передо мной
На крыльяхъ огненныхъ несутся ;
Съ ихъ дивныхъ струнь, съ ихъ свѣтлыхъ усть рѣкой
Божественные звуки льются.

И звуки тѣ . . . все, что любовь таятъ
Въ себѣ высокаго, святаго,
Чѣмъ смѣлый умъ такъ радостно парить
Надъ браннымъ бытіемъ земнаго,

Все скрыто въ нихъ . . . и тайна райскихъ сновъ ,
И сладость пламенной надежды . . .
При нихъ душа чужда земныхъ оковъ,
Чужда земной своей одежды.

Такъ, свѣтлый міръ ! въ гармоніи твоей,
Въ твоей любви я исчезаю ,
И , удаленъ отъ суеты людей ,
Земную жизнь позабываю !

Такъ сладкими напѣвами плѣнёнъ
Въ дорогѣ путникъ одинокій ,
Внимая имъ , стоитъ , забывъ и сонъ ,
И поздній часъ и путь далекій.

М. Деларю.

ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещеть грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на земли небесный явентъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово.

Иди ты въ міръ. Да слышитъ онъ пророка!
Но въ міръ будь величественъ и святъ:
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ;
Привѣтно ли взойдетъ тебѣ денница,
Ужасенъ ли судьбины произволь —
Невинель будь, какъ голубица,
Смѣль и отваженъ, какъ орель.

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудеть муки,
И Царь Саулъ заслушается ихъ ;
И жизнью торжественно — высокой
Ты процвѣтешь, — и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело, —
И зорко пламенное око.

Но если ты похвалъ и наслаждений
Исполнишь желаніемъ земнымъ,
Не собирай богатыхъ приношений
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ :
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечуть ихъ, — и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ.

Н. Языковъ.

ТРИ МОЛНИИ.

Три молніи громодержавный Царь,
Отець боговъ, на казнь въ десницѣ держить :
Онъ первую остерегаетъ тварь
И самъ ее по грозной волѣ вержетъ :

Она легко слетаетъ съ облаковъ.
Вторая жжетъ и злой бѣдою блещетъ,
И лишь совѣтъ двѣнадцати боговъ
Созвавши, онъ ее на землю мечетъ.

Но третьею караетъ, раздражень —
И что сожжетъ, то къ жизни не возводитъ :
Когда жъ ее замыслить вергнуть онъ, —
Самъ въ облако таинственно уходитъ ;

Зоветь къ себѣ избраннѣйшихъ боговъ ;
Спокойно гнѣвъ ихъ мудрости ввѣряетъ,
И такъ рѣшивъ, изъ темныхъ облаковъ
На мѣръ ея рушительно бросаетъ.

С. Шевыревъ.

БОЛОНСКАЯ ШКОЛА.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ по Италіи.)

Ноября 12/24, Четвертокъ. Болонья.

Утромъ мы пошли въ галерею, копію я люблю приспираспно, потому что пахожу въ ней сходство съ пѣмъ, что со временемъ должна наша Россія предспавить Европѣ. Болонская школа послѣдовала за всѣми другими и въ себѣ одной сочешала раздѣльные достоинспа своихъ предшеспвенницъ. Она соединила геній и прудъ; она, робѣя, взялась за кисть, покинушую Микель Анжеломъ, Тиціаномъ и Рафаэлемъ, ученіемъ укрѣпила руку дро-

жавшую, и сознашельнымъ шрудомъ добыла себѣ по, что избранники неба прямо съ него похищали. Сія школа соединяетъ колоритъ Венеціанской школы, рисунокъ Флорентинской, и имѣетъ свою силу выраженія, копорымъ превзошла всѣ прочія. Она шакою по себѣ оставила славу, что будшо бы все искусство шрудилось для нея и въ ней сосредоточило всѣ свои силы, богато и всѣми частями развитыя. Это школа мудраго выбора, шруда, ученія, школа глубокая, образецъ для всякой молодой кисти и примѣръ ободрительный для всякаго позднѣйшаго образованія, слѣдовательно и для Рускаго. Ея первоначальники — братья Караччи, и изъ нихъ преимущественно Людовикъ. Ея предшавишель, ея цвѣтъ — Доменикино, въ кисть влагавшій мощную, глубокую думу, геній вниманія и шерпѣнія, первый геній по опредѣленію Бюффонову, ставшій достойно на ряду съ Рафаэлемъ. Преображеніе послѣдняго и Причащеніе Св. Іеронима До-

меникино, въ вѣчныхъ мозаикахъ, не даромъ занимающъ симметрично первыя мѣста въ храмъ Св. Петра, первое по правую сторону главнаго алтаря, второе по лѣвую.

Сія же Болонская школа произвела глубокаго чувствомъ, идеальнаго Гвидо, выразительнаго Гверчино, шворца Ессе homo; она произвела и чисныхъ подражателей: Иннокенція изъ Имолы.

Первая зала предспавляетъ образа Византійскіе и шруды учениковъ Византійской школы. Опъ нихъ опдѣляюшя произведенія Джіоппо, брапьевъ Виварини изъ Мурано, оспрова Венеціи (цѣлый иконоспасъ, изображающій Богородицу со Святыми), Томазо Джіоппино, ученика Джіоппова, Андрея ди Орканья (Рай и Адъ по идеямъ Данта) и многихъ неизвѣстныхъ. Поучишельно и опрадно видѣшь эптъ пеленки рождающейя кисти передъ входомъ въ шу галлерейю, кошорая предспавляетъ

высшій цвѣтъ всей живописи — Болонскую школу въ ея образцахъ. Все это размѣщено хронологически. Замѣчательны весьма эти складные алтари, или мѣстные образа, надъ коими шрудились не одни живописцы, а и маспера золопыхъ дѣлъ. Они совершенно напоминаютъ по время, когда живопись стояла на ряду съ ремеслами; когда живописцамъ заказывали расписывать сундуки для приданого, сѣдла, разныя орудія военныя; когда живописцы находились въ обществѣ съ столярами, сѣдельниками, шпукашурами, слѣсарями, золопильщиками и прочими ремесленниками; ибо не лья было написать алтаря безъ содѣйствія столяра, копорый дѣлалъ дерево, золопильщика, ибо образа нуждались въ золопѣ, на пр. для ризъ свяпыхъ, для золопыхъ сїяній и проч. Имена живописцевъ выспавлялись на сихъ произведенїяхъ вмѣстѣ съ именами прочихъ ремесленниковъ. Спиль сухой, рѣзкой, характеризуетъ сїю

первоначальную живопись. Первые образа Византійскіе совершенно наши. Въ лицахъ у Джіошпо естъ уже выраженіе; оно про-
спо, но уже видно въ немъ, что кисть
начала покоряться внушрненнымъ думамъ ху-
дожника. Были усилія и до Джіошпо; бы-
ли многіе Пизанцы, кои первые, приглядѣв-
шись къ памятникамъ древности, осмѣ-
лились опспать опть спия Византійскаго;
былъ Чимабуэ; но рѣшительнѣе всѣхъ вы-
свободилъ живопись изъ подъ оковъ Визан-
тійскихъ Джіошпо, современникъ Данпа.

Въ переходномъ корридорѣ естъ замѣча-
пельныя карпины Франческо и Джіакомо
Франчіа, опца и сына, изображающія по
большей часпи Богородицу съ Исусомъ
младенцемъ и Святыми; это шакъ назы-
ваемыя *quadri di devozione* (карпины по
набожному заказу или лучше по обѣщанію).
Онѣ чужды драматической композиціи. Ими
особенно изобиловали первыя школы; Фран-
ческо Франчіа и Перуджино въ семь родѣ

соревновали. Лица ихъ мадоннъ, божественныхъ младенцевъ и ангеловъ, всегда рѣзко кругленькія, бѣлорозовыя, съ выраженіемъ проспаго смиренія, съ пошупленными глазами, особенно у Перуджино. Таковы и первые опыты Рафаэля. Вездѣ видна кисть прудолубивая, медленная, довольная малымъ.

Въ маленькой комнашкѣ, пропивъ Мадонны Франческо Франчіа, еспь Магдалина, вся закрытая шерспью и плащемъ; изъ подъ клочковъ эпой шерспи видны двѣ нагія дѣшскія ножки; руки, шакже обнаженныя, сложены креспомъ; волосы спущены по плечамъ, но не слишкомъ небрежно; лице умиленно-невинное, безъ всякой спрасенія, дѣшское: эпу каршину приписываютъ жешцигъ — Елизавешъ Сирани. Должно бытъ правда: я прибавлю, что она вѣрно писана молодою дѣвушкою. Только невинность могла шакимъ невиннымъ ребенкомъ изобразить Магдалину. Такова Магдалина въ воображеніи чиспомъ, непро-

нупомъ. Не шакова она у Тиціана, вся заплаканная, съ размешанными волосами, съ обнаженною грудью, сладоспраспїе раскаянія, Венеціанка. Въ нашей же карпинѣ, при мысли о кисти, ее писавшей, есть что-то привлекашелоное и поэшическое.— Рядомъ порпрешъ Папы Климентя XIII, писанный Рафаэлемъ Менгсомъ, мнѣ не нравился, хощя имѣшъ выраженіе памяшное: колорипъ безжизненный, синевапшый.

Въ другой большой залѣ *блаженный Епископъ Андрей Корсини* въ перчашкѣ, Гвидо Рени: спарець, въ мишрѣ и облаченіи Епископа, споишъ и въ молишвѣ подъемлешъ очи къ небу: въ лицѣ его небешное выраженіе! — Тушъ же *Себастьянъ* въ большомъ видѣ, любимая мысль Гвидо Рени; нагой, прекрасный, кудрявый юноша, привязанный къ дереву, со спрѣлами въ бѣлоснѣжномъ шѣлѣ, успремившій глаза къ небу, ни сколько не обезображенный мученіемъ; Гвидо Рени любипъ повпоряшъ его. Луч-

шій находился въ Кипайской галлерей.— *Портретъ самаго Гвидо*, сдѣланный ученикомъ его *Симеономъ изъ Пезаро*: спарикъ съдой; лице все изрытое морщинами, особливо чело; глаза огненные, Гёпевскіе, покраснѣвшіе опъ напряженія. — *Людовика Караччи рожденіе Св. Юанна Предтечи* въ Венеціанскомъ спилъ и преимущественно въ спилъ Тинпорешпо. Много картинъ Людовика въ этой галлерей; по никакъ нельзя сказать, чшобы хопя двѣ изъ нихъ принадлежали одному масперу: всѣ въ разныхъ спиляхъ, одна въ Тиціановскомъ, другая въ Корреджіевомъ. Извѣстно, чшо Людовикъ Караччи бросался во всѣ киспи до шѣхъ поръ, пока ушвердилъ онъ въ своей школѣ спилъ избранный, коимъ особенно опличаюпся ученики его Гвидо, Гверчино и Доменикано. Лучшая изо всѣхъ его картинъ въ этой галлерей еспъ *призваніе Апостола Матѳея Спасителемъ* въ слѣдующей залѣ. Она въ Тиціановомъ спилъ,

особенно голова Спасителя; рука призывающая превосходна и врѣзывается въ память своимъ положеніемъ величавымъ. Высокой стилъ сей карпины губитъ картину Караваджіо на попѣ же предметъ, копорая находится въ Римѣ, въ церкви San Luigi dei Francesi. Это уже зародышъ *tableau de genre*. Идеальность живописи потеряна. Извѣстно, что Караваджіо принадлежалъ къ школѣ натуралистовъ, современной эклектикамъ Караччіямъ. Сія школа копировала природу, но чуждалась изученія эклектическаго и низвела искусство на степень неидеальнаго подражанія природѣ.

Зала, гдѣ находится сія картина Людовика Караччи, содержитъ въ себѣ всѣ лучшіе образцы Болонской школы. Теряешься въ эпосѣ богатствъ: здѣсь три образцовыхъ произведенія Доменикино; здѣсь четыре шаковыхъ же Гвидо; здѣсь, у Болонцевъ, господитъ Цецилія Рафаэля, и кажешься не съ шѣмъ, чтобы своимъ присушествіемъ

емъ убить все прочее, а напротивъ всему возвысить цѣну и очевидностью доказать, что и совмѣстность божественнаго любимаго Ипполита живописной не спрашна для Болонской школы.

Замѣчательна весьма картина Людовика Караччи: *Преображеніе*. Она представляетъ только верхъ картины Рафаэлевой: Спаситель; Ему присѣдаятъ Илія и Моисей; внизу при Апостола укрываются оныя свѣта. Размѣръ колоссальный, Микель-Анжелевъ. Караччи, какъ будто неудовлетворенный произведеніемъ Рафаэля, гордо и смѣло пошелъ на ту же мысль; но мнѣ не нравится положеніе Спасителя, который обратился къ одному изъ Пророковъ и поднялъ къ нему персть, какъ будто хваляся чудомъ (*). Можно ли сравнить равновѣсное

(*) Не хотѣлъ ли Людовикъ Караччи этимъ положеніемъ указать на голосъ, раздавшійся съ неба во время Преображенія: «се есть Сынъ мой возлюбленный» ? —

и спокойное положеніе Христа у Рафаэля? Онъ, безъ усилія, безъ земнаго порыва, нашель центръ тяжести на воздухъ и повисъ на рукахъ, въздышыхъ къ небу, успрямивъ шуда же и взоры. Въ пророкахъ, привипающихъ ихъ великому Совершителю, напрошивъ замѣтно это усиліе. Моисей сѣдящій, въ каршинѣ Людовика, прекрасенъ, но она вообще предспавляетъ болѣе бесѣду, а не великое прообразование Воскресенія, что выразилъ у себя Рафаэль. Сія картина однако естъ славный подвигъ въ жизни Людовика: онъ дерзнулъ выдти на Рафаэля; онъ сознавалъ въ себѣ мощь самобышнюю, — Замѣчательны шакже въ эпой залъ картины *Иннокентія изъ Имолы* (Innocenzo d'Imola), копорый покорно подражалъ Рафаэлю и ограничилъ шѣмъ все свое поприще: его *Михаилъ Архангелъ* прекрасенъ и напоминаетъ, говорятъ Рафаэлева, что въ Парижѣ. Тутъ же естъ Перуджинова Мадонна съ Инсусомъ младен-

цемъ, сѣдящая на пронѣ; Святые по бокамъ ея и между ими Архангелъ Рафаиль. Сей Архангелъ часто встрѣчается въ подобныхъ картинахъ Перуджино и лицомъ своимъ напоминаетъ молодаго Рафаэля, ученика Перуджинова, извѣстнаго своею красою: всегда пошъ же скромный юноша, съ поникшими глазами, съ власами распущенными по плечамъ, въ лорикѣ Римской, какъ Архиспрапигъ, съ обувью щегольскойю, богатою драгоценными камнями. Видно, что училель такъ наряжалъ своего ученика и съ живаго Рафаэля писалъ его напрона, Архангела. Эпо шипъ памятный.

Пригащеніе Св. Геронима, Августина Карраги замѣчательно особенно шѣмъ, что Доменикино въ своемъ образцовомъ произведеніи только возсоздалъ картину Августина, взявши главный сюжетъ, какъ онъ есть, но обративъ его, ш. е. правое сдѣлавъ лѣвымъ, а лѣвое правымъ, вложивъ свое выраженіе во всѣ лица и измѣнивъ положенія

второстепенныхъ. Лицо Иеронима въ картинѣ Караччи не имѣетъ того высокаго выраженія; носъ слишкомъ горбоватъ; священникъ, подающій причастіе, вовсе не вдохновенъ. Картина Доминикино не есть копія, а преображеніе Августиновой. Только главный планъ оной заимствованъ.

Страннымъ съ перваго раза покажется, что Доминикино не разъ это дѣлалъ. *Музей Св. Петра Инквизитора*, украшающее сію же залу, заимствовано имъ также у Тиціана: подлинникъ находится въ Венеціи, въ церкви San Giovanni e Paolo. Замѣчательно, что и здѣсь онъ переворочилъ картину, т. е. правую сторону сдѣлалъ лѣвою, а лѣвую правою. Монахъ Доминиканецъ, поверженный на землю, подъ кинжаломъ замахнувшася разбойника, попырился; другой бѣжитъ въ испугъ. Гдѣ видалъ это Доминикино? Какая сила выраженія! Кшо глубже его вдумывался въ природу человѣческую и кшо такъ разно-

образно уловлялъ живописныя минуны спра-
стей? (*) Такія заимспвованія для иныхъ
объяснились бы опсупспвиемъ самобыпно-
спи генія, а для меня обнаруживающъ въ
Доменикино глубину думы и ученія, коими
полюко могъ онъ достигнуть шакой силы
въ выраженіи. Заимспвованія несознанныя
обличающъ почно опсупспвие самобыпно-
спи; но взявъ планъ у другаго, явно со-
знавша въ эпомъ, и превзойши его въ силѣ
выраженія ещъ подвигъ какой-то высокой
скромности и вмѣспъ высокаго сознания
въ себѣ мощи, ещъ подвигъ, возможный
исключительно для одного Доменикино и
объясняющійся совершенно изъ его жизни,
наспавипельной для каждаго художника.

(*) Біографъ его, Беллори, говоритъ именно, что
Доменикино старался всегда наблюдать въ людяхъ
минутное движеніе страсти и врѣзать его въ своей
живописной памяти. Отъ сего-то онъ много думалъ
самъ съ собою, и до работы гулялъ долго въ наруж-
номъ бездѣйствіи.

Въ сей же замѣ находится его знаменитая картина: *смерть Агнесы*. Агнеса на косперѣ преклонила колѣна; палачъ вонзилъ ей ножъ въ горло; она, въ смертной блѣдности, подняла взоры къ небу; внизу повержены два мучителя, подлагавшіе огонь подъ косперъ; ужасная смерть одного изъ нихъ составляетъ превосходный контрастъ съ кончиною вдохновенной мученицы. На право отъ зрителя при женщины: одна, на колѣнахъ, съ изумленіемъ и грустію отсупаетъ; ребенокъ плянется къ ней; спаруха со слезами смотритъ на Агнесу; молодая обращается къ спарухѣ въ недоумѣніи. На лѣво отъ зрителя пиранъ, повелѣвающій мученіе. Наверху Св. Троица съ концерпомъ Ангеловъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ; одному изъ нихъ, Ангелу - хранителю женщины, подмешѣвшему къ престолу Божию, Хриспось подаетъ вѣнецъ и лилію.

Напрошивъ Агнесы *Мадонна, дающая розарій или четки* Madonna del rosario). Есть преданіе, что Богородица дала четки или цѣпь розовую для молитвы Св. Доминику. Художники часто избирали предметом своей кисти это граціозное преданіе. Мадонна наверху, вся въ Ангелахъ, подаетъ розарій колѣнопреклоненному Доминику. Ангель надъ нею — чудо красоты, волосы узломъ на челѣ; по обѣ стороны многіе Ангелы несутъ орудія спрасстей Христовыхъ; одинъ споймъ у креста и плачеть — неподражаемый! Ангель изъ вазы сыплеть розы на землю; внизу многіе недужные и несчастные пріемлютъ облегченіе ошъ благъ Владычицы; малюпки играютъ розами; внизу также Папа, Св. Іеронимъ и самъ Доменикино, изобразившій себя въ порпребъ.

Св. Цецилія Рафаэля: эта картина была причиною смерти Франческо Франчіа, какъ говорится въ біографической льпописи Вазари. Цецилія опустила органъ, изъ

кого выпало нѣсколько прубокъ, и слушаешь небесную музыку, вся устремившись въ небо. Вокругъ нея по сторонамъ Святые: оспася на всегда въ памяти фигура Апостола Павла, задумчиво склонившаго голову на руку. Эта вдохновенная гостья Римской школы, какъ я сказалъ, своимъ свѣплымъ присуствіемъ озаряетъ славу Болонскихъ художниковъ.

Но обратимся къ чудесамъ Гвидо Рени. *Самсонъ* споитъ съ водопочивою челюстью надъ прупами Филистиянъ и уполяетъ жажду каплями, изъ нея текущими: — сильно, вдохновенно! — *Убіеніе младенцевъ при Иродѣ*: одна и та же мать въ пяти разныхъ положеніяхъ: одну, бѣгущую оспанавливающую за косы; она кричитъ и жметъ къ грудямъ младенца; другая, надъ убитыми, сложа въ опчаяніи руки, упрекаетъ небо: бездна выраженія.

Но *Pietà* Гвидо Рени превращаетъ сію галерею въ храмъ: благоговѣешь и молишь-

ся. Чудное дѣйствіе производитъ сія картина при входѣ въ залу. Она является прямо пропивъ васъ и освѣщена съ потолока. Иногда лучъ солнца падаетъ прямо на ликъ Дѣвы или Сына или Ангела. Занавѣсъ въ дверяхъ, раздвоенный, прежде нежели входите въ залу, своими полами по споронамъ закрываетъ прочія картины, и ваше вниманіе въ ней одной сосредоточивается. Надъ распроспертымъ пѣломъ Сына, Коего одна рука спущена на землю, а длань другой видна на сердцѣ, спойтъ въ высокой рѣшимости, склонивши сложенные длани къ Божественному пѣлу и подъявши взоры горести и преданности къ небу, Мать-Дѣва и, кажется, говоритъ: « Совершилось ! Ты взялъ Его ! » У плащаницы, съ обѣихъ споронъ, по крылашному Ангелу ; одинъ подгорюнился, склоня ланипу на длань одной руки, коей локопъ опирается на другую ; проптивоспоющій сложилъ крестообразно руки : въ сихъ двухъ Ангелахъ, кажется, лице-

пворены Скорбь и Благоговѣніе. Смопря на Дѣву и Сына, невольнo подгорюнишья сначала, какъ лѣвый Ангелъ, попомъ сложишь креспомъ руки, какъ правый, и наконецъ преклонишь колѣна, какъ чешыре свяпые покровишеля Болоньи, внизу у города споящіе на колѣнахъ передъ небеснымъ зрѣлищемъ, — преклонишь колѣна и ушонувъ въ безднѣ мыслей, забудешь все, кромѣ горняго видѣнія.

Вопъ поржеспво Болонской киспи! вопъ цвѣшъ всей живописи! Кажешя, вся она жима для шого, чшобы создашь сей великой образъ, сей символъ преображеннаго чловѣчеспва, сію апоѳеозу чувспва мапери, сію чиспую жершву закланія, сію живописную группу, олицеспворяющую при высшія чувспва чловѣчеспкія въ високую минушу *смерти*: *Скорбь*, *Благоговѣніе* и *Преданность*.

Да; я забылъ все при видѣ эпой каршины; забылъ и геспью Римскую; забылъ

и *Мадонну-Дѣву* Рафаэля, это небесное спокойное видѣніе, эпопѣя цвѣтъ созерцація божественнаго; — при видѣ *Мадонны-Матери* я забылъ и Доменикино, копорого никогда не забывалъ при размашприваніи картинъ Гвидовыхъ.

Не люблю я вообще сравнивать ни живописцевъ, ни Поэтовъ, въ намѣреніи одного унижать передъ другимъ, или точнѣе поспорить ихъ между собою. Такое желаніе несовмѣстно съ должнымъ наблюденіемъ искусствъ изящныхъ. Здѣсь нѣтъ лѣстницы, нѣтъ шабели о рангахъ. Всякому своя особенная ниша, свой вѣнецъ: вопъ дѣло истинной крипки изящнаго. И пакъ не съ шѣмъ поспавлю я шеперь рядомъ Гвидо и Доменикино, чшобы разыграшь между ними смершній или по крайней мѣрѣ кровавый поединокъ, а съ шѣмъ, чшобы одного объяснишь другимъ.

Гвидо и Доменикино сущъ оба предшавшпели Болонской школы. Первый естъ

живописатель чувства общаго; въпорый — изобразитель спраспи или чувства, перешедшаго въ дѣйствіе. Гвидо посему идеалистъ; Доменикино — практикъ. Гвидо — Лирикъ; Доменикино — Драмастикъ; первый опноспся ко въпорому, какъ пворецъ Иоанны д'Аркъ къ пворцу Вильгельма Теля. Замѣчательно, что Гвидо не написалъ ни одного портрета; Доменикино писалъ портреты опличыне; его Кардиналъ въ Трибунѣ Флорентинской, Карлъ Боромей въ галереѣ Феза спанупъ въ рядѣ съ Юліемъ II, Леономъ X и косымъ Кардиналомъ Рафаэля. Опъ же завѣщалъ попомспву портреты себя и друзей своихъ Гвидо и Гверчино въ извѣспномъ фрескѣ, изображающемъ встрѣчу Св. Нила съ Императоромъ Оппономъ. Лица Доменикиновы всегда индивидуальны и имѣютъ опношеніе взаимное, спихію драматическую; выраженіе лицъ Гвидовыхъ всегда идеально, опвлеченно и болѣе заключено въ себя; нѣтъ въ нихъ разговора,

нѣтъ сцѣны, а естъ глубина *своего* чувствва. Амуры и Ангелы Доменикиновы сущь преобразенные малюпки Рима; Гвидовы эфирны, невещественны, задуманы на облакахъ.

Переберемъ всѣ мысли произведеній Доменикиновыхъ: Мученіе Св. Себастіана, первая его картина въ большемъ родѣ; Испорія всѣхъ подвиговъ Св. Нила, какъ-то: его молитва, спроеііе монастыря и чудо, имъ совершенное при паденіи колонны; умиленная встрѣча Св. Нила съ Императоромъ Оппономъ; изцѣленіе бѣснующаго; Испорія Св. Іеронима; смерть Св. Цециліи; раздача ея одеждъ; ловля Діаны; поршпы; Евангелисты; смерть Агнесы; *Madonna del Rosario*; мученіе Св. Пепра Инквизишора и наконецъ Причащеніе Св. Іеронима.—Вопъ произведенія Гвидо: Вакхъ и Аріадна, одно изъ первыхъ; Себастіанъ—одна фигура—привязанный къ дереву; Клеопатра въ отчаяніи; Иродіада съ головою Іоанна Крестшителя на блюдѣ; Даная съ

Амурами; Ганимедъ, похищенный орломъ; Аврора предъ колесницей солнца, окруженной панцующими Орами; Голгоѳа; Распятие Св. Петра Апостола; Архангелъ, побѣждающій дьявола; Епископъ Андрей Корсини; Вознесение Св. Дѣвы въ подражаніе Тиціанову; Іоаннъ Предпеча и Св. Іеронимъ; Самсонъ вдохновенный; Избиение младенцевъ и наконецъ Св. Дѣва надъ грѣломъ Сына.

Въ предъидущихъ предметахъ вы видите преобладаніе стихій драматическихъ. Вездѣ завязано дѣйствіе и дѣйствіе сильное. Въ послѣдующихъ, напротивъ, гнѣтъ поприща для обширной композиціи, а выражается мысль или чувство уединенное, заключенное въ себѣ, лирическое. Такъ, на примѣръ, опечаленіе въ лицѣ Клеопатры, вдохновеніе молитвы въ Епископѣ, вдохновеніе спораданія въ Себастьянѣ, поржество побѣды въ Самсонѣ и Архангелѣ. Особенно замѣчательно это направленіе

къ мысли въ послѣднихъ неконченныхъ картинахъ Гвидо, копорыми богата Капиполійская галлерей. Тамъ, на пр. есть крылатая душа, отъ земли воспаряющая къ небесамъ.

У Доменикино, въ первомъ его и слабомъ произведеніи, пащупъ Себаспіана на дерево; народъ вокругъ него; воинъ замахнулся на женщину; показано дѣйствіе спраданія и на другихъ. У Гвидо Себаспіанъ одинъ, воспорженный и прекрасный. У перваго Ангелы всегда заняты дѣломъ; у втораго они всегда ээирно летающъ. Въ избіеніи младенцевъ, гдѣ должна бы быль драма, Гвидо представилъ одно и по же чувспво мапери въ пяти экземплярахъ. Распятіе Христа изображено имъ не въ дѣйствіи, а уже совершившимся. Возлѣ Распятаго стоятъ Мать и ученикъ — воплощенные чувспва. Одно Распинаіе Пепра имѣетъ въ себѣ болѣе спихій драматическихъ. Особливо палачъ, въ красной шапкѣ съ перомъ, пригвождаю-

щій ноги мученика, имѣеть что-то не Гвидовское и соспавляетъ исключеніе.

Наконецъ возьмемъ высшія произведенія того и другаго, и здѣсь увидимъ ту же существенную разницу. Причащеніе Св. Иеронима изображаетъ послѣдній Христіанскій подвигъ жизни въ праведникѣ, преждевременное общеніе его съ небомъ, совлеченіе плоти изнеможенной: не высшая ли драма въ жизни? не послѣднее ли бореніе плоти и духа, за коимъ слѣдуетъ совершеніе и гармонія? не апогеоза ли дѣятельной жизни? Взгляните на эстаго спарика, на эту живописную развалину человѣка: всякая морщина на его вѣпхомъ пѣль, ярко означенная киспью, есть слѣдъ горѣвшей спраспи, усиліемъ духа попушенной. Иеронимъ есть герой высшей драмы, какова жизнь человѣческая.— Что изобразилъ намъ Гвидо во цвѣтѣ своей киспи? чувство мапери обоготворенное, преображеніе скорби

въ преданность, просвѣтлѣніе высшаго чувства человѣческаго.

Оба художника были современники и друзья. Однажды соспязались они кистию, и въ одномъ и томъ же храмѣ, на противоположныхъ стѣнахъ, изобразили альфреско одинъ и попъ же предметъ: *мученіе Св. Андрея*. Доменикино предсхавилъ Св. Апостола въ минушу бїенія; Гвидо, въ минушу шеспвія его на креспную смершь. Много было споровъ между современными художниками: одни сполми за Гвидо, другіе за Доменикино. На одинъ изъ такихъ споровъ случайно пришелъ Людовикъ Караччи, прямо изъ церкви Св. Григорія, гдѣ и шеперь находящся сіи карпины. Всѣ обратились къ нему съ вопросами и просили рѣшенія. Онъ опвѣчалъ: «я люблю равно обоихъ и Гвидо и Доменикино; но вопшь чпо сей часъ происходило передъ моими очами; вошла вмѣспѣ со мною въ церковь спарушка со своею молодою внучкою; долго смопрѣ-

ла она на обѣ карпины, и наконецъ по Доменикиновой рассказала все ея содержаніе и по выраженію лицъ прочла всю картину такъ, что я самъ лучше бы не могъ прочесть ее.»

Въ самомъ дѣлѣ, я еще теперь живо вижу палача, замахнувагося розгою и особенно юношу, которъй принесъ веревки на мученіе, и глядя на вдохновеннаго спрадальца, задумался: свѣплая мысль блеснула въ его душѣ; духъ Божій осѣнилъ его; въ немъ видите уже зародышь будущаго Христіанина и, можетъ быть, такого же спрадальца. Какъ все это высказать чертами лица? А я и теперь опсушпвенно чипаю въ нихъ это.

Доменикино говоритъ вамъ просто; его разумѣетъ очами просная спарушка, какъ жизнь, какъ видимое. Гвидо же чувспвуешь внушпенно, чувспвуешь глубоко; однимъ словомъ, опвѣчаешь ему пѣмъ же чувспвомъ, какого онъ проситъ.

Но я сказалъ, что Доменикино есть цвѣтъ Болонской школы. Въ этомъ не заключается униженіе Гвидо. Въ исторіи искусства Драма слѣдуетъ за Лирикою; дѣятельное выраженіе спрашивается за выраженіемъ лирическаго чувства; въ Поэзій, какъ въ жизни. Доменикино, хотя и современникъ Гвидо, хотя и прежде его умеръ (родился однако десятию годами позднѣе), стоитъ выше Гвидо только на исторической лѣстницѣ живописи, на лѣстницѣ, которая одна только позволительна въ критикѣ искусствъ изящныхъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что Доменикино есть предшественникъ и цвѣтъ Болонской школы.

Полезно бы было, еслибъ художники Русскіе преимущественно на него и его жизнь обращали вниманіе — и избрали бы себѣ папрономъ этаго *глубокомысленнаго эклектика*, послѣдняго въ исторіи древней Испанской школы по времени, но славшаго въ первыхъ, того Доменикино, котораго и

Николай Пуссень именовалъ первымъ современнымъ живописцемъ въ отношеніи къ природѣ и искусству.

Трижды видѣлъ я Болонскую галерею и всегда выходилъ изъ нея, съ полною мысли и чувства. Какъ весело, оглядѣвши сіи картины, ознакомившись со всѣми лицами, сидѣть уединенно среди сихъ сокровищъ и провожать глаза и свою думу съ Цециліи Рафаэля на маперей Гвидо, на Спасителя Караччи, на Агнесу, на Ангеловъ Доменикино, на его Мадонну, и послѣ всякой прогулки останавливать ихъ, и долго, долго покоить на божественномъ лицѣ *Мадонны-Матери*.

С. Шевыревъ.

ОДИНОЧЕСТВО.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ и дрожить;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уньмо крупный дождь въ окно мое стучить;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Последній красный блескъ надъ угольями вѣется;
Мнѣ грустно! Тусклый день ужъ гаснетъ надо мной;
Ужъ съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка внучатъ своихъ ласкаетъ,
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ,
И былямъ старины, работая, внимаетъ.

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою ночной,
Средь не насытныхъ ласкъ, въ палящій нѣгъ мѣютъ!

V.

Межъ тѣмъ, какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется! —

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными дубами осѣненный,
Подруга милая и яркій камелекъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный,

VII.

О жарь святыхъ молитвъ! зажгись въ души моей!
Лучь вѣры пламенной, блесни въ ея пустынь!
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей!
Пусть сны вчерашніе не мучать сердца нынѣ.

VIII.

Пусть упоенная надеждой неземной
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный доль исчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится.

IX.

О! пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ;
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ Ангеловъ, восторженный, внимаеть.

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Предъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья объясненныхъ.

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душъ моей въ безоблачномъ зоири!....
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другъ въ здѣшнемъ мірѣ!

В. Тепляковъ.

ТРИ КАРТИНЫ.

Возсталъ пѣнистый Царь морей.
Что валь — то новая могила;
Трещать скелеты кораблей,
И рвутся робкія вѣтрила,
Дрожить испуганный пловець,
Подъ нимъ, надъ нимъ — пучинъ объятъ,
Прости земля! Молитесь братья!
Умилосердися Творецъ!
И грозный милосердь Егова.
И снова свѣтлы небеса,
И тихо вѣютъ паруса,
И всюду жизнь и радость снова.

Возсталъ отъ Сѣвера тиранъ,
Бросаетъ цѣпи на природу;

Въ брегахъ окованъ Океанъ;
Орель забылъ свою свободу;
Обвилось небо пеленой;
Земля, безъ жизни и безъ силы,
Послушной жертвою могилы
Легла подъ саванъ ледяной.
Воскресъ Апрель! младый, могучій
Онъ завѣсъ неба разорвалъ,
Дыханьемъ устъ разбросилъ тучи,
И мiръ улыбкой расковалъ. —

Кипитъ свирѣпая война;
Вездѣ гремятъ ея удары;
Земля одѣлася въ пожары;
Падутъ какъ класы племена;
И смерть кровавыми перстами
Слагаетъ кости надъ костями,
И созидаетъ свой престоль
На пещь нивъ, на прахъ сѣль.
Умолкла брань, — молчатъ перуны,
Не слышенъ стонъ, — не льется кровь;
Младый пѣвецъ ударилъ въ струны,
Поетъ онъ счастье и любовь.

ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНΘΟΛΟΓΙΑ.

ЭПИГРАММЫ ИЗЪ МЕЛЕАГРА.

1.

Спишь, Зенофила, мой нѣжный цвѣтокъ? ... Ахъ!
еслибъ я нынѣ,
Въ сладостный сонъ превратясь, въ очи про-
крался твой
Такъ, чтобъ и тотъ, кто Зевеса могучія вѣжды
смыкаетъ,
Мнѣ уступилъ! ... я бь одинъ вѣчно тобою
владѣль!

2.

Чашу налей, и примолви: за здравіе Геліодоры!
Молви, и съ чистымъ виномъ сладкое имя
смышай,

И вчерашній вѣнокъ, еще влажный отъ кудрей
душистыхъ

Милой, ты, въ память ея, мнѣ возложи на
главу...

Видишь ли? слезы роняетъ и роза, влюбленныхъ
подруга,

Плачетъ, что нѣтъ ея здѣсь, въ страстныхъ
объятяхъ монхъ.

3.

Клей — поцѣлуй твой, Тимарія, огонь — твои
очи:

Взоромъ сжигаешь однимъ, вяжешь лобзаньемъ
живымъ.

4.

Быстрый мой вѣстникъ, комаръ, полети! на ушко
Зенофилъ,

Нѣжно коснувшись ея, эти слова ты шепни:
« Онъ тебя ждетъ, и не можетъ уснуть; а ты,
друга забывши,

Спишь! » — Ну лети же скорѣй! Ну, пѣсно-
пѣвецъ, лети!

Но берегись! потихоньку скажи, не то — мужа
разбудишь;

Съ мужемъ воспрянуть тотчасъ ревности муки
съ одра.

Если жъ её приведешь, то, въ награду, тебя я одѣну
Львиною кожей, и дамъ въ руки тебѣ булаву.

5.

Вѣчно въ ушахъ раздаются Эрота пріятные звуки,
Око желаніямъ въ даръ сладкія слезы несетъ,
Нѣтъ мнѣ покоя ни ночью, ни днемъ, и отъ чаровъ
любовныхъ,

Врѣзанъ глубоко, въ душѣ образъ знакомый
горитъ.

О легкокрылы Эроты! какъ хищники, вы налетѣли—
Ахъ! отлетите на мигъ, дайте душѣ отдохнуть!

6.

Горе! не сладостный бракъ, по Аидъ, Клеариста,
суровый

Дѣвственнѣйшій поясъ тебѣ хладной рукой развязалъ.

Поздней порой, у невѣсты, предъ дверью раствор-
чатой, флейты

Сладко звучали; отъ нихъ брачный покой
весь гремѣлъ;

Утромъ — весь домъ огласился рыданіемъ, и Гименей
Пѣсни веселія кликъ въ стонъ обратился
глухой;
Факелы тѣжъ и невѣсть у храмины брачной свѣтили
И усопшей на путь въ мрачное царство тѣней.

7.

Горькія слезы въ Андѣ безотраднѣй, сквозь хладную
землю,
Милая, шлю тебѣ въ даръ, прежней останки
любви;
Горькія слезы лиются на прахъ твой, какъ жертва
святая,
Въ память желаній живыхъ, въ память нѣж-
нѣйшей любви.
Нѣтъ! и по смерти тебя Мелеагръ не забудетъ, и
вѣчно
Тяжкій, напраснѣй мой стонъ будетъ Андѣ
оглашать.
Горе мнѣ! горе! гдѣ милый цвѣтокъ мой... Все
смерть погубила!
Свѣжую розу мою пепель могильнѣй покрывъ.
О! умоляю тебя, земля, челоуѣковъ всѣхъ мать,
Тихо на лоно твое бѣдную дѣву прими.

ЭПИГРАММА АНТИПАТРА.

(НЕРЕИДЫ ОПЛАКИВАЮТЪ РАЗРУШЕНІЕ КОРИНѢА.)

Гдѣ красота твоя, городъ Дорійскій, Коринѣъ
лучезарный?

Гдѣ твоихъ башенъ вѣнцы? древни сокровища
гдѣ?

Гдѣ величпыные храмы боговъ, гдѣ чертоги, гдѣ
жены,

Отрасль Сизифа, и тѣмы гражданъ на стогнахъ
твоихъ?

Даже слѣда отъ тебя не осталось, городъ несчастный!
Лютая, все обхвативъ, жадно пожрала война.

Мы лишь однѣ, Океана безсмертныя дщери, остались,
Чтобы надъ прахомъ твоимъ, какъ алкіоны
стенать.

ГОРЯЧІЙ КЛЮЧЬ.

Здѣсь, подъ яворовъ тѣнью, Эротъ почиваль утом-
ленный

Въ сладкомъ снѣ, къ ключевымъ Нимфамъ
свой факель склонивъ.

Нимфы шепнули другъ дружкѣ: « Что медлимъ?
погасимъ свѣтильникъ!

Съ нимъ погаснетъ огонь, сердце палящій
людей!»

Но свѣтильникъ и воды зажегъ: съ той поры и
понынѣ

Нимфы, любовью горя, воды кипящія льютъ.

НА СМЕРТЬ КУЗНЕЧИКА.

Звонкій кузнечикъ, тебѣ у богатаго дома Алхида

Боль не пѣть, не видать свѣтлаго солнца тебѣ!

Ты далеко улетьль, по лугамъ ты порхаешь Плутона.

Тамъ съ Прозерпины цвѣтовъ сладкую росу
ты пьешь.

КЪ МІНСКУ.

О Мінскъ! въ тебѣ пристань обрѣлъ корабль моей
жизни,

И послѣдній души вздохъ посвящаю тебѣ.

Юпоша милый! повѣрь мнѣ — клянуся твоими
очами —

(Свѣтлыя очи твои даже глухимъ говорятъ)

Если ты взгляды отуманенный бросишь — зима предо
мною;

Весело взлянешь — кругомъ сладкая блещетъ
весна.

СТАТУЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

Дивный ликъ Александра, взоръ огненный, мужества
полный,

Чуднымъ искусствомъ Лизиппъ въ мѣди сей
мощной явилъ.

Мнится, ояъ, очи на небо вперивъ, громовержцу
вѣщаетъ:

Мнѣ подвластна земля! ты, Зевсъ, Олимпомъ
владѣй.

ЗЕВСЪ И ЭРОТЪ.

Зевсъ Купидону грозить: «отыму я, дитя, твои
стрѣлы!»

Мальчикъ въ отвѣтъ: «А тебя — въ лебедя
вновь обращу!»

НАДГРОБНАЯ.

Саонъ, сынъ Диконъ, Аканоянинъ здѣсь поживаетъ:
Праведныхъ сладкій покой смертью назвать
не держай.

НА СТАТУЮ ЗЕВСА ОЛИМПІЙСКАГО.

Или богъ съ неба сошелъ показать тебѣ образъ
свой, Фидій,
Или ты самъ въ небеса, бога узрѣть, возлетѣлъ.

В. Петеринъ.

СКАЗКА

О ТОМЪ, КАКЪ ОПАСНО ДѢВУШКАМЪ ХОДИТЬ
ТОЛПОЮ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ.

Какъ сударыня! вы уже хотите оставить насъ? — Съ позволенія вашего провожду васъ. — «Нѣтъ не хочу чтобъ такъ учтивый господинъ потрудился для меня.» — Извольте шутить, сударыня.

*Manuel pour la conversation, par
Madame de Genlis, p. 375.*

Однажды въ Петербургъ было солнце; по Невскому проспекту шла цѣлая толпа дѣвушекъ; ихъ было одиннадцать, ни больше ни меньше и одна другой лучше; да три маменьки, про которыхъ къ не-

счастію нельзя было сказать того же. Хорошенькія головки вершлись, ножки попали о гладкій границь, но имъ всѣмъ было очень скучно: онъ ужь давно другъ друга пересмотрѣли, давно другъ съ другомъ обо всемъ переговорили, давно другъ друга пересмѣяли и смерпельно другъ другу надоѣли; но все таки держались рука за руку, и не опшавая другъ опъ дружки шли монаспырь монаспыремъ; шаковъ уже у насъ обычай: — дѣвушка умретъ со скуки, а не дастъ своей руки мущинъ, если онъ не имѣетъ счастія быть ей брапомъ, дядюшкой, или еще болѣе завиднаго счастія — восьмидесяти лѣтъ опъ роду; ибо: «что скажутъ маменьки?» — Ужъ эти мнѣ маменьки! когда нибудь доберусь я до нихъ! я выведу на свѣжую воду ихъ спаринныя проказы! я разберу ихъ успавъ благочинія! я докажу имъ, что онъ не природой написанъ, не умомъ скрѣпленъ! Мѣшаются не въ свои дѣла, а на-

ши дѣвушки скучаютъ, скучаютъ, вянутъ, вянутъ, пока не сдѣлаются сами похожи на маменекъ, а маменькамъ по и по сердцу! — Погодите! Я васъ!

Какъ бы то ни было, а наша толпа лепѣла по проспекту и часпо набѣгала на прохожихъ, копорые оспанавливались чпобы посмопрѣшь на красавицъ; — но подходилъ къ нимъ ни кшо не подходилъ — да и какъ подойти? Спереди маменька, сзади маменька, въ серединѣ маменька — спрашно!

Вопъ на Невскомъ проспектѣ новопріѣзжій искусникъ выставилъ блестящую вывѣску; — сквозь окошки свѣпялся парообразныя дымки, сып.лопся радужные цвѣпы, золописшой апласъ льешся водопадомъ по бархопу и хорошенькія куколки, въ пухъ разряженныя, подъ хрустальными колпаками, казалось, киваютъ головою. — Вдругъ наша первая пара оспановилась, поворопилась—и прыгъ на чугунныя ступеньки, за ней другая, попомъ шрепя и нако-

нець вся лавка наполнилась красавицами. Долго онъ разбирали, любовались—да и было чѣмъ: хозяинъ такой быспрой, съ синими очками, въ модномъ фракѣ, съ большими бакенбардами, зашянушъ, перешянушъ, чупь не ломается; онъ и говоритъ и продаетъ, — хвалитъ и бранитъ, и деньги беретъ и опмѣриваетъ; — безпрестанно онъ распилаетъ и распавляетъ передъ мними красавицами по газы изъ паушины съ насыпью бабочкиныхъ крылышекъ, по часы, копорые укладывались на булавочной головкѣ, по лорнешъ изъ мушиныхъ глазъ, въ копорой въ одно мгновение можно было видѣть все, чпо кругомъ дѣлаешся, по блонду, копорая шаяла опъ прикосновенія, по башмаки, сдѣланные изъ спрекозиной лапки, по перья, слепенные изъ пчелиной шерстки, — по увы! румяна, копорые опъ духу налепали на щечку. Наши красавицы цѣлой бы въкъ оспались въ эшой лавкѣ, если бы не маменьки! — Маменьки

догадались, махнули чепчиками, поворопили на лѣво кругомъ и вышедши на ступеньки благоразумно принялись счищать, чтобы увѣриться, всѣ ли красавицы выйдутъ изъ лавки; — но по несчастію — (говорятъ ворона умѣетъ счищать только до чепырежъ), наши маменьки умѣли счищать только до десяти; не мудрено же, что онѣ обочлись и оправились домой съ десятью дѣвушками, наблюдая прежній порядокъ и благочиніе, а одиннадцатую позабыли въ магазинѣ.

Едва шолпа удалилась, какъ заморскій басурманинъ топчасъ дверь на запоръ и къ красавицѣ; все съ нея долой: и шляпку и башмачки и чулочки, — оставилъ только, окаянной, юбку да кофточку, схватилъ несчастную за косу, посапавилъ на полку и покрылъ хрустальнымъ колпакомъ.

Самъ же за перочинной ножичекъ, — шляпку въ руки — и съ чрезвычайнымъ проворствомъ ну съ нее срѣзывать пыль, нале-

пѣвшую съ мосповой; рѣзалъ, рѣзалъ и у него въ рукахъ очутились двѣ шляпки, изъ кошорыхъ одна чуть было не взлешѣла на воздухъ, когда онъ надѣлъ ее на сполбикъ; попомъ онъ шакже оспорожно срѣзалъ писненные цвѣты на маперин, изъ кошорой была сдѣлана шляпка, — и у него сдѣмалась еще шляпка; попомъ еще разъ — и вышла четшертная шляпка, на кошорой былъ шолько опшискъ отъ цвѣповъ; попомъ еще, — и вышла пятая шляпка проспишьякая; попомъ еще, еще — и всего набралось у него двѣнадцашъ шляпокъ; тоже окаянной сдѣлалъ и съ плашьицемъ и съ шалью и съ башмачками и съ чулочками, и вышло у него каждой вещи по дюжинѣ, кошорыя онъ бережно уклалъ въ каршонъ съ иноспранными клеймами... и все эшо, увѣряю васъ, онъ сдѣмалъ въ нѣсколько минушъ. «Не плачь красавица, » приговаривалъ онъ изломаннымъ Русскимъ языкомъ, — « не плачь! тебѣ же годишся на приданое! » — Когда

онъ окончилъ свою работу — тогда прибавилъ: « пеперь и швоя очередь, красавица! »

Съ сими словами, онъ махнулъ рукою, топнулъ; на всѣхъ часахъ пробило принадацать часовъ, всѣ колокольчики зазвенѣли, всѣ органы заиграли, всѣ куклы запрыгали, и изъ банки съ пудрой выскочила безмозглая французская голова, изъ банки съ шабакомъ чупкой нѣмецкѣй носъ съ ослиными ушами, а изъ бупылки съ содовой водою шуго набипой англинскѣй живошъ. Всѣ эпи почшенные господа усѣлись въ кружокъ и выпучили глаза на волшебника.

« Горе! » вскричалъ чародѣй.

« Да! горе » — опшвѣчала безмозглая французская голова — « пудра вышла изъ моды! »

« Не въ помъ дѣло » проворчалъ Англинскѣй живошъ, » — меня словно пуспой мѣшокъ за порогъ выкидывающъ. »

« Ёще хуже » — просопѣлъ Нѣмецкѣй носъ, — « на меня верхомъ сядяшя, да еще пришпоривающъ. »

« Все не то ! » возразилъ чародѣй — « все не то ! еще хуже ! Русскія дѣвушки не хотѣтъ больше бытъ заморскими куклами ! — воптъ наспоюще горе ! продолжись это — и Русскіе подумаютъ, что они въ самомъ дѣлѣ такіе же люди какъ и мы. »

« Горе ! горе ! » закричали въ одинъ голосъ всѣ бусурманы.

« Надобно имѣ навезти побольше романовъ мадамъ Жанлисъ. » говорила голова.

« Внушить имъ правила нашей нравственности » толковалъ живопись.

« Выдать ихъ замужъ за нашего брата » пвердилъ чушкій носъ.

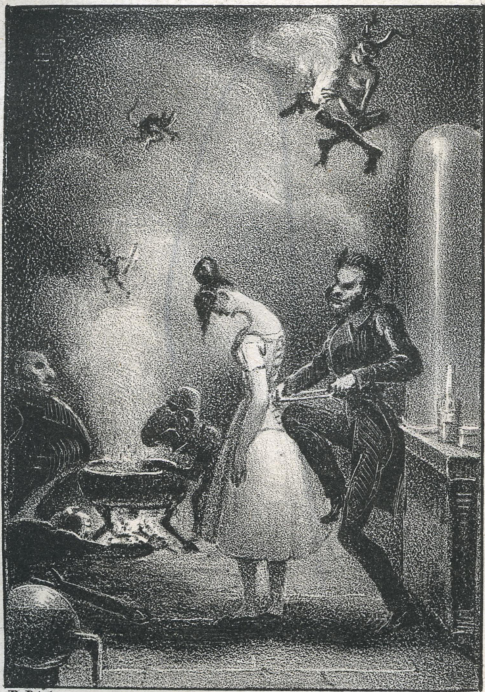
« Все это хорошо ! » опивчалъ чародѣй — « да мало ! Теперь уже не то что было ! На новое горе — новое лѣкарство ; надобно подняться на хипросити ! Думалъ, долго думалъ чародѣй, — наконецъ махнулъ еще рукою — и предъ собраніемъ явился преножникъ, Маріинна баня и респорша, и злодѣи принялись за работу.

Въ репорту вписнули они множество романовъ мадамъ Жанлисъ, Чесперфильдовы письма, нѣсколько листовъ изъ Русской азбуки, канву, Ипальянскія рулады, дюжину новыхъ конспродансовъ, нѣсколько выкладокъ изъ Англинской нравспвенной Ариемепики, и выгнали изъ всего эпаго какую-шо безцвѣпную и бездушную жидкость. Попомъ чародѣй отворилъ окошко, повель рукою по воздуху Невскаго проспекпа и захватилъ полную горспъ городскихъ сплешней, слуховъ и расказовъ; наконецъ изъ ящика выпацилъ огромный пукъ бумагъ и съ дикою радоспю показалъ его своимъ поварицамъ; шо были обрѣзки опъ дипломатическихъ писемъ и опрывки изъ писмовника, въ коихъ содержались увѣренія въ глубочайшемъ почпеніи и испинной преданности; — все эшо злодѣи, прыгая и хохоча, ну мѣшашъ съ своимъ бѣсовскимъ соспавомъ: французская голова раздувала огонь, нѣмецкій носъ

размѣшивалъ, а англійскій живопись словно песнь ушопшывалъ.

Когда жидкость прѣспыла — чародѣй къ красавицѣ: вынулъ бѣдную, пренещущую изъ подъ спекляннаго колпака и принялся изъ нея злодѣй вырѣзывать сердце. О! какъ спрадала, какъ билась бѣдная красавица! какъ крѣпко держала она свое невинное, свое горячее сердце! съ какимъ славянскимъ мужесшвомъ прошивилась она басурманамъ. — Уже они были въ опчаяніи, гошovy опказаться ошь своего предпріятія; но набѣду чародѣй догадался, схватилъ какой шо маменькинъ чепчикъ, бросилъ на уголья: чепчикъ закурился и ошь эшаго курева красавица одурѣла.

Злодѣи воспользовались эшимъ мгновениемъ, вынули изъ нея сердце и опустили его въ свой бѣсовскій соспавъ. Долго, долго они распаривали бѣдное сердце русской красавицы, вышягивали, выдували, и когда они вклѣили его въ свое мѣспо, шо

F. Riesl.

красавица позволила имъ дѣлать съ собою все, что имъ было угодно. Окаленный басурманинъ схватилъ ея пухленькія щечки, маленькія ножки, ручки, и ну перочиннымъ ножомъ соскребать съ нихъ свѣжій славянскій румянецъ и пщашельно собираетъ его въ баночку, съ надписью: *rouge végétal*; — и красавица сдѣлалась бѣленькая, бѣленькая какъ копчикъ; насмѣшливый злодѣй не удовольствовался этимъ: маленькой губкой онъ сперъ съ нея бѣлизну и выжалъ въ спкляночку съ надписью: *lait de concombres*, и красавица сдѣлалась желтая, коричневая; потомъ къ паливной шейкѣ онъ приспавилъ пневматическую машину, повернулъ, — и шейка опустилась и повисла на косточкахъ; потомъ маленькими щипчиками разинулъ ей рошикъ, схватилъ язычекъ и повернулъ его пакъ, чтобы онъ не могъ выговорить ни одного русскаго слова; наконецъ запрянулъ ее въ узкій корсетъ, накинулъ на нее какую-то уродли-

вую дымку и выспавилъ красавицу на морозъ къ окошку. — За симъ басурмане успокоились; безмозглая французская голова съ хохотомъ прыгнула въ банку съ пудрою; нѣмецкій носъ зачихалъ опть удовольствія и поплелся въ бочку съ табакомъ; англійскій живопись молчалъ, но шолько хлопалъ по полу опть радости и шакже уплелся въ бубылку съ содовою водою, и все въ магазинѣ пришло въ прежній порядокъ и шолько спало въ немъ одною куклою больше!

Между шѣмъ время бѣжитъ да бѣжитъ; въ лавку приходятъ покупщики, покупають паупинный газъ и мушиные глазки, любующся и на куколокъ. — Вотъ одинъ молодой человекъ посмошрѣлъ на нашу красавицу, задумался, и какъ не смѣялись надъ нимъ поварищи, купилъ ее и принесъ къ себѣ въ домъ. Онъ былъ человекъ одинокій, права пихаго, не любилъ ни шуму, ни крику; онъ поставилъ куклу на видномъ мѣспѣ, одѣлъ, обулъ ее, цѣловалъ ея ножки,

и любовался ею какъ ребенокъ. — Но кукла скоро почувала русскій духъ; ей понравилось его гостепріимство и добродушіе. — Однажды когда молодой человекъ задумался, — ей показалось, что онъ забылъ о ней, — она зашевелилась, залепетала; — удивленный онъ подошелъ къ ней, снялъ хрустальный колпакъ, посмотрѣлъ: его красавица кукла куклою. — Онъ приписалъ это дѣйствию воображенія и снова задумался, замечтался; кукла разсердилась: ну опять шевелишься, прыгаешь, кричаешь, спускаешь объ колпакъ, — ну шакъ и рвешься изъ подъ него. — « Не ужели ты въ самомъ дѣлѣ живешь? » говорилъ ей молодой человекъ, — « если ты въ самомъ дѣлѣ живая, я тебя буду любить больше души моей; ну скажи же, что ты живешь, — вымолви хотя словечко! »

« Пожалуй! » сказала кукла, — « я живу, право живу, — но объ чемъ будемъ мы говорить? —

— Какъ объ чемъ? на свѣшѣ ешь добро-
дѣшель, ешь искусствво!.....»

«Какая мнѣ нужда до нихъ!» опвѣчала
кукла, — «эпи выраженія не упошребительны!»

— Какъ не упошребительны? — развѣ пы
никогда не слыхала, что ешь на свѣшѣ
мысли, чувсшва?... —

«А, чувсшва! знаю, знаю,» скоро про-
говорила кукла, — «чувсшва глубочайшаго
почпенія и шаковой же преданности, съ
копорыми чесш имѣю бышѣ, милосшвивый
государь, вамъ покорная ко услугамъ.....»

— Ты ошибаешься, моя красавица; пы
смѣшнваешь условныя фразы, копорыя съ
каждымъ днемъ перемѣняющся, съ шѣмъ,
что составляешь вѣчное, незыблемое укра-
шеніе человѣка. —

«Знаешь ли, что говорятъ?» прервала
его красавица, — «одна дѣвушка вышла за
мужъ, но за нею волочнтся другой, и она
хочетъ развесшсь. — »

— Что тебѣ нужды до эшаго? моя милая, — подумай лучше о томъ, что есть на свѣтѣ чувство, котораго ты не знаешь, которое ты должна изучать, которое должно составлять жизнь женщины; — это святое чувство называютъ любовью; — оно проникаетъ все существо человѣка, имъ живетъ душа его, оно порождаетъ рай и адъ на земли. . . . —

« Когда на балѣ много танцуютъ, то бываетъ весело, когда мало, — такъ скучно, » — отвѣчала кукла.

— Ахъ, лучше бы ты не говорила! — вскричалъ молодой человѣкъ, — ты не понимаешь меня, моя красавица! —

И щепотно онъ хоптѣлъ ее образумить: приносилъ ли онъ ей книги, — книги осматривались неразрѣзанными; говорилъ ли ей о музыкѣ души, — она отвѣчала ему Итальянскою руладою; показывалъ ли картину славнаго мастера, — красавица показывала ему канву.

И молодой человекъ рѣшился каждое утро и вечеръ подходить къ хрустальному колпаку и говорить куклѣ: «есть на свѣтѣ добродѣтель, есть любовь; читай, учись, мечтай, исчезай въ музыкѣ, — не въ свѣтскихъ фразахъ, но въ душѣ чувства и мысли.» Кукла молчала.

Однажды кукла задумалась и думала долго. — Молодой человекъ былъ въ восхищеніи, какъ вдругъ сказала она ему:

«Ну теперь знаю, знаю; есть на свѣтѣ добродѣтель, есть искусство, есть любовь, не въ свѣтскихъ фразахъ, но въ душѣ чувства и мысли. Примите, милостивый государь, увѣренія въ чувствахъ моей истинной добродѣтели и пламенной любви, съ копорыми честь имѣю быть.»

О! переспань, Бога ради, — вскричалъ молодой человекъ, — если ты не знаешь ни добродѣтели, ни любви, — то по крайней мѣрѣ не унижай ихъ, соединяя съ поддѣльными глупыми фразами.

« Какъ не знаю, » — вскричала съ гнѣвомъ кукла, — « на тебя ни какъ не угодишь, неблагодарный! — нѣтъ — я знаю, очень знаю: *есть на свѣтъ добродѣтель, есть искусство, есть любовь*, какъ равно и глубочайшее почтеніе, съ коими честию имѣю бытъ. . . . »

Молодой человѣкъ былъ въ опчаяніи. Между тѣмъ кукла была очень рада своему новому пріобрѣтенію; не проходило часа, чшобъ она не кричала: *есть добродѣтель, есть любовь, есть искусство*, — и не примѣшивала къ симъ словамъ увѣреній въ глубочайшемъ почтеніи: идешь ли снѣгъ — кукла пвердишь: *есть добродѣтель!* прине-сущъ ли объдашь — она кричишь: *есть любовь!* — и вскорѣ дошло до того, чшо эти слова опрошивѣли молодому человѣку. Чшо онъ ни дѣлалъ, говорилъ ли съ воспоргомъ и умиленіемъ, доказывалъ ли хладнокровно, бѣсился ли, насмѣхался ли надъ красавицею — все она ни какъ не могла постигнуть ка-

кое различіе между запверженными ею словами и обыкновенными свѣтскими фразами, ни какъ не могла постигнуть, что любовь и добродѣшель годящся на чтонибудь другое, кромѣ письменнаго окончанія.— И часто восклицала молодой человекъ: « ахъ, лучше бы ты не говорила!»

Наконецъ онъ сказалъ ей: я вижу, что мнѣ не вразумишь себя, что ты не можешь къ завѣшнымъ, святымъ словамъ добродѣтели, любви, искусства — присоединишь другаго смысла, кромѣ *глубочайшаго погтенія и таковой же преданности*, что дѣлать? Горько мнѣ, но я не виню тебя въ этомъ. Слушай же: всякій на семь свѣтѣ долженъ чтонибудь дѣлать: не можешь ты ни мыслишь, ни чувствовать; не перелишь мнѣ своей души въ себя... — шакъ занимайся хозяйствомъ по старинному Русскому обычаю, — смотри за столомъ, своди счесть, будь мнѣ во всемъ покорна; — когда ты меня избавишь опъ

механическихъ занятій жизни, я правда не столько тебя буду любить, сколько любилъ бы тогда, когда бы души наши сливались, но все любить тебя буду....»

«Что я за ключница?» закричала кукла, разсердилась, заплакала, — «развѣ ты зашѣмъ купилъ меня? Купилъ — такъ лѣлѣй, одѣвай, ушѣшай. — Что мнѣ за дѣло до швоей души и до швоего хозяйства! — Видишь: — я вѣрна тебѣ, я не бѣгу опѣ тебя, — такъ будь же за то благодаренъ; — мои ручки и ножки слабы, — я хочу и люблю ни чего не дѣлать, ни думать, ни чувствовашь, ни хозяйничать, — а швое дѣло забавлять меня. —»

И въ самомъ дѣлѣ такъ было. Когда молодой человекъ занимался своей куклой, когда одѣвалъ, раздѣвалъ ее, когда цѣловалъ ея ножки, кукла была смирна и добра, хопя и ничего не говорила; но если онъ забудетъ перемѣнить ея шляпку, если задумается, если опшедетъ опѣ нея гла-

за, — кукла такъ начнеть спучать о свой хрушальный колпакъ, что хопъ вонъ бѣги. — Наконецъ не спало ему терпѣнья: возметь ли онъ книгу, сядеть ли обѣдашь, ляжеть ли на диванъ опдохнуть, — кукла спучитъ и кричитъ, какъ живая, и не даеть ему покоя ни днемъ ни ночью; — и спала его жизнь — не жизнь но адъ. Вопъ молодой человекъ разсердился: несчастный не зналъ спраданій, копорья вынесла бѣдная красавица, не зналъ какъ крѣпко она держалась за врожденное ей природою сердце, съ какою болью опдала его своимъ мучителямъ или учителямъ, — и однажды, — съ просонья онъ выкинулъ куклу за окошко; за это всѣ проходящіе его осуждали; однако же куклы ни кто не подиялъ.

А кто всему виною? сперва басурманы, копорые порпятъ нашихъ красавиць, а попомъ маменьки, копорья не умѣютъ считатъ дальше десяти. Вопъ вамъ и нравоученіе.

Влад. Глинскій.

ОПРАВДАНИЕ.

О! не вишите струнь моихъ
Изигженное рокотанье!
Не эхо сердца ропщеть въ нихъ,
Когда Пафосскихъ жриць лобзанье,
Звонъ чашъ подъ тѣнью липъ густыхъ
Въ ихъ бѣгломъ слышится бряцаньи!
Что мнѣ вамъ пѣть? — съ презрѣнемъ я
Гляжу на блескъ подлунной славы;
Любовь? — но въ цвѣтъ бытія
Душа разтерзана моя
Ея мучительной отравой!

Разсѣйтежъ славы дымъ пустой,
Мнѣ о любви не поминайте,
Зовите жриць Пафосскихъ рой,
Мой кубокъ розамъ вѣнчайте!

Межъ тѣмъ безуміе страстей ,
Быть можетъ, и въ душѣ моей
Высокой жизни бѣ не убило ,
Когда бы солнце лучшихъ дней
Мою весну озолотило
Какъ знать? быть можетъ край родной
И мнѣ привѣтно бѣ улыбался ,
Въ бояхъ моею бы душой
Духъ грозныхъ тысячъ зажигался , —
И на обломкахъ вражбихъ стѣпъ ,
Съ родныхъ воспрянувшій знамень
Вездѣ бѣ орелъ нашъ развѣвался .
И Геній брани увѣнчалъ
Меня бы славою гигантской ;
Иль можетъ быть на мнѣ бѣ сіяль
Отчизны даръ — вѣнецъ гражданскій ;
Иль дивный кладъ родныхъ Камень
Открылъ бы я въ глуши временъ . . .
Потокъ безвѣстныхъ пѣснопѣній
Въ странахъ бы дальнихъ зажурчалъ ,
И яркимъ солнцемъ Русскій Геній
Надъ міромъ радостно бѣ сіяль .
О други! крылья соколины
Душа расправила бѣ моя ,

Когда бы раннія кручины
Изъ урны бѣшеной судьбины
Не проливались на меня!

Разсѣйтежъ славы дымъ пустой;
Мнѣ о любви не поминайте,
Зовите жриць Пафосскихъ рой,
Мой кубокъ розами вѣнчайте!

В. Тепляковъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДРАММАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗИИ:
ТОРКВАТО ТАССО.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Капитолійская площадь. Весь Римъ и Капитолій освѣщены разноцвѣтными огнями; во многихъ мѣстахъ горятъ транспаранты съ вензелемъ Тассо и съ разными аллегорическими картинами. На лѣвой рукѣ доли съ большими крыльцами.

(Народъ наполняетъ площадь отъ дома Клавдія Риги до самаго Капитолія).

(Голоса въ народѣ).

— Когда вѣнчать назпачено Торквата?

— Герольды прокричали: завтра утромъ;

А ты не слышаль?...

— Завтра утромъ? Боже!

Что, если онъ умреть еще сегодня?

— Все можетъ быть... но, видишь, свѣтъ зари?

И солнце поспѣшаетъ для Торквата...

— То блескъ огней!...

— Нѣтъ, другъ мой, вотъ денница

Свѣтлѣ нашихъ транспарантовъ блещетъ! —

— Что Риги говоритъ? —

— Плоха надежда.

Онъ проживетъ еще дни три, четыре...

— Не больше?

— Да, не больше,

— Римъ отлично

Великаго Торквата принялъ...

— Да;

Но мертвецу не сладокъ фиміамъ!

— Да слава камень воскресить возможетъ!

— А чловѣка можетъ умертвить.

*(Тассъ, поддерживаемый Мости и Клавдіемъ
Риги и сопровождаемый множествомъ мо-
лодыхъ людей выходитъ на крыльце.)*

Н А Р О Д Ъ.

Торквато Тассъ! Поэту честь и слава!...

Тассо.

Благодарю, друзья, благодарю!

Отъ радости я изнемогъ... Мнѣ дурно!...

О! дайте състь; пусть сладкій воздухъ Рима

Мнѣ возвратитъ слабѣющія силы...

(Приносятъ креслы. Тассъ садится и погружается въ мечтанія; народъ пребываетъ въ совершенномъ безмолвіи).

И это всё для нищаго пѣвца,

Для бѣднаго пѣвца Ерусалима...

Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ

Какую-то большую эпопею;

Трагедію огромную я прожилъ!

День настанетъ, готовится развязка,

И утромъ я засну вечернимъ сномъ...

Настанетъ время и — меня не будетъ!

И всё мои мечты и вдохновенья

Въ одно воспоминаше перельются!

Въ Италиі моей уснетъ искусство,

Поэзія разлюбитъ край Торквата

И перейдетъ на Западъ и на Сѣверь.

Тогда въ спѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ

Пробудится о мнѣ воспоминаше....

И юноша холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего, меня полюбить; —
Какъ любилъ меня тотъ осмилѣтнѣй
И странный другъ въ больницы сумасшедшихъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ, безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать,
И жизнь мою расскажетъ передъ свѣтомъ.
Какъ биографъ, холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ, годъ отъ году, искать
Всѣхъ горестей монахъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить!
Нѣтъ! онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса, —
И выставитъ ее въ науку людямъ!
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть
Какъ жилъ Торкватъ. Большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
Всегда, вездѣ — одни и тѣ же люди!

Но можетъ быть, кто знаетъ, послѣ смерти
Несчастливаго Торквата... поколѣнья
Измѣнится... Пойдите!... вижу я:
Весь западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ!

О сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
Италіи моеѣ уже не видно!
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала
Покрывъ высокій холмъ, могильный холмъ, —
Но все еще великій и прекрасный.
Въ немъ есть врата — и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ; то входитъ, то выходитъ
И всякой разъ изъ чуднаго холма
Какойнибудь кладъ дорогой уносить. . .
Но снова все туманится и тмится, —
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ! . . .

(Впадаетъ въ глубокою задумчивость.)

Мости.

Въ горячкѣ онъ? скажи мнѣ Риги, правду. . . .

К. л. Риги.

Нѣтъ, Джуліо. Онъ къ смерти очень близокъ,
А я читаль, что будто передъ смертью
Предвидятъ всё чувствительные люди.

Тассо.

Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ
Поднялись два Гиганта и въ вѣнцахъ!

Одинъ меня узналъ и сладкой лирой
Привѣтствуетъ! Благодарю Поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубить;
Какъ пламенно свою мечту онъ любить!
И правъ поэтъ, — прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота,
Безъ вымысловъ, наряда, украшеній,
И страненъ звукъ Германскихъ вдохновеній!

(Какъ будто къ чему-то прислушиваясь.)

Друзья мои! Вотъ истинный Поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ;
То пламени раздастся, то умретъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ!...

(Съ улыбкой удивленія... Огни гаснутъ...заря)

Вокругъ него морозъ, свирѣпый хладъ.
Откуда онъ? певѣдомый нарядъ, —
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболёвой. —
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами.
Что жъ онъ поетъ? его языкъ мнѣ новъ!
Онъ, кажется, поэтъ, — про честь, про славу,

Про сладкую къ отечеству любовь,
Про новую, полночную державу...

Но снова всё туманится и тмится
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ!..

*(Погружается въ совершенное забвеніе.
Солнце возносится.)*

Мости.

О! я боюсь! онъ такъ уснетъ на вѣки.

Кл. Риго.

Оставьте, отойдемъ! Ужь день насталь!
Капитолійскій шумъ его разбудить.
Проснется онъ для пѣсни Римскихъ дѣвъ!

Н. Кукольникъ.

РАЗГОВОРЪ ПОТОМКОВЪ.

Онъ былъ не слабъ и не жестокъ,
Его любили наши дѣды.

При немъ и Западъ и Востокъ,
Отмщая Русскія побѣды,
Къ намъ на тѣла и на умы
Сносили въ дань свои чумы.

Бывала Русь при немъ въ печали;
Но живъ онъ въ памяти гражданъ! . . .

Но не Стамбуль, не Тагеранъ,
Его безсмертіемъ вѣнчали.

Онъ въ чувствѣ чести и добра

Явился въ двухъ своихъ столицахъ:

Отцемъ Москвы святой въ больницахъ,

Царемъ на площади Петра.

1830 года.

ПОХОДЪ ВОЛЬНИЦЫ ПАЛЪЕВОЙ. (*)

(Отрывокъ изъ историческаго романа: *Мазепа*,
соч. Э. Булгарина. Глава V.)

Необозримая долина, покрывая высокою, густою шравою, оканчивалась холмами, между конми поднимался шуманъ, разгоняемый лучами восходящаго весенняго солнца. Послѣ дождливой и бурной ночи настало тихое и теплое утро. По степи, безъ дороги, шянулась вапага Украинскихъ казаковъ. — Впереди ѣхалъ, на ворономъ

(*) Палѣй, начальникъ Задѣпровской вольницы, узнавъ что Мазепа задержалъ одного изъ посланцевъ его, эсаула Огневикъ, вышупаетъ на поиски, съ опшорною дружиною.

Турецкомъ жеребцѣ, воинъ високаго роста, сухощавый, блѣдный. Съдые усы его ниспадали на грудь. Бришная голова покрыта была низкою шапкой, съ голубымъ бархатнымъ верхомъ и съ собольимъ околышкомъ, а изъ подъ шапки, надѣшой на бекрень, висѣлъ клокъ бѣлыхъ, какъ лунь, волосъ, или чуприна. Онъ былъ въ синемъ суконномъ куншушѣ, съ прорѣзными и закидными рукавами, подбишомъ свѣтлоголубою шелковою тканью, въ красныхъ бархатныхъ шараварахъ и въ желтыхъ сафьяныхъ сапогахъ. За золотымъ Персидскимъ кушакомъ зашкнупъ былъ Турецкій кинжалъ; чрезъ плечо, на красныхъ шелковыхъ шнуркахъ, висѣла кривая Турецкая сабля, въ золотыхъ ножнахъ. Турецкое, окованное серебромъ, сѣдло покрыто было бархатнымъ чапракомъ съ золотомъ бахрамою. На конѣ былъ роншикъ съ серебромъ и сердаликами. Воинъ держалъ въ рукахъ корошкую шрубку, и, сквозь

F. Riesf.

дымъ, пробивающійся чрезъ густыя усы, вперялъ взоръ вдаль. Лице его было угрюмое и суровое; носъ длинный, орлиный, губы шонкія, а большіе черные глаза свѣпились изъ подъ сѣдыхъ, навислыхъ бровей, какъ звѣзды. За нимъ ѣхалъ казакъ въ синемъ кобенякѣ, (*) насунувъ видлогу (**) на малую шапку изъ черной овчины, и держалъ въ рукѣ арканъ, копораго другой конецъ зацѣпленъ былъ за шею Жида, ѣхавшаго безъ сѣдла, съ связанными назадъ руками, на пощей клячѣ. — Бѣдный Жидъ былъ въ одномъ полукафтанѣ, безъ шапки, съ распахнутой грудью, босикомъ. Вѣтеръ развѣвалъ длинные его волосы и осушалъ слезы, копорыя оставляли свѣшлые слѣды на грязномъ и блѣдномъ его лицѣ. Другой казакъ велъ одну заводную и одну вьючную лошадь. Въ нѣкопоромъ опдаленіи

(*) Верхнее плащье.

(**) Родъ капишона.

ѣхали рядомъ два воина, также въ короп-
кихъ, суконныхъ кунпушахъ синяго цвѣша
и въ голубыхъ бархатныхъ шапкахъ. На-
рядъ ихъ былъ простой, и только въ ору-
жїи и въ кѣнской збруѣ видно было золо-
то и серебро. Одинъ изъ нихъ былъ уже
въ пожилыхъ лѣтахъ, а другой молодъ и
красивъ, съ гордымъ взглядомъ, съ бога-
шырской ухвашкой. За ними ѣхали въ без-
порядкѣ, но въ пишинѣ, казаки, по одно-
му, по два и по нѣскольку вмѣстѣ. Нѣко-
торые были въ кобенякахъ, а другіе сня-
ли кобеняки и перевѣсили ихъ черезъ сѣ-
дло. Нарядъ простыхъ казаковъ состоялъ
изъ синей курпки съ нашивными на груди
карманами, для храненія зарядовъ, и изъ
широкихъ холщяныхъ шараваръ, также
съ нашивными карманами по обѣимъ спо-
ронамъ, въ которыхъ были пистолеты.
Всѣ казаки имѣли одинакаго вида низкія
шапки изъ черной овчины съ голубымъ вер-
хомъ, и свѣтло-голубые шерстяные ку-

шаки. У каждаго была при бедрѣ сабля, за плечомъ ружье, обернутое въ овчину, и въ рукѣ длинная дика. Черезъ плечо, на ремнѣ, висѣла нагайка. Съ пылу чрезъ сѣдло переваленъ былъ мѣшокъ съ съспными припасами и кормомъ, а напередѣ была баклага съ водою и арканъ, свернушый кольцомъ. Всѣхъ казаковъ было человекъ двѣспѣ, и между ними не было ни одного молодаго. — Почти у каждаго сѣдина пробивалась въ усахъ и въ чупринѣ.

Вапага повернула къ оврагу, поросшему кустарниками, чрезъ который проходила дорога, извиваясь змѣйкой по степи. Лишь только передовой, богапоубранный воинъ взѣхалъ на дорогу, на поворотѣ, за кустами, послышался скрипъ шельги и голосъ погонщика воловъ. Вапага продолжала шествіе свое. Вскорѣ шельга, запряженная парюю воловъ, показалась изъ за поворота. Украинскій послядникъ въ свипкѣ, въ шапкѣ, слѣзъ съ воза, поворо-

пить шельгу на сторону, остановилъ во-
ловъ, и когда передовой воинъ поровнялся
съ нимъ, то поселянинъ снялъ шапку и
поклонился ему въ поясъ.

«Здорово; хлопче!» сказалъ передовой
воинъ:

Мужикъ поднялъ глава, и, какъ будпо
пораженный блескомъ убранства воина,
еще ниже поклонился, примолвивъ. «здо-
ровъ будь, пане! «Попомъ, взглянувъ на
воина, выпучилъ глаза, разинулъ ротъ и
осмопрвъвъ его съ головы до пясть, спро-
силъ: «А куда ѣдете, панове?»

«Куколь съ пшеницы выбирашь; Жидовъ
и Ляховъ рѣзашь!»(*) опивчалъ хладно-
кровно передовой воинъ.

Жидъ вздрогнулъ, какъ будпо его кпо
укололъ подъ божъ, сдѣлалъ жалоспную

(*) Извъстное изрѣченіе Украинскаго гайда-
мака Гояшы: «кукиль съ пшеницы выбираши:
Жидивъ и Ляхивъ ризани!»

гримасу, но не смѣлъ пикнуть, спрaшaсь казачьихъ нагаекъ.

« Помогай Богъ! » опшвѣчалъ прaсподушно мужикъ.

« А далеко ли до Днѣпра? » спросилъ передовой казакъ.

« Для прожляпаго Ляха или для поганаго Жида была бы миль, а для тебя, пане, скажу только — на одинъ — воловій рыкъ » опшвѣчалъ мужикъ.

Передовой воинъ улыбнолся, вынулъ изъ кармана шалеръ и бросилъ мужику, копорый не спускалъ глазъ съ воина и даже не наклонился чшобъ поднять шалеръ.

« Возьми деньги и пей за наше здоровье! » сказалъ передовой воинъ.

« Мы и за свои гроши пьемъ за швое здоровье, пане, коли Ляхи, да Жида не подсматриваюшъ за нами, да не подслушиваюшъ, » опшвѣчалъ мужикъ.

« А развѣ ты знаешъ меня? » спросилъ воинъ.

« А какъ намъ не знашь батьку нашего, пана Палѣя! » опивчалъ мужикъ, снова поклонясь въ землю.

Эпо былъ въ самомъ дѣлѣ знаменитый вождь Украинской вольницы, Семень Палѣй, гроза Тапаръ и Поляковъ, бичъ Жидовъ и жестокихъ помещиковъ, ужась Мазепы, идолъ угнѣпеннаго народа въ Польской Украинѣ, любимецъ войска Малороссійскаго и Запорожскаго. Казаки не называли иначе Палѣя, какъ *батькой*, и эпо нѣжное, сердечное наименованіе употребляли всегда, говоря съ нимъ и про него. Палѣй гордился эшимъ прозваніемъ болѣе, нежели шишуломъ ясневельможнаго, копорымъ величали его паны Польскіе и даже самъ Король; а съ тѣхъ поръ, какъ опложился опъ Польши и объявилъ себя подданнымъ Царя Русскаго, оцъ испребилъ въ своей вольницѣ всѣ прежнія Польскія обыкновенія, удержавъ только нарядъ Польскій, копорый носили тогда всѣ знаш-

ные Украинцы и чиновники Царскаго войска Малороссійскаго.

Палый бросилъ мужику другой шамеръ и спросилъ: « не слыхашь ли чего про Польскихъ жолнеровъ (*), или не собирается ли гдѣ шляхта? »

« Не знаю, Гапаръ ли, Москалей, или тебя, *батько*, бояшся Ляхи, а только они крѣпко зашевелились, какъ овцы передъ сприжкой. Опшсюду гоняшъ подводы, да свозяшъ всякой запасъ въ Жипомиръ и въ Бердичевъ. Слышно, что паны наши, да экономы, трясса (*) ихъ машери, берутъ за по гроши, а намъ веляшъ давашъ хлѣбъ и воловъ даромъ! Вопъ и къ нашему пану наѣхало Ляховъ шьма шьмуца! Сами

(*) Жолнеръ, солдатъ, опъ Польскаго слова жолдъ, żołd, происходящаго опъ solde, жалованье

(**) Трясса: лихорадка, обыкновенная Украинская брашь.

Ляхи, бись бивъ бы ихъ башьку (*), пирующъ на панскомъ дворѣ, а коней своихъ да Ляшенковъ распавили по селамъ, да веляшъ объѣдашъ насъ, бѣдныхъ! — Ты знаешъ, башько, что нынѣ у насъ завелись два Короля, а нашъ панъ держишъ спорону новаго Короля, пакъ и собираешъ у себя Ляховъ; чѣобъ ипши на стараго Короля. Братъ мой, надворный казакъ (**), сказывалъ мнѣ, что Ляхи навезли къ пану цѣлые скрыни съ грошами (***), а развѣ Жидъ да бись увидяшъ Ляшской шелягъ!» . . .

«Гроши будутъ наши, а Ляхи — собакамъ мясо!» сказалъ Палый: «А какъ зовушъ швоего пана.»

(*) Бись, бѣсь; бивъ бы, убилъ бы.

(**) Украинскіе паны даже до нашего времени держали казаковъ, прежде для своей защиты, послѣ для разсылокъ. Казаки сіи назывались надворными.

(***) Т. е. съ деньгами.

« Панъ Дульскій, шопъ что: . . . »

Палъй не даль мужику кончишь: « А я къ нему-шо именно и ѣду въ госпи. » сказалъ онъ: « Такъ шы говоришь, что у него много собралось Ляховъ? А сколько на примѣръ? »

« Считашь я ихъ не считалъ, а знаю что ихъ будешь больше чѣмъ скопа въ панскомъ спадѣ. . . . »

« Сопни при, чешыре, что ли? » спросилъ Палъй.

« Ужъ вѣрно сопни чешыре, » — отвѣчалъ мужикъ. — « Не ходи шеперь, башько, къ нашему Пану, а шо тебѣ мудрено будешь добрашься до него, коли шы къ нему ѣдешь съ шѣмъ, чего мы ему у Бога просимъ. — Панской дворъ окопанъ валомъ, на валу спояшъ двѣнадцашъ пушекъ, да еще какихъ крѣпкихъ, желѣзныхъ! А передъ валомъ ровъ, а за ровомъ часпоколъ, а за часпоколомъ спояшъ Ляхи съ ружьями, а вороша одни, да и шѣ на запорѣ, а

за воропами рѣшешка, да еще желѣзная, а надъ воропами куча камней, а за камнями.»

« Довольно, довольно, спасибо за добрыя вѣспи,» возразилъ Палѣй, и бросилъ прешій палеръ мужику.

« Добрыя вѣспи, добрыя вѣспи!» проворчалъ мужикъ съ удивленіемъ, подбирая деньги: « опъ эсихъ добрыхъ вѣспей у другаго бы морозомъ подрало по кожъ, а нашему бапкъ пули какъ вареники, а пушки какъ бабья спупа!» —

« Чпо ты ворчишь себъ подъ носъ?» сказалъ Палѣй.

« Такъ, ничего, а дивлюсь полько, чпо ты не боишься ни панскихъ пушекъ, ни Ляшскихъ ружей, а намъ такъ и опъ канчука экономскаго дѣвапья некуда!» —

« Съ завпрашняго дня экономъ вашъ не будетъ болѣе размахивать канчукомъ, а взмахнетъ всѣми чешырьмя, да и поминай какъ звали!» примолвилъ Палѣй.

« Ой, дай-по Боже! » сказалъ мужикъ, перекрестясь.

« Вѣдь ты слыхалъ уже, что мы идемъ: куколь изъ пшеницы выбирашь! »... примолвилъ Палѣй.

« Да, да! Ляховъ и Жидовъ рѣзашь!.. помогай Боже, помогай Боже! » сказалъ мужикъ, крестясь и кланяясь.

« Только смотрижь . . . ни гугу! » — примолвилъ Палѣй. — « Ни кому ни словечка, что видѣлъ ты меня съ моими дѣтками! »

« Хопь бы меня на крыжь (*) раскрыжовали, хопь бы вѣкъ горѣлки не пишь, хопь бы Жиду служипь, хопь бы бышь прокляшому, не скажу и опцу родному! » опцѣчалъ мужикъ. — « Ступай, бацько, куколь изъ пшеницы выбирашь! Богъ помочь! счастливый пущь! »

Палѣй махнулъ нагайкой, улыбнулся и поѣхалъ впередъ по дорогѣ, ведущей къ

(*) ш. е. на крестѣ распяли.

Днѣпру. Влѣво видна была вдали колокольня. Палый снова сворошилъ съ дороги и цѣликомъ поѣхалъ къ холмамъ, покрытымъ лѣсомъ. Черезъ часъ онъ выѣхалъ на холмъ и величественный Днѣпръ открылся его взорамъ. Бодрый спарикъ соскочилъ съ лошади и обернувшись къ своимъ казакамъ сказалъ : «Здѣсь, дѣшки, отдохните и покормите коней ! Огней не разводите и держашься въ кущѣ. Иванчукъ ! разспавъ насовыхъ вокругъ. Москаленко ! размѣсти коней по десяшкамъ , да осмотри все ли въ порядкѣ ! Грицько ! подай горѣлки и сала !»

Палый бросился подъ дерево, набилъ снова шрубку и спалъ вырубавъ огонь, мурлыча, про себя, извѣстную Украинскую пѣсню :

Ой, кто въ лѣсѣ
Опозовися !
Выкрешимо огня,
Попягнемо люльки,
Не журися !—

Иванчукъ , былъ пошъ самый старый Эсауль , который спасся бѣгствомъ изъ Башурина , когда его увѣдомили , что Огневикъ захваченъ въ Гепманскомъ дворцѣ.— Зная хорошо характеръ Мазепы , Иванчукъ былъ увѣренъ , что ему не миновать участи Огневика , а потому , для увѣдомленія Палѣя о случившемся , заблагодарасудилъ опривипься къ нему немедленно , не ожидая окончанія переговоровъ . Москаленко , молодой казакъ , ѣхавшій рядомъ съ Иванчукомъ , былъ Сопникъ въ вольницѣ Палѣевой . Только одинъ Палѣй зналъ его настоящее прозваніе , которое молодой Сопникъ скрывалъ предъ всѣми . По мѣсту его родины , по Москвѣ , Палѣй прозвалъ его Москаленкомъ . Онъ былъ сынъ одного изъ Спрѣлецкихъ старшинъ , казненныхъ за буйное сопротивленіе волю Пепра Великаго . Двое старыхъ Спрѣльцовъ , успѣвъ спасись бѣгствомъ изъ Москвы , взяли съ собой сына своего начальника , юнаго Лавреншья , и

чрезъ Польшу пришли въ Запорожье, гдѣ Лавреншій пріучился къ военному ремеслу, не забывъ грамопы и нѣкопорохъ свѣдѣній въ Исторіи и Географіи, пріобрѣтенныхъ имъ въ родипельскомъ домѣ, опѣ спараго монаха Законоспасскаго монастыря. На двѣнадцатомъ году опѣ рожденія, прельспись славою Палъевой, Лавреншій упросилъ Кошеваго Ашамана Запорожцевъ, Гордѣенку, оппустилъ его въ службу къ вождю Украинской вольницы, и уже при года служилъ при немъ, опличаясь храбростью, распорочностью и пламенною привязанностью къ Палю, копорый любилъ его за сіе, какъ родное дитя, почти такъ какъ Огневика. Иванчукъ вскорѣ возвратился, и Палѣй позвалъ его и Москаленку позавтракать съ собою.

Грицко распламалъ коверъ на правѣ, поставилъ деревянную, обшпаную кожей, баклагу съ водкой и кошель, въ копоромъ были сухари, и свиное сало любимая пища

Украицевъ. Палѣй перекрестился, выпилъ порядочный глотокъ водки, вынулъ изъ за пояса кинжалъ, опрѣзалъ кусокъ сала, взялъ сухарь и, зачесавъ пальцами длинные свои усы, спадъ завпракашъ, подвинувъ кошель къ своимъ собесѣдникамъ, копорые присѣли возлѣ ковра. Между шѣмъ казаки подвѣшивали конямъ шорбы съ овсомъ.

Не взирая на то, что дружина Палѣева называлась вольницей, она рабски повиновалась волѣ своего начальника. — Во время похода Палѣй запрешилъ казакамъ возишь съ собой водку, и вообще предаваться пьянству, и сколь ни склонны были къ сему его подчиненные, но не смѣли прешупить запрещенія, зная что жестокое наказаніе постигнетъ виновнаго. Съ жадностью поглядывали казаки на баклагу, споявшую предъ Палѣемъ, и казалось, поглощали ее взорами.

«Грицко!» сказалъ Палѣй: — «дай по доброй чаркѣ горѣлки дѣткамъ!» — Грицко

снялъ двѣ большія баклаги съ вьючной лошади, вынулъ изъ мѣшка мѣдную чарку, величнной съ пивной спаканъ и перевѣсивъ баклаги чрезъ оба плеча, пошелъ къ шолпѣ и спалъ подчивающъ усатыхъ дѣпокъ Палѣевыхъ, копорые какъ будто пробудились опть запаха водки, и спали прыгать и подшучивающъ вокругъ Грицка.

Позавпракавъ, Палѣй обперъ усы рукавомъ своего куншуша, помолился, снова закурилъ прубку и велѣлъ подозвающъ къ себѣ Жида, копорый споялъ во все эпо время ни живой ни мершвый, подъ деревомъ, оглядываясь изъ подлобья. Жидъ подошедъ къ Палѣю, бросился ему въ ноги и не могъ ничего сказать опть спраха, а полько завопилъ жалобио: «Ай вей, ай вей!» —

«Панъ Дульскій подослалъ шебя узнать, что я дѣлаю и можно ли напасчь на меня въ расплохъ, въ Бѣлой Церкви. — Жаль мнѣ, что ты не получишь обѣщанныхъ

шебѣ опть него пяпидесяти червонцевѣ, попому чпо я самѣ повезу къ нему вѣспи, копорыя онѣ поручилѣ шебѣ собрашь обѣ насѣ, своихѣ добрыхѣ пріятеляхѣ! Но какѣ шы не спанешѣ съ нами вѣспѣ свинишы, воевашѣ не умѣешѣ, а плуповашѣ хошѣ бы радѣ, да мы не хошимѣ, по мнѣ нечего дѣлашь съ шобой и я рѣшилѣ опправиль шебя на привольѣ, гдѣ у шебя будешѣ рыбы вдоволь, хошѣ не вѣшь, а воды сполько, чпо шы можешѣ надѣлишь всѣхѣ шинкарей, копорыя разводяшь ею горѣлку. — Дѣпки, въ Днѣпрѣ Іуду!»

Споявшіе вблизи казаки, копорыя закусывая слушали съ примѣпнымѣ удовольствіемѣ рѣчь своего вождя, бросились на Жида, какѣ волки на паршивую овцу, опгнанную опть спада, и съ хохошомѣ и приговорками пошацили его къ рѣкѣ.

«О вей!» закрнчалѣ Жидѣ: «ясневельможный пане, выслушай! я шебѣ скажу. . . большое дѣло. . . важное дѣло. . . весь-

ма пайное дѣло.... только помилуй.... пожалѣй жены и сиротъ!»

«Я не папъ и даже не шляхтичъ, а простой казакъ Запорожскій,» сказалъ Палѣй: «однакожь выслушайте меня гоповъ. Постойте дѣтки! Ну говори, что ты знаешь важнаго?»

«А если скажу, то помилуешь ли меня?» спросилъ Жидъ, дрожа и плача. — «Я бѣдный жидокъ и долженъ былъ сдѣлать что велишь панъ, у меня бѣдная жена и четверо дѣтокъ.... Они помрутъ безъ меня съ голоду.... Прости! Помилуй!» — Жидъ слова бросился въ ноги Палѣю и зарыдалъ.

«Такъ это-то швое важное и великое дѣло!» возразилъ Палѣй. — «Жизнь швоя, жена и дѣти важны для тебя, а не для меня. Изъ швоихъ малыхъ жиденковъ будешь такіе же большіе Жиды — плушны какъ и ты, а вѣдь кому висѣшь шопъ не упонешь, а кому шонуть шого не повѣсятъ! Одинъ конецъ.... въ воду его!...»

Казакѣ снова пошацили Жида къ рѣкѣ. «Ясневельможный пане!» возопилъ Жидъ: «ты не выслушалъ меня... я не успѣлъ сказаць тебѣ важнаго дѣла... постой!... выслушай!...

«Подайше его сюда,» — сказалъ Палѣй. «Ну говори, что ли?»

«А помилуешь ли меня,» возразилъ Жидъ, шрепеща оцѣ ужаса: «оставишь ли мнѣ жизнь?... Я ничего не прошу, только не убивай, не бросай меня въ воду!»

«Что ты, проклятый Иуда, шорговашься со мною хочешь, какъ въ корчмѣ, что ли!» воскликнулъ Палѣй грозно. — Говори, или я заспаваю тебя говоришь вопъ эшимъ!» примолвилъ онъ, пошряся нагайкой.

«Изволь, ясневельможный пане, я скажу тебѣ всю правду,» опвѣчалъ Жидъ морщась и закрывъ глаза при видѣ нагайки. «Къ нашему пану и Князю Дульскому, прѣехала его родшвенница изъ Варшавы,

Княгиня Дульская, у которой первый мужъ былъ Князь Вишневецкій. Сказывающъ, что панъ Гепманъ Мазепа хочеть женишься на ней, и это слышалъ я отъ гайдука пани Княгини, а гайдуку сказывала первая служанка пани Княгини. Вотъ ровно недѣля въ прошлый шабашъ, прѣхалъ изъ Бапурина къ нашему пану Ксензь Іезуишъ и привезъ много бумагъ, а панъ нашъ да еще другіе паны цѣлую ночь читали эти бумаги, радовались, пили, поздравляли Княгиню, и отправили панскаго конюшаго къ новому Королю. . . . Такъ видно, что тушь дѣло пребольшое, когда самъ панъ Гепманъ Мазепа пишеть къ панамъ, которые держатъ сторону новаго Короля, а новый Король непріятель Московскаго Царя, которому служить панъ Гепманъ Мазепа. . . . Ну вотъ это дѣло важное! . . . Помилуй меня бѣднаго Жидка, ясневельможный пане! Сжался надъ моими бѣдными дѣшками, надъ моею же-

ною!» Жидъ снова зарыдалъ и бросился въ ноги Палью! — Казаки съ трудомъ оптащили его на сторону.

Палый задумался. Помолчавъ нѣсколько онъ взглянулъ на Иванчука и сказалъ: «проклятые Жиды, какъ они смышлены! Смотри пожалуй, какъ эпошь Гуда догадивъ! Прибывшій къ Дульскому Іезуишь вѣрно Паперъ Заленскій; о копоромъ ты говорилъ мнѣ, Иванчукъ. Про любовную связь Мазены съ Дульской я давно уже слышалъ. А эта переписка, прибытіе Дульской въ эту сторону... вооруженіе приверженцовъ Станислава на Украинской границѣ, все это мнѣ что-то весьма подозрительно! — Узнаемъ скоро всю правду! Ну Жидъ, если нечего болѣе говоришь, такъ спунай-ка на шабашъ, въ Днѣпръ!»

Казаки снова ухватились за Жида, но Москаленко пронулся его жалкимъ положеніемъ и сказалъ Палью: — «Башько! пропусти этого несчастнаго: помилуй опца се-

мейспва, ради важности сообщенныхъ имъ новоспей. . . .»

Палый однимъ грознымъ взглядомъ прескъ рѣчь молодого человѣка. « Я никогда не прощаю и никогда не милую измѣнниковъ и шпионовъ! Понимаешь ли, нѣженка! Чпо шупъ общаго между Жидомъ и его новоспями? Эпо шоже, если бъ я купивъ коня, берегъ слѣпня, кошорый впился въ него. . . . Въ воду его, дѣшки!» —

Казаки подхвапили Жида на руки, завязали ему ротъ кушакомъ и понесли на берегъ. — Разъ . . . два . . . три!» прокричалъ одинъ изъ казаковъ. . . . Плескъ раздался въ водѣ и Жидъ, брошенный съ размаху въ рѣчку, кинулъ на дно, какъ камень. — « Вѣчный шабашъ!» закричали казаки. Гулъ повпорилъ ихъ хохощъ.

Между пѣмъ Палый сидѣлъ въ задумчивости, не обращая вниманія на происходившее вокругъ него, курилъ свою корошкую шрубку и поглаживалъ усы.

« Послушай, Иванчукъ! » сказалъ онъ наконецъ, успавивъ на него быспрый взглядъ: « я чпо-шо выдумалъ, и если дѣло удасшся мнѣ, то проклятый Мазепа съѣсть грибъ! . . . Онъ оспановился, смопрѣлъ неподвижными глазами на Иванчука и задумался. Трубка его перестала куришься, но онъ сосалъ чубукъ и шевелилъ губами, будшо пуская дымъ.

« Слушаю. » Сказалъ Иванчукъ. Палѣй молчалъ и не перемѣнялъ положенія.

« А чпо же ты выдумалъ, бапъко? » при-молвилъ Иванчукъ, взявъ за руку Палѣя и пожавъ ее сильно.

« Чпо бишь я сказалъ? Да, да! Вопъ чпо я выдумалъ! » сказалъ Палѣй. « Лука-вый Мазепа замышляешъ чпо-то не доброе! Научившись у Иезуишовъ хипроспей, а у Дорошенки измѣны, Мазепа, эпопъ Лашинской змѣй, не пропустишь тепе-решяго случая, чпобъ не воспользовапъся враждою четверыхъ Царей. Служишь

онъ Петру, а въ дружбѣ съ Польскими при-
верженцами Спанислава, копораго сажаешь
на пресполь Шведскій Король. Я хочу
вывести пріятеля на чистую воду! Ты,
Иванчукъ, съ полушорой сошней молод-
цовъ, выступи въ поле, покажись въ ок-
рестностяхъ замка пана Дульскаго, вы-
мани въ погоню за собой шляхшу. копо-
рая собралась у него, а я, съ Москален-
кой и съ оспальными пяпидесятью удаль-
цами, ударю ночью на замокъ, возьму его,
захвачу невѣсту или любовницу Мазепы,
Дульскую, поймаю Іезуипа, возьму ихъ
бумаги и заспаваю и Папера и бабу при-
знашься во всемъ. Дульскую вымѣняю пош-
часъ на моего Огневика, а Іезуипа съ
бумагами, если въ нихъ есть что важнаго,
опшравлю къ Царю, а если нѣтъ то на
осину Папера и — дѣлу конецъ!... Какъ
ты думаешь объ этомъ?»

«Дѣло хорошее,» опвѣчалъ Иванчукъ,
снявъ шапку, и пригладивъ свою чуприну;

« дѣло хорошее, только слишкомъ опасное. Панъ Дульскій укрѣпилъ свой домъ валомъ и пушками; народу у него вдвое болѣе нашего, такъ мы можемъ напикнуться на бѣду, а все это, право не спойшь того, чшобъ ты, бацько, шелъ почти на вѣрную смерть! . . .

« На вѣрную смерть! » воскликнулъ Палей. « Вѣрно то, что каждому должно умереть а гдѣ и какъ, это, браць, у всякаго на роду написано и знашь намъ не дано. Ты говоришь что дѣло не спойшь того, чшобъ подвергаться опасности. Не такъ бы ты запѣлъ, когда бы вмѣсто Огневика сидѣлъ шеперь въ шюрмѣ, въ цѣпяхъ! Тебѣ, видно, дорога только швоя сѣдая чуприна, Иванчукъ! » примолвилъ Палей гнѣвно: — « Всѣ вы помышляете только о себѣ. . . . »

« Помилуй, бацько! » — возразилъ Иванчукъ: « Я совсѣмъ не думалъ объ Огневикѣ, говоря это. Я думалъ объ тебѣ, про швою

дорогую для насъ жизнь, полагая, что Иезуишь и бумаги Мазепины не спояшь шого.» . . .

« Чоршь побери всѣхъ Иезуишовъ и всю вашу безполковую грамошу, копорую я ненавижу на смерть!» — сказалъ Палъй, ударивъ своею прубкою о землю. — «Все это дѣло пошороннее, а главное мой Огневикъ, копораго я люблю болѣе, нежели родное дѣщище. Будь онъ свободенъ, а я, пожалуй, опдамъ Мазепъ и Иезуишовъ его, и любовницъ, и бумаги, и всѣхъ пріятелей его, Польскихъ пановъ, панизавъ ихъ на веревку, какъ сѹшеную шарань! — Ты мало знаешь Огневика, Москаленко! Послушай, я тебѣ расскажу, какъ мнѣ далъ его Богъ. Когда я былъ еще въ Запорожьѣ, лѣтъ двадцать пять передъ этимъ, мы ходили, однажды, на промысель, въ Польшу, чтобъ проучишь пановъ за то, что они перевѣшали съ полсотни нашихъ казаковъ, поймавъ ихъ на ярмаркѣ, гдѣ они немножко пошалили, и

кажешся зажгли какое-то грязное жидовское мѣстечко, вѣрно для просушки. Похозяйничавъ порядочно въ панскихъ дворахъ, мы послали добычу впередъ, а сами возвращались въ Запорожье малыми вапагами, чѣтобъ Ляхи не знали за кѣмъ гнапьяся. Переправившись съ моей вапагой чрезъ Бугъ, я наѣхалъ на мѣсто, гдѣ ночевали наши передовые. Это было на разсвѣтъ. Корчма догорала. Между дымящимися головнями было нѣсколько жидовскихъ шруповъ и подусторѣвшій берлинъ какого-то проѣзжаго пана, который, на бѣду свою, попалъ на ночлегъ въ эту корчму. Вокругъ все было дико и пусто, только подъ лѣсомъ выла собака. Я слѣзъ съ лошади, закуришь шрубку, и вдругъ мнѣ послышался крикъ ребенка. Я послалъ казаковъ опыскашь его, и они, подъ лѣсомъ, нашли ребенка, надъ копорымъ выла собака. На ребенкѣ была тонкая рубашка, золотой образъ Богоматери и шелковой каф-

панчикъ. — Ему было не болѣе году ошъ роду, и онъ чупъ былъ живъ ошъ холода и голода. — Казаки хопѣли, для забавы, бросишь мальчика въ огонь, чшобъ полюбовашься, какъ будешъ жаришься. Ляшенокъ, но онъ пакъ жалоспно кричалъ и пропягивалъ ко мнѣ рученки, чшо я не даль его на пошѣху казакамъ, а завернулъ въ свой кобенякъ, накормилъ самамашой, и привезъ съ собою въ Запорожье. Казаки смѣялись надъ моею добычей, но мнѣ не хопѣлось уже распашься съ мальчикомъ. Я ошвезъ его на хупорѣ, къ женѣ, и вельдѣ вскармливалъ вмѣспѣ съ моими дыньми. Я окрестилъ его въ Русскую Вѣру и прозвалъ Огневикомъ, въ памянь шого, чшо я нашель его при огнѣ и спасель ошъ огня. Когда мальчикъ подрошь, я самъ выучиль его казачьему дѣлу, и онъ былъ со мной въ нѣсколькихъ набѣгахъ на Крымъ и на Ляховщину, и опличился храброспью въ шапкахъ дѣпахъ, когда другіе едва въ

силахъ насни шабуны. Наконецъ я раздумалъ, что мнѣ со временемъ, будетъ нуженъ грамотный человекъ, и рѣшился опдашь его сперва въ Кіевкую школу, а послѣ въ Винницу, къ Іезуитамъ, чтобъ они научили его Польскому и Лашинскому нисьму. Иванчукъ скажешъ тебѣ, что ни у Царя, ни у Королей нѣтъ шакого писака, какъ мой Огневикъ, а на конѣ съ саблей и съ пикой — ты видашь его самъ. Я надѣялся скоро.... Но что шупъ говорить! Злодѣй Мазепа, какъ будшо опорвалъ половину моего сердца, опнявъ у меня Огневика! Во что бы ни спало, а я выручу его изъ Мазепиныхъ клещей! если же онъ зарѣжешъ его, то вопъ эшимъ кулакомъ пробью грудь нечестивому, и испоргну у него внутренность, вмѣспѣ съ злобною душою! Эпопъ предапель не спойшъ того, чтобъ на немъ марапъ клинокъ моей сабли! «.... Глаза Палвѣ налились кровью, краска выступила на блѣдномъ ли-

цѣ, уста дрожали и кулаки сжимались: онъ былъ въ сильномъ припадкѣ гнѣва.

«Онъ не посмѣетъ убишь Огневика,» сказалъ Иванчукъ въ усюкоеніе Палѣя.

«Не посмѣешь!» возразилъ Палѣй: «не посмѣлъ бы онъ явно, такъ, какъ не смѣетъ напасть на меня — во Мазепино оружіе: ядъ и кинжалъ. Откладываясь нечего и надобно порониться освободить Огневика!»

«Я гошовъ на все, что прикажешь!» — сказалъ Иванчукъ.

«Дѣло мы поведемъ опважно, а припомъ и оспорожно,» примолвилъ Палѣй: «какъ только ты увидишь за собой погоню, Иванчукъ, то веди ее къ Днѣпру, и переправясь въ лѣсномъ мѣстѣ, оспановись. Ляхи не посмѣютъ идти за побой на Русскую сперону, а ты, между тѣмъ перейди опять на эшотъ берегъ, и другою дорогою поспѣшай ко мнѣ, на выручку, такъ, чшобъ Ляхи не замѣпили швоего похода.

Я нападѣ ночью на замокъ Пана Дульскаго и что будешь, по увидимъ завтра, на разсвѣтъ! — Не даромъ Русскіе говорятъ: упрѣ вечера мудренѣ!» —

Замѣшивъ, что лошади уже съѣли кормъ, Палый вспалъ съ своего мѣста и сказалъ: «Дѣшки! напоите коней, осмотрите ружья — и впередъ! Пора на работу!» — Казаки бросились къ лошадямъ.

Черезъ часъ казацкая вапага уже шла по дорогѣ, въ успройствѣ и въ боевомъ порядкѣ, а малый отрядъ, при копоромъ былъ самъ Палый, на рысяхъ прошелъ степью въ сторону и скрылся въ лѣсу.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ.

I.

Когда вокругъ тебя, средь вѣтреныхъ пировъ
Веселья пошлаго морозный блескъ мерцаетъ,
Вельможа и богачъ и свѣтлыхъ мотыльковъ
Ничтожный, пестрый рой докучливо мелкаетъ, —
Ты помнишь ли, что тамъ, какъ жребій надъ тобой,
Угрюмъ иль радостенъ, твой рабъ иль повелитель,
Змѣей иль голубемъ, духъ злой иль добрый твой,
Повсюду бодрствуетъ въ толпѣ незримый зритель.

II.

Твой другъ, — когда по немъ душа твоя болитъ, —
Наполнить для тебя весь Божій міръ любовью,
Мечтами райскими твой сонъ обворожить,
Какъ духъ мелодіи приникнетъ къ изголовью;
Далекой области могучій властелинъ,
Въ вѣщицъ рубиновомъ и въ огненной порфирѣ,

Тебѣ предстанетъ онъ таинственно — одинъ,
Въ чертогахъ радужныхъ, въ лазоревомъ зѣнрѣ.

III.

Въ глухую ночь время съ тобой проникнетъ онъ;
Тебѣ въ хаосъ ихъ покажетъ царствъ паденье,
И то, чѣмъ чловѣкъ столь жалко ослѣпленъ —
Въ пучинѣ тлѣнности, въ когтяхъ униженья!
Онъ тайны чудныя Царю морскихъ валовъ
Открыть въ коралловыхъ дворцахъ тебѣ прикажетъ;
Тебѣ въ утробѣ горъ, подѣ стражею духовъ,
Міровъ исчезнувшихъ сокровища покажетъ.

IV.

Къ садамъ надоблачнымъ восхититъ онъ тебя,
Туда, гдѣ отъ любви сердца не увядаютъ,
Гдѣ гнѣзда Ангеловъ, надъ моремъ бытія,
Въ шипкахъ небесныхъ розъ, — въ рубинахъ звѣздъ
сіяютъ.

Но, если свѣтскою прельстившись суетой,
Ты не поймешь меня и для высокой страсти
Закроешь грудь свою, — страшись! я недругъ твой:
Тебя подавить гнѣтъ моей волшебной власти! . . .

V.

Твой умъ, твою красу, какъ злобный демонъ, я
Тогда оледеню своей усмѣшки ядомъ ;
Въ толпѣ поклонниковъ замреть душа твоя ,
Насквозь пронзенная моимъ палящимъ взглядомъ ;
Тебя въ минуты сна мой хохоть ужаснетъ ;
Онъ искры красныя вокругъ тебя разсѣветъ ;
Рука свинцовая дыханье перерветъ ;
Мертвящій сердцемъ хладъ подъ нею овладеетъ.

VI.

Съ тобой я въ дикій боръ, какъ вихрь, перенесусь :
Вкругъ сердца огненной опутаюсь змѣею ;
Въ него, въ твои уста медлительно вопьюсь ;
Грудь сладострастною воспламеню мечтою, . . .
Но тщетно знойныя желанья закипятъ !
Больной души моей жестокое томленье,
Отрава ревности, напрасный страсти адъ
Наполнять грудь твою въ минуту пробужденья!...

В. Тепляковъ.

КЪ * * *

Молодая ученица
Беззаботнаго житья,
Буйныхъ праздниковъ пѣвица,
Муза рѣзвая моя,
Ярки очи потушляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вамъ:
Это даръ ея заздравной,
Вашей музѣ благонравной,
Вашимъ сладостнымъ стихамъ.

Прелесть вашихъ пѣснопѣній
Въ неземное бытіе,
Въ рай чистѣйшихъ вдохновеній
Заманила вновь ее.
Этотъ міръ восторговъ дивныхъ
Тихихъ, тайныхъ, заунывныхъ,

Независимо-живой;
Вами пламенно воспѣтый,
Міръ, гдѣ нѣжатся Поэты
Недовольные землей.

И она его знавала
Тамъ, подъ небомъ прошлыхъ дней;
И она его пѣвала
Ради братій и друзей,
Громко ей, рукоплескавшихъ,
Ей радушно повѣрившихъ
Чувства юныя свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этотъ міръ полнѣй и краше
Чѣмъ житейскій; но его
Утопилъ я въ шумной чашѣ
Просвѣщенья моего; —
И въ раздольи нашихъ оргій
Молодецкіе восторги
Муза рѣзвая моя
Непритворно полюбила:

Молодую соблазнила
Воля вольнаго життя.

Съ той поры она гуляла,
Наслаждаясь на обумъ,
Словно прежде не знавала
Скромныхъ чувствъ и лучшихъ думъ....
Прелесть вашихъ пвенопвнй
Жажду чистыхъ вдохновенй
Пробудила снова въ ней;
И красавицъ удалой
На гульбицъ грустно стало:
Жаль невйности своей!

Н. Языковъ.

КЪ *

Не горюй по лѣтнимъ розамъ;
Вѣрь мнѣ, чудень Божій свѣтъ!
Зимнимъ выюгамъ и морозамъ
Рады заяцъ да Поэтъ.
Для меня въ безпечной лѣни,
Какъ часы ночнаго сна,
Протекли безъ вдохновеній
Осень, лѣто и весна.
Но лишь гудкія мятели
Въ снѣжномъ полѣ заревутъ,
И въ пушистыя постели
Зайцы робкіе уйдутъ,
Пѣсенъ дѣва молодая
Въ бурѣ мнѣ привѣтъ пришлетъ,
И привѣту отвѣчая,
Что-то въ сердцѣ запоетъ.

Хомяковъ.

ОРЛЫ.

СТАРЫЙ ОРЕЛЬ.

Скажи мнѣ, юный и могучій,
Летающій превыше тучи,
Ширококрылый царь лѣсовъ,
Куда на гибельный свой ловъ
Ты улетаешь? Лѣса и горы
Отъ запада и на восходъ
Я облетаю; по твой полетъ
Не зрѣли царственные взоры, —
И въ грудь закралась мнѣ печаль!
Съ тоской я думалъ: не страдалъ
Презрѣннѣйшаго челоуѣка
Твой путь воздушный прервала?

МОЛОДОЙ ОРЕЛЬ.

Чтобъ челоуѣкъ . . . О, нѣтъ! отъ вѣка
Ни смертоносная стрѣла,

Ни мысль его тамъ не была,
Куда одинъ восторгъ небесный,
Убийцамъ робкимъ неизвѣстный,
Возносить мощнаго орла. —
На кедрѣ мшистомъ и высококомъ
Уединенно я сидѣлъ,
И далеко орлинымъ окомъ
На землю дивную глядѣлъ.
Передо мною волновались,
Шумѣли темные лѣса,
За ними горы возвышались,
Вверху сіяли небеса,
Внизу же рѣки протекали, —
И все такъ ясно отражали —
И зелѣющійся лѣсъ,
И горы, и лазурь небесь...
Вдругъ мысль зажглась въ груди орлиной
Взлетѣть, высоко взлетѣть
И все, все царски обозрѣть
Единымъ взоромъ, въ мигъ единый.
Мнѣ горный воздухъ душень сталъ,
Вблизи земли мнѣ тѣсно стало...
Отъ мысли той вся кровь взыграла,
Я обомлѣлъ, затрепеталъ,

И въ небо ринулся... Отъ взора
Земля съ своею красотой
Все удалялася и скоро
Совсѣмъ исчезла подо мной.
И долго выше тучи бурной,
На солнце очи устремивъ,
Париль я въ области лазурной
Могучь, свободенъ и счастливъ.
Я думалъ: какъ ничтожны, тѣсны
И горы наши и лѣса,
И какъ прекрасенъ сводъ небесный,
И какъ обширны небеса!
Я думалъ: здѣсь, въблизи денницы,
Нельзя ль гнѣздо мнѣ въ тучахъ свить,
И въ немъ, съ молодой моей орлицей
Птенцовъ орлиныхъ выводить!

А. Комяровъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА.

« Я не буду распроспраняться, не буду искашь, выбирашь выражений. И проспой разсказь сего періода моей жизни едва ли не испоципшь силъ моихъ. Слушайте!

« Вы помните, думаю, что я, сообщая вамъ испорію свою, умолчалъ о десяти годахъ моей жизни; вы помните, что я вамъ говорилъ о нежеланіи моемъ вступишь въ духовнос званіе. Я умолчалъ тогда объ испинной причинѣ моего опшказа: причина сія была любовь. Любовь — чувство благороднѣйшее, святѣйшее изъ всѣхъ вложенныхъ Творцемъ въ сердце человѣческое, — чувство, которое, какъ по всему

видно, спановипся въ свѣптъ рѣже и рѣже; копорое вскорѣ будептъ пылаптъ въ сердцѣ только немногихъ избранныхъ, а прочимъ извѣспно будептъ только по сказаніямъ минушаго вѣка. Преданія и развалины священной спарины, завѣспы родительскіе, игры дѣпскихъ лѣспъ, мечпанія юношескія— все это испребляепся плепворнымъ дыханіемъ эгоизма, власполюбія и алчноспи къ злапу — все поглощаепся пакъ называемою полипикою, равенспвомъ, свободою — какъ цвѣспущіе города и поля покрываюпся испребипельною лавою, соспавляющею на нихъ, по охладѣннн, ровную поверхность. Мы мечпали, мы любили, мы блаженспвовали! Вы еще видипе закаптъ пгого свѣспила, копорое лучами своими живило мнръ поэпическій, волшебный. Близкіе наши попомки спануптъ чппаптъ въ книгахъ повѣсптъ о бывшемъ, незнакомомъ имъ вѣкѣ Аспреи: одни не будуптъ вѣрпшь, чпобъ онъ когда-либо сущеспвоваль; дру-

гіе спанупъ осыпанъ его насмѣнками и презрѣніемъ. Едва ли немногіе избранные будутъ пипать въ сердцахъ огонь священный. Но, можетъ быть, все клонится къ лучшему — только не для насъ, запоздалыхъ въ міръ гостей изъ прошлаго вѣка!

Вы знаете, что я учился въ Павіи. Я учился прилежно, неупомимо, спраспно. Особенно занимала меня древняя Липерашура, преимущественно Греческая, занимала не сполько важностію своихъ произведеній, сколько священнымъ благоговѣніемъ, возбуждаемымъ во мнѣ помыслами о юныхъ дняхъ міра, о свѣжей жизни Элиновъ. Мнѣ недовольно было книгъ печатныхъ: я списывалъ ихъ на свипкахъ, спараясь поддѣлаться подъ самую древнюю скоропись; стихи Гомера писалъ усщавомъ, по образцамъ, оспавшимся на памяпникахъ и медаляхъ. Профессоръ мой любилъ, и опличалъ меня за это предпочтеніе къ его предмету, но не могъ заняпться мною ис-

ключительно. Онъ познакомилъ меня съ своимъ бывшимъ училелемъ, осьмидесятилѣтнимъ Иезуитомъ, копорый, опслуживъ въ Профессорской должности пятьдесятъ лѣтъ, посвящалъ оспальные годы жизни своей изученію любимаго предмета. Онъ жилъ уединенно, въ предмѣстїи города. Я приходилъ, когда могъ удосужиться, къ почтенному старцу, и чилалъ съ нимъ Орапоровъ и Поэшовъ Греческихъ. Вскорѣ увидѣлъ я, что нашелъ кладъ въ эптомъ старикѣ: онъ любилъ древнюю Грецію до испуленія, и, какъ я слышалъ, за это спраспное обожаніе языческаго времени и народа, былъ съ самой молодости припѣсяемъ начальниками свего Ордеца. Его упопреляли, какъ знающаго и искусстваго Профессора, приносящаго честь Обществу Св. Игнасія, но не давали ему ходу въ Иерархїи: онъ всегда оспавался простымъ монахомъ. Это спѣшеніе опнюдь не огорчало его; напрошивъ, онъ радовал-

ся, что занятія духовныя не мѣшали его любимымъ упражненіямъ. Жизнь опшельническая и непрерывное занятіе ума однимъ и тѣмъ же предметомъ — неминуемо должны спвоавали подѣйспвоавать на его душевныя силы: онъ дѣйспвипельно помѣшался на Греческомъ языкѣ, утверждалъ, что нашелъ истинное Греческое произношеніе, и открылъ наспоющую мелодію древняго напѣва Эллиновъ. Можно вообразить, какъ онъ обрадовался, найдеть во мнѣ ученика прилежнаго и спраспнаго. Я проводилъ у него цѣлыя упра. Спарикъ съ воспоргомъ сообщалъ мнѣ свои правила, наблюденія и открытія, но иногда, въ срединѣ рѣчи, оспанавливался, приеспально спопирѣлъ на меня, и сказавъ со вздохомъ: жаль! обращался опять къ любимому предмету. Я былъ бы еще вдвое прилежнѣе, если бъ одна мечта не опвлекала меня отъ древней Эллады. Въ одно Воскресенье, я замѣпилъ, въ Лезуишской церкви, молодую,

F. Risf.

небогато одѣвшую дѣвицу, молившуюся съ выраженіемъ глубокаго чувства. Она спояла на колѣняхъ, обращая къ главному алтарю. Сначала не могъ я увидѣть ее въ лице: гибкій спайъ, лебединая шея, херувимская головка — все обличало въ ней красавицу. Я пропѣснился къ ней съ боку, и ждалъ окончанія молитвы. Незнакомка приподнялась и обратилась къ образу, висѣвшему въ той сторонѣ, гдѣ я споялъ. Обликъ ангела, взглядъ праведницы, слезы Христіанскаго умиленія — поразили меня. Я едва не закричалъ, чуть не упалъ, и только удержался за перила ограды. Легкое дымчатое покрывало спустилось на прелестное лице. Дѣвица, преклонивъ еще разъ колѣни предъ главнымъ алтаремъ, пошла изъ церкви, сопровождаемая другою женщиною. Я не смѣлъ слѣдовать за нею. Неизвѣстная дополь, новая жизнь возникла въ душѣ моей: всѣ предметы облеклись въ глазахъ моихъ радужными цвѣтами; въ глазахъ всѣхъ

женщинъ искалъ я, чего — и самъ не зналъ, искалъ выраженія лица незнакомки. Я искалъ и ея самой, но напрасно. Въ церкви она не являлась. Впрочемъ, какъ ни желалъ я увидѣть ее еще разъ, какъ ни горѣлъ неперпѣнїемъ узнать, кто она — душа моя довольствовались воспоминанїемъ: она явилась лицомъ божественнымъ, явившимся на минушу, и заронившемъ въ ней искру вѣчнаго огня. И разумокъ говорилъ мнѣ, что я не долженъ доискиваться того, что благодѣтельное Провидѣнїе, можетъ быть съ умысломъ, отъ меня скрываетъ: пусть одна душа наслаждается тѣмъ, что для души создано! Мечпанїя юныхъ лѣтъ! Но спѣишь ли вся оспальная существенная жизнь наша сихъ мгновенныхъ мечпанїй? — Мысль о незнакомкѣ наполняла меня всего. Я учился и занимался прилежно по прежнему, но только механически: всѣ Греческія буквы старинныхъ манускриптовъ казались мнѣ обведенными красною каемкою;

только тѣ мѣста классиковъ занимали меня, гдѣ шла рѣчь о женщинахъ. Эпихъ женъ, эпихъ дѣвъ юной Эллады, думалъ я, давно уже нѣтъ въ мірѣ: пакъ и моя мечта сущесшвуетъ для меня только въ воображеніи. Мой наславникъ спалъ замѣчательную мою разсѣянность, невнимательность, забывчивость, и видимо эпимъ огорчался. Онъ началъ, сперва спороною, а потомъ и прямо, упрекать меня въ небреженіи, въ холодности къ великому предмету изученія Древности. Я пыпался было возобновить въ себѣ прежнее рвеніе къ любимой наукѣ, но оно улетѣло невозвратно. Наконецъ рѣшился я сказать почтенному спарцу, что сухость предмета нашихъ занятій убила во мнѣ всю охоту къ ученію, и что молодому человѣку нѣтъ возможности долго заниматься изслѣдованіемъ мерпваго языка. — «Мерпваго!» вскричалъ оскорбленный спарець; «мерпваго! Сынъ мой! что ты сказалъ? — Мерпвы

шьолько шѣ языки, копорыми человекъ выражаетъ свои земныя нужды и спрасши. Но языкъ Греціи — языкъ Платона и Демосѣена, Гомера и Софокла — языкъ Божественнаго Ошкровенія — шы называешь мершвымъ! Онъ живъ, какъ живо солнце Адама!» — Я извинилса въ неоспорожномъ выраженіи, но присовокупилъ, что подробное изученіе споль великаго предмета превосходитъ мои силы. «Твои силы!» воскликнулъ онъ: «швои силы! У тебѣ силы ашлепа, у тебѣ памяшь желѣзная, у тебѣ — довольно! Я докажу тебѣ, что ненужно исполинскихъ силъ, ненужно упоминельныхъ занятій для посшиженія предмета, если мы шолько обнимемъ его душею. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, когда смеркнешся. Тенерь спупай, подумай на свободѣ о неразуміи словъ своихъ, и — принеси чистое покаяніе! Неужели я ошибса! Неужели одна — спупай съ Богомъ, сынъ мой!» Последнія слова произнесъ онъ

дрожащимъ опъ душевнаго волненія голо-
сомъ. Мнѣ жаль спало почтеннаго спар-
ца. Я повиновался : вечеромъ, лишь только
смерклось, отправился я къ нему, непер-
пѣливо желая знашь, чѣмъ онъ докажетъ
обязанность мою учисься Греческому язы-
ку. Онъ встрѣпилъ меня на порогъ дома:
ввелъ въ пріемную комнату, въ которой
не было свѣчь, велѣлъ мнѣ сѣсть въ углу
и молчашь, а самъ вошелъ въ кабинетъ,
не запирая за собою дверей, и только за-
дернулъ ихъ завѣсою. — « Продолжай, Ан-
пигона! » сказалъ онъ кому-то. Женскій
голосъ началъ чинашь Софоклова Эдипа въ
Колонъ, именно привѣспвіе хора несчаст-
ному слѣпцу. Невидимая чинала смѣло,
чисто, съ спротимъ наблюдениемъ размѣра.
Когда она кончила впорую анспирофу,
спарикъ попребовалъ объясненія нѣкто-
рыхъ спрудныхъ мѣспъ. Тотъ же голосъ
спвѣчалъ ему. За симъ началось пѣніе:
пріятнѣйшій женскій голосъ, какой когда-

либо раздавался подъ сводами неба Ипаліи, запѣль прочитанныя спрофы, на мелодію, вымышленную спарикомъ: онъ самъ дрожащимъ, невѣрнымъ голосомъ спалъ впо-ришь, и я перенесся мыслию въ глубокую древность, въ по судилище, которое, выслушавъ сіи стихи Софокла, опринуло до-ность неблагодарныхъ дѣшей, обвинявшихъ его въ безуміи. Когда упихло пѣніе спи-ховъ Эдипа, началось чпеніе прозы Демо-сеновой. Спарикъ оспанавливался на каж-домъ періодѣ, на каждомъ сомнительномъ словѣ, требовалъ объясненія, и получалъ его. Послѣ такого подробнаго разбора, потъ же голосъ женскій прочиталъ разобранные періоды по правиламъ декламации моего учишеля. Голосъ сей былъ пакъ же чиспъ и пріятень какъ прежде, но пѣжность и мягкость его уступили мѣсто величію и твердости. По окончаніи чпенія, раздался звукъ одобренія; спарикъ поцѣловалъ Эл-линиспку. Свѣтъ въ кабинетѣ исчезъ. Онъ

вышелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, подвелъ къ двери на улицу, и сказалъ торжественнымъ голосомъ: « Ты слышалъ, чего можешь достигнуть слабая женщина. Спы-дись. Теперь ступай съ Богомъ! » —

Голосъ невидимки проникъ глубоко въ мою душу, и сначала едва не изгладилъ изъ нея прежняго впечатлѣнія, произведеннаго зрѣніемъ. Но потомъ слились обѣ мечты, и я началъ воображать себѣ, что невидимая Анпигона была дѣйствительно неслышанная мною дѣвица. Эта мысль возбудила во мнѣ прежнее рвеніе къ Элинской Древности. Спарикъ видѣлъ чудесное дѣйствіе примѣра, и восхищался своею спрапагемою. Такъ неопытный Поэтъ радуется успѣху актрисы, чипающей его стихи, и приписываетъ произведенію своей фантазіи дѣйствіе прекрасныхъ глазъ! Но для меня оба мои идеала оставались идеалами: незнакомки я, по прежнему, не встрѣчалъ ни-гдѣ; невидимки не слыхалъ, ибо спарикъ

принималъ меня у себя лишь поупрамъ, въ своемъ отдѣльномъ кабинетѣ, сообщавшемся съ сѣнями посредствомъ пріемной залы: я никогда не видалъ у него никого посторонняго. Иногда слышались шорохъ и невнятные отдаленные голоса изъ жилыхъ покоевъ. По вечерамъ домъ его былъ неприспуненъ. Однажды я съ умысломъ забылъ у него книгу, и вечеромъ пришелъ за нею, но не могъ доспучаться. Упрямъ, видно — мой старикъ жилъ въ кабинетѣ ученаго, вечеромъ запирался въ кельѣ монаха. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, единообразныя занятія мои прерваны были поѣздкою къ дядѣ, въ Виценцу. Пробывъ тамъ недѣли двѣ, я воропился въ Павію, и пошчасъ по пріѣздѣ пошелъ навѣспить почпеннаго моего насавника. Двери его дома были запершы, по обыкновенію, но въ сей разъ я не могъ доспучаться. Спранно! подумалъ я: неужели никого въ домѣ не осталось? и опять на-

чалъ спучашь. Въ сосѣднемъ домѣ высунулась въ окошко спаруха, и съ недовольнымъ видомъ спросила, кого мнѣ надобно. — « Опца Валенпина, » сказалъ я. « Опъ умеръ, » отвѣчала она : « сегодня хороняшъ его въ Іезуитской церкви. » — Эша вѣспъ поразила меня : я былъ молодъ и еще не привыченъ къ пращамъ : шеперь, если умрешъ кшо изъ пріятелей моихъ, мнѣ кажешся, что мы съ нимъ были въ госпяхъ, и онъ только ранѣ меня пошелъ домой, гдѣ я вскорѣ найду его. Я побѣжалъ въ Іезуитскую церковь. Тамъ, въ одномъ скромномъ придѣлѣ, споялъ гробъ инока, освѣщаемый спусклыми лампадами. Хоръ опшельниковъ окружалъ почившаго брата, и пѣлъ хвалебные гимны Неисповѣдимому. Поодаль, у спѣны, спояло нѣсколько женщинъ, въ шраурной одеждѣ и покрывалахъ. Онѣ тихими голосами вшорили пѣнію ; иногда казалось мнѣ, что я въ сихъ унылыхъ звукахъ слышу что-то знакомое. По оконча-

ниі обряда, брація подняли, гробъ и понесли на ближашее кладбище. Женщины послѣдовали за ними. Я шель подлѣ. « Не вы ли синьоръ Алимари? » сказала одна изъ нихъ дрожащимъ опъ спароспи голосомъ. — « Я Алимари, » опвѣчалъ я. — « Покойный брапъ мой искренно васъ любилъ, и чувспвуя приближеніе кончины, хотѣлъ видѣти. Но васъ не было въ Павіи. Эпо его огорчило. Онъ скончался, пвердя ваше имя. » — « Такъ вы сеспра моего почпеннаго наславника! А эпо? » сказалъ я, указывая на женщину, кошорая шла подлѣ насъ, пихо рыдая. — « Эпо дочь моя, его креспница и ученица, шеперь совершенная сироба — я ей не подпора! » Мы подошли между пѣмъ къ могилѣ, опуспили гробъ при молишвѣ священника, при пѣніи монаховъ, и при общихъ рыданіяхъ. Покрывъ оспанки друга хладною землею, мы безмолвно ворожились въ городъ. Я шель за сеспрою покойнаго, самъ не зная, для чего. Она оспановилась

съ дочерью у одного бѣднаго дома, и спросила, не хочу ли посѣшпшь ее на минушу. Я согласился; мы вошли въ комнашы, убранныя не богато, но чисто и со вкусомъ. «Аншигона!» сказала спарушка дочери: «помоги мнѣ принять новаго госпя!» Аншигона! подумаль я: эпо она — невидимка. Въ эту минушу онѣ сняли съ себя покрывала. Въ мапери увидѣль я женщину почтеннаго вида, какъ казалось, кропкую и добродушную; — когда же обрапилъ глаза на дочь — узналь мою незнакомку — мечта моя осуществилась: Аншигона была дѣйствительнo ша самая дѣвица, которая красопою своею поразила меня въ церкви. Я смушился. Хозяйки мои приписали эпо заспѣнчивости, спарались ободришь, спали говоришь со мною. Я оправился, вслушался въ ихъ рѣчи, началъ опвѣчать, и чрезъ часъ познакомился съ ними, какъ будпо зналь ихъ нѣсколько лѣпъ. Вскорѣ узналь я все подробности ихъ состоянiя и жиз-

ня. Мать была вдова художника, умершаго, когда Анпигона едва начинала себя помнить. Дядя взялся за воспитаніе сироты, и преподавая ей уроки въ первоначальныхъ знаніяхъ, замѣтилъ въ ней необыкновенныя дарованія и способности. Эпо родило въ немъ желаніе воспитать племянницу, какъ бы племянника, познакомить ее съ высшими науками, съ языками и Липерашурою Древности. Анпигона училась охотно и прилежно, радовалась своимъ успѣхамъ, ибо они восхищали ея благодѣтеля, но не догадывалась, что познанія ея рѣдки и необыкновенны въ женщинѣ, и потому сохранила скромность, смиреніе, кротость своего пола; швердя стихи Гомера и Софокла, гошовила умѣренный обѣдъ своего семейства, и пѣла стихи Анакреона, какъ обыкновенныя народныя пѣсни. Спарикъ дядя жилъ въ одной съ ними квартирѣ, имѣвшей выходъ на двѣ улицы. Приходившіе къ нему поуштру не догадывались,

что онъ живетъ въ семействѣ. Вечеромъ уходилъ онъ въ другую половину дома, и занимался обученіемъ Анпигоны.... Черезъ два года я сочелся бракомъ съ Анпигоною. Не стану говорить вамъ, какъ я былъ счастливъ нѣсколько лѣтъ, — на это не станеть у меня словъ. Дядя не соглашался на бракъ мой, гошова меня въ духовное званіе, и когда узналъ, что я женился, написалъ ко мнѣ, чтобъ я не ожидалъ отъ него ни какого пособія, что онъ предославляетъ меня судьбѣ моей — судьбѣ моей! Мать моей жены вскорѣ скончалась. Намъ нечего было дѣлать въ Павіи. Одинъ университетскій товарищъ, родомъ Португалецъ, пригласилъ меня къ себѣ въ Лиссабонъ, обѣщая доставить мнѣ хорошее мѣсто. Мы туда отправились. Я поступилъ въ службу, подъ начальство Министра Помбала, одного изъ величайшихъ государственныхъ мужей нынѣшняго столѣтія. Досужіе часы проводилъ я въ

бесѣдъ моей Анпигоны, въ занятіяхъ науками. Богъ даровалъ намъ двоихъ дѣшей.— И нынѣ, по испеченіи полувѣка съ того времени, каждый день, опхоя ко спу, я молю Ненсповѣдимаго Подашеля благъ душевныхъ, воскресиль для меня въ мечпѣ дни молодыхъ лѣтъ: иногда молишва моя бываешъ услышана, и эшо случается шолько шогда, когда въ шеченіе дня мнѣ удалось сдѣлашь что либо доброе, укропиль въ сердцѣ порывъ самолюбія или неперпнїя, помочъ ближнему, — шогда переносюсь я во снѣ въ Лиссабонъ: сижу въ саду моемъ, подъ шѣнію кашпановъ, подлѣ меня сидиль Анпигона. Анпигоніо шрехлѣпнїй играешъ у ногъ нашихъ. Елена у ней на рукахъ.» — —

Алимари при сихъ словахъ зашрепеталъ всѣмъ шѣломъ; слезы навернулись у него на глазахъ; голосъ его задрожалъ. Кемскїй взялъ его за руку съ выраженіемъ сердечнаго учаспїя — и самъ заплакалъ. « Чшо же съ ними сдѣмалось? гдѣ они?» спросиль онъ.

«Перваго Ноября пншьдесять пяпато года,» продолжалъ Алимари: «я былъ еще счаспливѣйшимъ человѣкомъ въ мѣрѣ; но какое-то мучительное волненіе, какъ бы предчувствіе несчастія, волновало грудь мою. Воздухъ въ шопъ день былъ необыкновенно тяжель. Густыя шучи носились надъ Лиссабономъ. Зловѣщія ппицы хриплымъ крикомъ предвѣщали жестіокую бурю. Я легъ спать въ ожиданіи какого-то неизвѣснаго бѣдспвія. Спрашныя мечшы вскорѣ разбудили меня. Проснувшись, вижу Аншигону: она спойшъ на колѣняхъ предъ Распяіемъ, и заливаясь слезами, усердно молишя. — «Что съ тобою, другъ мой?» спросилъ я въ безпокойствѣ. — «Мнѣ спрашно!» сказала она: «хочу подкрѣпить и успокоить себя молишвою!» — Я хотѣлъ было опвѣчать ей, но вдругъ ужасный грохотъ и прескъ на улицѣ изумилъ и ужаснулъ меня. «Что это?» закричала съ трепешомъ Аншигона, и кинулась къ

спящимъ дѣшамъ. — Я набросилъ на себя плащъ, и поспѣшилъ выйти изъ дому. На улицѣ, полной успрашеннаго народа, раздавались вопли ужаса и опчаянія. Земля колебалась подъ моими ногами; стѣны огромныхъ зданій падали, какъ каршочные домики, и давили людей подъ собою. Ночь была темная. Громъ небесный впорилъ подземному грохоту. Молніи ежесекундно освѣщали каршину опустошенія. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, я обратился назадъ къ своему жилищу, но уже бездонная пропасть опдѣляла меня отъ моихъ. Я споялъ въ двадцати шагахъ отъ своего дома, въ мершвенномъ оцѣпенѣніи, самъ не зная, гдѣ я, и что со мною дѣлается. Вдругъ сверкнула молнія: Анпигона сшояла у окна, держа на рукахъ дѣшей; увидѣвъ меня, она закричала: «проспи на вѣки!» Еще блескъ молніи — и я видѣлъ, какъ домъ мой рухнулъ въ бездну. Я чувспвовалъ, что на меня посыпались каменья, и больше ничего не помнилъ.

На другой день, сказываюупъ, меня выпацили изъ подъ камней. Не знаю, что происходило со мною съ того времени. Я очутился, какъ говорилъ вамъ, чрезъ годъ послѣ того, въ Бадахосъ — на рукахъ добрыхъ монаховъ, одинокій, сирота, забвенный въ мiрѣ. Я пошелъ въ Лиссабонъ: на помѣ мѣспѣ, гдѣ былъ домъ мой, лежали груды камней. Все исчезло навѣки.»

«И вы оспались живы?» спросилъ Кемскій. — «Живу, ибо шакъ угодно Создавшему меня: живу, и жизнью спараюсь заслужить мѣспо подлѣ друга и дѣшей моихъ» — «И вы не находите въ этомъ случаѣ, что судьба жестоко поступила съ вами, что она съ адскимъ злорадствомъ погубила невинныхъ, а васъ пощадила, вамъ дала долготѣше, чтообъ ежедневно возобновляшь въ вашемъ сердцѣ мучительныя воспоминанія! И вы не клянете часа своего рожденія?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ Алимари тихо и пропьяжно: «Ежедневно благо-

словаю и благодарю Провидѣніе: оно знаетъ, что дѣлаешь. И чѣмъ долѣе живу, тѣмъ шверже, усладительнѣе, утѣшительнѣе спановишься во мнѣ мысль о премудрости, правосудіи, благости Божіей и въ самыхъ грозныхъ для человѣка явленіяхъ.

«Признаюсь, иногда возникалъ въ душѣ моей ропотъ на непоспизимость судебъ человѣческихъ, но онъ утихалъ при первомъ взглядѣ моемъ на сей свѣтъ, при помысленіи о спанспивенности духовнаго міра. Въ ту ночь, которая разрушила все мое земное счастье, одна великая Государыня, великая въ женахъ, Марія Терезія, дала жизнь Принцессѣ, рожденной со всеми правами и надеждами на счастье въ мірѣ. Я былъ свидѣтелемъ шоржеспивеннаго вѣзда Маріи Антоніи во Францію; неоднократно видалъ ее и посреди великолѣпнаго Двора, и въ простомъ одѣяніи помѣщицы Трианонской, и при взглядѣ на нее не могъ удержаться отъ шайнаго негодованія на судьбу,

въ одно и то же мгновеніе опнимающую у одного чело́вѣка все — и все дающую другому. Но попомъ, когда всѣ душевныя спраданія, всѣ жесточайшіе удары судьбы посыпались на сію несчастную Принцессу, когда она сведена была съ прона въ шемницу, лишилась супруга, разлучена была съ дѣтьми, когда въ одну ночь посѣдѣли ея волосы, и на другой день она взошла на эшафотъ — тогда, въ расперзанной спраданіями ближнихъ душъ моей, я принесъ покаяніе Господу, что дерзнулъ ропсать на Него, видя счастіе другихъ, возникшее въ одинъ день съ моими спраданіями, — и благословилъ невидимую десницу, меня покаравшую.»

Н. Грегъ.

ХАНДРА.

Бываютъ часто дни, извѣстные въ году,
Когда душа у насъ, какъ старецъ на ходу;
Когда мы тащимся, куда не зная сами,
И недовольными на все глядимъ глазами.
То дни тяжелые, — тогда хотя ступай
За тридевять земель, на самый свѣта край,
Повсюду кажется природа безобразной:
Рѣка игривая течетъ лѣниво, грязно,
Насупившись виситъ свинцовый сводъ небесъ,
Какъ зябнущій бѣднякъ трепещетъ мрачный лѣсъ,
И колокола звонъ и вѣтра забыванье
Какъ умирающихъ послѣднее стenanье.
То вынось встрѣтишь ты, то нищѣ тебя
Обступятъ, оглушатъ, таща и теребя.
Проходу не даетъ народъ чернорабочій:
Все лица блѣдныя, тускнѣющія очи...

И наконецъ, когда успѣешь ты уйти
Далеко, за городъ, чтобъ душу отвести
На розовыхъ устахъ красавицы влюбленной,
Въ какой нибудь пріютъ укромный, потаенный;
Какъ алчный ростовщикъ за мотомъ по пятамъ,
Хандра твоя тебя преслѣдуетъ и тамъ,
Гдѣ ручки полныя лице твое ласкаютъ,
Гдѣ двое томныхъ глазъ уста твои лобзаютъ.
И тамъ, отъ бѣлизны атласистыхъ ланить,
На конхъ поцѣлуй твой заревомъ горить,
Отъ пламенной груди, будь молоды вы оба,
Повѣтъ на тебя неожиданный холодъ гроба.

В. Щастный.

ПѢСНЯ АТАМАНА БАЩЛЫКА.

(Изъ пятыхъ сутокъ Русской Драммы: Двумужница.)

Не знавалъ я рода, племени,
Я не видывалъ родной матушки,
Я не слыхивалъ о родной сестрѣ,
Звалъ чужаго роднымъ батюшкой.
А ужъ взялъ я не сосватавши
Красну дѣвицу въ молодую жену;
Да и та жена, еще за живо,
Промѣняла добра молодца
На купчишку неключимаго.
Ахъ! за тѣмъ ли я на свѣтъ рождень,
Чтобъ отдаться на посмѣшище.
Налетѣлъ соколъ изъ поднебесья,
Вырвалъ ласточку изъ тепла гнѣзда:

Не для сладости, не для радости,
Изъ обычая молодецкаго.
Не достанься жъ ты, моя ласточка,
Ужъ ни мнѣ, ни кому, ни злодѣю моему!

Кн. А. Шаховской.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЛУНѢ.

СКАЗКА ГЕБЕЛЯ.

« Взглянь, бабушка: что тамъ въ лунѣ?

Ты видишь: парень тамъ.

« Да, видѣнь онъ теперь и мнѣ!

« Вонъ шапка, вонъ кафтанъ!

« Не ужъ то ночь всю на пролѣтъ

« Безъ дѣла онъ стоитъ? »

Нѣтъ! прутья по-лѣсу беретъ.

« А! вонъ ивнякъ крутить!

« А я на мѣстѣ бы его

« Такъ здѣсь бы работалъ. »

Да развѣ нашъ онъ? — для него

Къ землѣ и слѣдъ пропалъ!

Такъ, внучекъ, въ лунной сторонѣ
Въ себѣ онъ не воленъ:
Хотѣлъ бы къ намъ — да тамъ, въ лунѣ
Работать осуждѣнъ.

« Да чтожъ онъ сдѣлалъ на землѣ
« Что занесенъ туда? »
Иванъ, какъ слышно, на селѣ,
Лѣнивъ былъ всегда.

Онъ о молитвѣ не радѣлъ,
Онъ бѣгалъ отъ работъ;
А тотъ, кто бѣгаетъ отъ дѣлъ,
Со скуки пропадѣтъ.

Бывало: весь крещенный мѣръ
Въ Господень храмъ спѣшить,
А онъ отъ церкви — да въ трактиръ:
Глядъ — штофъ и осушить.

« Кто жъ денегъ-то ему давалъ
« Для вольнаго житья? »
Вотъ — на! онъ самъ ихъ промышлялъ
Изъ чуждаго жилья.

Вотъ, слушай: былъ воскресный день,
 Поднялся плуть съ зарёй,
Топоръ взявъ, шапку на бекрень —
 И тотчасъ въ лѣсъ чужой.

Тамъ лучше кусты срубилъ,
 Тычипокъ настругалъ,
И, безъ оглядки, потащилъ
 Домой все, что украсть.

Вотъ ужъ пришелъ... какъ вдругъ надъ нимъ
 Раздался страшный вой:
« Тебѣ идти путемъ инымъ!
 « Ступай, Иванъ, за мной! »

И съ той поры ужъ никому
 Онъ не встрѣчался здѣсь;
Стоитъ въ лунѣ, — и тамъ ему
 Товарищъ — темный лѣсъ.

Тамъ топоромъ кусты счѣтъ,
 Тамъ зябнетъ молодець,
Тамъ иву гибкую онъ вѣтъ,
 И пьянству ужъ конецъ.

Вотъ прилучилось что ему;
Пропаль онъ на всегда!
« Родимая моя! къ нему,
« Я не хочу туда!»

Коль такъ, то отъ грѣха блюдись,
Отъ пьянства убѣгай,
По праздникамъ — въ церквахъ молись,
По буднямъ — работай!

М. Деларю.

ПЪСНЯ.

Одно облачко на синихъ небесахъ,
Одна думушка въ лазоревыхъ глазахъ.

Какъ за облачкомъ не вижу солнца я,
Мутенъ Божій день сквозь слезы для меня.

Душно въ теремъ, дыханье замяло,
Грустно на сердце, вздыхаю тяжело.

Кабы облачко распалось грозой,
Кабы думушка горячею слезой.

Кабы вольно мнѣ заплакать молодой,
Отереть глаза дѣвичею фатой. . . .

Скрылось облачко въ далекіе края,
За широкія, за синія моря.

Въ ту сторонушку, гдѣ солнышка восходь...
Кто же грусть — тоску разгонитъ, унесеть?

Князь Мещерскій.

КЪ МОНУМЕНТУ
БЛАГОСЛОВЕННАГО.

На зовъ всемогущий Николая
Изъ мрачныхъ нѣдръ земли исторглася скала.
Дѣла Великаго она изображая,
Гранитное чело надъ градомъ вознесла;
Какъ возносился Онъ надъ тронами вселенной
Величїемъ души, Главой Благословенной!

М. Марковъ.

СТРАДАЛЕЦЪ КЪ БОГУ.

Что мигъ — то жизни грустной бремя
Полнѣтъ надъ моею главою!
Мучительно проходить время
Предъ неутѣшною душой.
Я изнемогъ, въ печаляхъ ноя!
Дай, дай хоть мигъ одинъ покоя
Ты, чья Всемошная рука
Зажгла небесныя свѣтила,
Брегами море оградила
И сжала воздухъ въ облака!

Спаси меня на сей дорогъ!
Больной отверженецъ людей
Пришелъ искать спасенья въ Богъ. —
Онъ палъ предъ благостью Твоей!...

Не по Твоей ли чудной власти
Во мнѣ зажглися чувства, страсти?
Не чистымъ ли Твоимъ лучемъ
Душа и сердце засвѣтились? . . .
Но въ гнусномъ мѣрѣ изменились —
Святому нѣтъ приюта въ немъ!

Не отвергай моей молитвы,
Дай вознестись къ Твоимъ стопамъ,
Дай силу, средь житейской битвы,
Душъ противиться грѣхамъ!
Ее гнѣтутъ земли пороки
И совѣсти моей упреки
Въ неблагодарности къ Тебѣ!
Исторгни жъ перлъ изъ ямы смрадной,
Пролей въ него свой лучъ отградный,
И святость дай моей мольбѣ! . . .

М. Марковъ.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XVII (*).

«Возлюблю Тя Господи, крѣпости моя.»

Къ Тебѣ мой Богъ великій, вѣчный
Желанья всѣ мои парятъ;
Сквозь тьму и бездну безконечны,
Гдѣ милліоны звѣздъ горятъ,
И гдѣ крутятся міры въ пучинахъ,
Твое величество гласятъ:
Великъ Господь, великъ и святъ
Вещей въ началахъ и кончинахъ!

(*) Издатель, принося искреннѣйшую благодарность почтеннѣйшему Ивану Андреевичу за дозволеніе украсить его именемъ Комету Бѣлы, надѣется, что публика съ удовольствіемъ прочтетъ сіе произведеніе любимаго ея писателя, еще нигдѣ ненапечатанное и относящееся къ началу его литературнаго поприща.

Великъ величества Творецъ,
Въ бѣдахъ мнѣ щить, въ судѣ Отецъ.

Болѣзни взоръ мой помрачали;
Земля разверзлась подо мной;
Какъ сонмъ стѣсненныхъ тучъ печали
Носились надъ моею главою.
Переставало сердце биться, —
Потекъ по жиламъ смерти хладъ; —
Уже ногой ступилъ я въ адъ, —
Но вспомнилъ къ Богу обратиться. —
Сквозь небеса проникъ мой вздохъ —
И мой меня услышалъ Богъ.

И двинулась — и встрепетала
Земля, поверженная въ страхъ.
Отъ гнѣва Бога тьма возстала,
Содрогнулись сердца въ горахъ.
Взглянулъ онъ — море возмутилось
И вихри пламенны взвились,
И страшны громы раздались;
Ступилъ — и небо преклонилось. —
Сошелъ — и крѣпкою пятою
Спустилъ онъ мраки подъ собой.

И се — възсѣдъ на вихри скоры
Несется облеченный въ тьму.
Предъ нимъ кремнисты тають горы;
Курятся бездны въ слѣдъ ему.
Какъ молнія его блистанье.
Онъ рекъ — и грозный гласъ внемля
Разсылась въ трепеть земля,
Вселенной вскрылись основанья;
И воды, въ страхъ, безъ препонъ,
Текутъ смутясь изъ бездны вояъ;

Подвигнувшись толь страшной бранью,
Враговъ моихъ кара зломъ,
Мой Богъ своею сильной дланью,
Какъ крѣпкимъ мѣдянымъ щитомъ
Покрываетъ меня — и мнѣ ихъ стрѣлы,
Какъ ломкой и гнилой тростникъ:
Сколь Богъ мой страшень и великъ,
Столь тѣсны силы ихъ предѣлы!
Едва я возопилъ стена,
Онъ двигнулъ громы за меня.

Пари мой духъ за круги звездны,
Любовью къ Богу вознесенъ;

Храни пути его небесны —
И будешь въ гибеляхъ спасень.
Странись мужей коварныхъ, лъстивыхъ:
Бесѣда ихъ для сердца ядъ;
Съ святымъ ты будешь купно святъ;
Познаешь правду средь неживыхъ;
Съ правдивымъ будешь ты правдивъ;
И съ нечестивымъ нечестивъ.

Смирненныхъ щить! Смиритель гордыхъ!
Блесни зарями въ грудь мою;
И на столпахъ надежды твердыхъ
Твою я славу воспою;
Черезъ горы препинаній ада
Переступлю, какъ исполнь;
Перелечу, какъ сыщъ ормигъ
Черезъ бездны, страшныя для взгляда —
И вѣрой воспаленъ къ Царю,
Какъ солнце юно возгору.

Съ Тобой кого мнѣ утрашиться,
Кого бы я не превозмогъ? —
Кто славою съ Тобой сравнится?
И гдѣ Тебя сильнѣйшій Богъ? —

Гдѣ небо, гдѣ есть круги звѣзды,
Для силъ и для боговъ иныхъ?
И гдѣ для молній есть твоихъ
Недосягаемыя бездны? —
Твоимъ лишь духомъ все живетъ —
Ты все — инаго Бога нѣтъ.

Не Ты ль, вдохнувъ мнѣ силы многи,
Даль крѣпость льва моимъ рукамъ,
Еленью скорость далъ мнѣ въ ноги
И орлю быстроту глазамъ?
Не Ты ль на брань меня наставилъ,
Даль мышцы мнѣ какъ мѣдянь лукъ?
Не Ты ль различны силы вдругъ,
Чѣмъ въ тысящахъ себя прославилъ,
Въ одномъ во мнѣ соединя,
Въначаль Царемъ земли меня?

Не силою ль Твоей взлетаетъ
Мой быстрый духъ на небеса,
Гдѣ солнцевъ тысяча блистаетъ,
Твоя вѣщая чудеса?
Не силою ль Твоей великой
Причину міра мѣритъ ояъ

И постигаетъ тотъ законъ,
Чѣмъ обуздашь хаосъ Ты дикой,
Пространства раздѣлишь мірамъ,
Даль стройный видъ и бѣгъ тѣламъ?

Но гдѣ есть слово чловѣка
Тебя обильно превознестъ? —
Въ комъ долготы найдется вѣка
Твои всѣ чудеса изчестъ? —
Пади мой духъ въ смиреньи многомъ,
И свой не устремляй полетъ
Въ пучины, коимъ мѣры нѣтъ. —
Чтобъ Бога знать, быть должно Богомъ;
Но чтобъ любить и чтить Его,
Довольно сердца одного.

И. Крыловъ.

1795.

